

894.342(092)

113 страниц.

23

**АБАЙ
И ЕГО ЛИТЕРАТУРНЫЕ
НАСЛЕДНИКИ
ВО ФРАНЦИИ**

**ABAI
ET SES SUCCESSEURS
LITTERAIRES
EN FRANCE**

Б94.3(0-1)

А13

АБАЙ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНЫЕ НАСЛЕДНИКИ ВО ФРАНЦИИ

(Французские авторы
о литературе Казахстана)

ABAI ET SES SUCCESSEURS LITTERAIRES EN FRANCE

(Regards d'auteurs français sur la littérature
du Kazakhstan)

Алматы, "САНАТ" 1995

ББК 83.3 Каз
А 13

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАНА

При участии Историко-Генеалогического Фонда "Казахстан"

Составитель, автор предисловия и руководитель группы переводчиков - кандидат филологических наук, лауреат Государственной премии "Дарын" М. Х. **МАДАНОВА**

Ответственный редактор - заслуженный деятель науки РК, член-корреспондент НАН РК, доктор филологических наук, профессор Ш. К. **САТПАЕВА**

Абай и его литературные наследники во Франции
А 13 (Французские авторы о литературе Казахстана). – Алматы, "Санат", 1995. – 176 стр.

ISBN 5-7090-0153-8

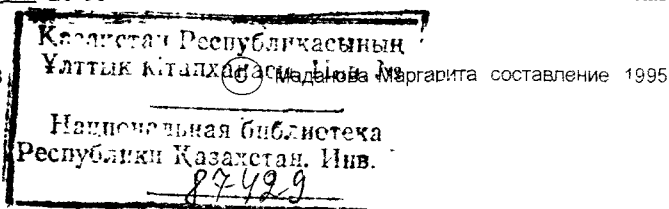
Сборник на русском и французском языках рассказывает о том, как творчество Абая Кунанбаева, Мухтара Ауэзова, Габита Мусрепова, Абдихамила Нурпейсова, Мориса Симашко, Олжаса Сулейменова стало достоянием читательской аудитории во Франции. Представление французам о духовной культуре казахов связано прежде всего с именем Абая, и они много лет ждали встречи с его творчеством и поэзией. Книга рассчитана на литературоведов, филологов, культурологов, историков и широкий круг читателей.

А 4603010000-015 28-95

ББК 83.3 Каз

416/051-95

ISBN 5-7090-0153-8

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этом году широко отмечается 150-летие великого казахского поэта, философа, просветителя и демократа Абая (1845-1904), чьи произведения, созданные в прошлом столетии, до сих пор не утратили своего общечеловеческого, художественно-эстетического и нравственного значения. Подобно всем великим творениям человеческого духа, его художественное наследие наполняется сегодня более глубоким современным смыслом и продолжает служить высоким идеалам цивилизованного мира. В то же время, следует отметить, что именно в наши дни творчество Абая становится подлинно национальным достоянием и является духовным символом, своеобразной кредитной карточкой казахского народа во всем мире.

Выходец из степной аристократии, Абай воспитывался в духовных традициях народной культуры и получил разностороннее образование: вначале - дома, затем в мусульманской, а после - в русской школе; в то же время он постоянно занимался самообразованием, самосовершенствованием, овладев таким образом, самыми широкими и разнообразными знаниями. Обладая живым, пытливым и аналитическим умом, и имея большой круг общения, он ежедневно сталкивался с самыми разнообразными проблемами и разделял все тяготы, заботы и стремления соотечественников, ярко, образно и емко запечатлев духовные идеалы своего народа в поэтических произведениях и в прозаическом трактате "Слова назидания". Огромной заслугой Абая является то, что он чутко уловил веяния своего времени и, наряду с Гете, Байроном, Пушкиным и другими гениальными личностями прошлого века, блестяще воплотил в своем творчестве идею восточно-западного синтеза, это обстоятельство определило универсальность его поэзии и дидактической прозы. Общечеловеческое, всемирное значение творчества Абая было по достоинству оценено мировой общественностью, не случайно ЮНЕСКО приняла решение торжественно отметить юбилейную дату со дня рождения поэта

В связи с тем, что праздничное торжество пройдет не только в Казахстане, но и в других странах, и в частности, во Франции, интересно проследить историю восприятия Абая и современной литературы Казахстана французскими читателями, тем более, что характер этой рецепции наглядно отражает общие закономерности знакомства и признания духовной культуры казахского народа во многих странах Западной Европы и во всем мире

Произведения Абая долгое время оставались неизвестными французским и франкоязычным читателям; личность Абая по настоящему привлекла внимание в 50-е годы нашего века, когда Луи Арагон основал свою известную серию “Советские литературы” и в числе первых избранных произведений опубликовал роман Мухтара Ауэзова “Абай” в переводе на французский язык, осуществленным замечательным деятелем культуры и мастером художественного слова Антуаном Витезом. Примечательно, что через это произведение зарубежные читатели открыли для себя одновременно и талант писателя Ауэзова и незаурядную личность Абая; в немалой степени этому способствовал и Луи Арагон, подчеркивавший мировое значение произведений Ауэзова и поэтический гений Абая в обширном предисловии к роману и в ряде статей на страницах парижской прессы. Уже хрестоматийным стало высказывание Луи Арагона, отмечавшего, что “эпический роман об Абае ... – один из самых замечательных романов двадцатого века. ... и напрасно искать в другой части мира произведения, с которыми можно было бы его сравнить.” Можно представить себе с каким огромным нетерпением и интересом ждут франкоязычные читатели, прочитавшие этот роман и познакомившиеся с Абаем, встречи с его собственными произведениями, с его поэзией! Отныне их представления о духовной культуре казахов были прочно связаны именно с творчеством Абая. Как отмечал Жорж Буйон: “Увы, его произведения в переводе на французский язык все никак не появятся ... Слава богу, в ожидании их, мы имеем наполовину исторические, наполовину вымышленные романы Мухтара Ауэзова “Юность Абая” и “Путь Абая”, которых достаточно, чтобы понять и восхититься этим феноменом национального абаизма, который царит во всем Казахстане. ... Счастлив поэт, сумевший отразить национальное сознание и счастлив народ, так открыто прославляющий своего поэта!”

По мнению многих, “поэзия непереводаема” и, по видимому, есть своя внутренняя логика в таком долгом и томительном ожидании встречи с творчеством одного из великих мастеров художественного слова, заключавшим в себе целый духовный космос. Помимо чисто языковых и литературных трудностей перевод казахской поэзии прошлого века на европейский язык осложняется и психологическим контекстом восприятия своеобразной культуры кочевников. Разумеется, ведущие мотивы поэзии и основные темы его “Слов назидания” – универсальны, они созвучны произведениям всемирной классики в жанрах любовной гражданской, пейзажной, философской лирики и дидактической прозы. В то же время, здесь столько непередаваемых нюансов, оттенков, свежих образов, которые не только разнят Восток и Запад, но и внутри Востока – мир кочевников степной цивилизации и мир оседлых цивилизаций. Нелегко донести все богатство образов и тонкостей, которые как раз и образуют полнокровное полотно творчества Абая

Знакомство французских читателей с Абаем и осознание его роли как осново-

положника современной казахской письменной литературы, заложило начало дружбы с писателями и поэтами Казахстана, которые воспринимались как духовные и литературные наследники великого Абая. Возрастающий интерес зарубежных читателей к Абаю, к Мухтару Ауэзову все больше способствовал переводу на французский язык произведений других писателей Казахстана. В конце 50-х годов во Франции выходит роман Габита Мусрепова “Солдат из Казахстана”, вызвавший ряд положительных отзывов писателей и критиков, среди которых были Андре Вюрмсер, Пьер Филибер и др.

В 60-е годы известная переводчица Лили Дени приступила к переводу на французский язык трилогии Абдижамила Нурпеисова “Кровь и пот”. Первая часть романа – “Сумерки” вышла в свет с предисловием Юрия Казакова, который отмечал, что “после Абая и великого писателя Мухтара Ауэзова нужно было обладать большим мужеством, чтобы снова взяться за исторический роман”, – и далее писал: “Франция – это первая страна на Западе, которой предстоит открыть для себя и автора, и его произведение.”

Анализируя множество откликов, появившихся в прессе сразу после публикации первой части романа, можно сказать, что эта книга имела заслуженный успех во французской аудитории, как и у себя на родине. После выхода в свет последующих частей трилогии Тристан Рено писал: “Замечательно наблюдать на протяжении романа, как просыпается сознание Еламана и как растет в нем стремление вернуть другим их собственную свободу. Но особенно приятно убедиться, что роман “Мытарства” такой же значительный, как и “Сумерки”.

В другой публикации выражалась уверенность, что “читатель полюбит эту книгу за ее человеческую теплоту, за чувство справедливости, заложенной в ней, и будет очарован удивительными образами бескрайней степи и гордых всадников населяющих ее.” Роман Нурпеисова вызвал восторженные отзывы Луи Арагона, Андре Стиля и других известных писателей.

Справедливости ради необходимо сказать, что подлинный успех любого произведения, издаваемого за рубежом, во многом зависит от таланта и самоотверженного труда переводчика. В этом отношении нашим писателям и поэтам повезло, так как во Франции переводы произведений литературы Казахстана были осуществлены такими замечательными и опытными мастерами художественного перевода, как Антуан Витез, Лили Дени и Леон Робель

Продолжая благородное дело популяризации среди соотечественников литературы Казахстана, Лили Дени перевела на французский язык и произведения широко известного писателя Мориса Симашко в частности его исторические романы “Маздак”, “Повести Красных и Черных песков” и “Семирамида”

Восторженно отзываясь о творчестве Мориса Симашко критики

также высоко оценили и уровень перевода. В одной из многочисленных рецензий о романе «Маздак» можно прочитать следующие строки: «Редко можно встретить сочетание такой эрудиции с такой красотой изложения, когда первое несколько не утяжеляет и не обесцвечивает второе».

Невозможно сказать, является ли какая-нибудь деталь следствием удивительных знаний автора или же плодом его точной фантазии. На этом уровне сам перевод требует как незаурядной эрудиции, так и чувства поэзии. Вот почему в успехе романа немалая доля успеха Лили Дени.

Интересный отзыв на появившийся в 1992 году роман «Семирамида» опубликовал в газете «Фигаро» поэт и критик Ален Боске. Характеризуя творчество Симашко, Боске писал, что его никак нельзя причислить к романистам досоветской или чисто советской эпохи, таким как Горький или Шолохов.

Во Франции уже были опубликованы две его великолепные книги, которые передают это состояние более близкое сказаниям «Тысячи и одной ночи», чем инвективам Маркса и Энгельса.

Продолжая рассматривать хронику переводов произведений современной литературы Казахстана на французский язык и панораму рецепции этих произведений, необходимо отметить обширную статью журналистки Анн Филип, супруги знаменитого киноактера Жерара Филипа, которая неоднократно бывала в Казахстане, в Средней Азии и познакомившись с Симашко, Олжасом Сулейменовым и Чингизом Айтматовым, поместила свой репортаж об их творчестве на страницах газеты «Монд».

С поэзией Олжаса Сулейменова франкоязычные читатели начали знакомиться в 70-е годы, когда в различных журналах, а затем – в поэтическом сборнике «Но поэзия...» появилось множество его стихов. В этой книге о молодом казахском поэте говорилось, что его творчество представляющее великолепный сплав казахской поэтической традиции и современной русской поэзии, также захватывающе, как и оригинально.

Ему присущи острый модернизм концепций и древняя восточная мудрость, целомудрие чувств и обнаженная откровенность, блеск парадоксов, окутывающий глубину мысли и человечность под покровом необузданной иронии.

В 1976 году выходит поэтический сборник «Глиняная книга», а в 1981 году – «Трансформация огня». Оба сборника были переведены Леоном Робелем, который отмечал: «Олжас Сулейменов по моему глубокому убеждению сегодня – один из самых значительных поэтов современности». Более всего в творчестве Сулейменова поражает размах и полная свобода, как в выборе тем, так и в выборе выразительных средств.

И наконец, известный современный поэт Ален Боске, рецензируя произведения Сулейменова, называет своего казахского коллегу «самым

беспокойным поэтом Советского Союза', – уточняя что под этим следует понимать то что он действует как человек, присвоивший себе право подвергать все сомнению и отношения коммунизма с Кораном и общественную структуру, и даже строение поэтического языка

Сулейменов является по профессии геологом, ему присущи размышления специалиста, который измеряет явления пластами и миллионами лет, жизнь представляется ему феноменом который социалистический реализм не может объяснить. Свообразие Сулейменова проявляется в его стремлении осуществить синтез между мифологической Азией и современной Европой. Он может говорить о стадах яков, о тундре, о Чингисхане, и почти с тем же вдохновением цитировать Маркса, Ленина, Сартра или расхваливать взрывные свойства джаза "

Процитированные здесь отклики наглядно показывают что поэзия Сулейменова, как и исторические романы Симашко окончательно ниспровергали стереотипы о монотонной соцреалистической продукции советской литературы. Позволим себе небольшое лирическое отступление и отметим, что, приводя разнообразные мнения французских авторов о предыдущих писателях, мы вправе рассчитывать на аналитический и сознательный подход современного читателя который несомненно будет делать поправку на время и обстоятельства этого периода. Например, учитывая, что произведения Мухтара Ауэзова, Габита Мусрепова и некоторых других писателей были созданы в самый разгар социалистического развития общества, вполне очевидно, что они не могли быть представлены официальной советской критикой иначе чем проявление "торжества метода социалистического реализма" и эта официальная презентация так или иначе проявлялась и в зарубежной критике. Механически перенимая или же искренне разделяя духовные и идеологические смятения своего времени многие видные деятели литературы и культуры, оставили ряд высказываний, потерявших сегодня свою актуальность и воспринимаемых лишь как документ времени. Мы не станем корректировать или стыдливо прятать за многоточия эти высказывания, мы даем эти фразы в переводе наглядно демонстрируя что во французской критике этот метод мог вызывать сочувственное отношение, но все же никогда не культивировался. Большинство зарубежных отзывов свидетельствует что наибольшую ценность для читателей и критиков представляли прежде всего сами произведения и авторы, их общечеловеческие и гуманистические устремления их духовность, а не идеология.

Возвращаясь к теме разговора можно заключить что переводы произведений и рецензии французских критиков начиная с 50-х годов и до сегодняшних дней, представляют во Франции и других франкоязычных странах панораму современной литературы Казахстана очерчивая ее основные вехи известные произведения и крупнейших

ее представителей: Мухтара Ауэзова, Абдижамила Нурпеисова, Мориса Симашко и Олжаса Сулейменова.

В то же время, имея верное представление о развитии современной литературы Казахстана, французский читатель продолжает ожидать встречи с творчеством Абая. Интерес к нему все более обостряется в наши дни, когда особенно оживляются связи между двумя государствами как в области политики и экономики, так и в области культуры и литературы. С другой стороны, международное чествование казахского поэта во Франции становится еще одним проявлением растущей дружбы. Учитывая, что имя Абая в период подготовки и проведения юбилея будет неоднократно на устах у французской аудитории, можно сказать, что французский читатель уже достаточно подготовлен к глубокому восприятию творчества Абая.

И вот мы получили большую радостную новость в сфере литературных взаимосвязей. Отвечая насущным потребностям сегодняшнего дня, казахский публицист, поэт и переводчик Галимжан Муканов взял на себя смелость и мужество перевести на французский язык "Слова назидания", а также поэмы "Искандер" и "Масгут" Абая. Ценность этого замечательного факта бесспорна, ведь Г. Муканов переводил непосредственно с языка оригинала.

Необходимо отметить, что в связи с именем Галимжана Муканова нашим читателям еще памятна поэма Клер Клермонт "Владимир и Зара", созданная в 1836 году и повествующая о жизни казахских степей. Это уникальное произведение, ставшее достоянием широкой общественности в нашей стране благодаря неутраченному научным поискам член-корреспондента Национальной Академии наук Шамшии Канышевны Саптаевой и переводческому труду Галимжана Муканова, была опубликована в Алматы в 1980 году на казахском языке.

Читатели и критики, тепло встретившие выход в свет поэмы "Владимир и Зара", с особым интересом отнеслись к изданию произведений Абая на французском языке.

Вышедшая совсем недавно, эта книга уже получила ряд положительных отзывов в казахстанской прессе; надеемся, что этот труд будет по достоинству оценен и франкоязычными читателями.

Преследуя вполне конкретные задачи настоящего сборника, мы включили в него предисловие из книги, написанной Альбертом и Мадлен Фишлер. Сборник завершается отзывом Кристиана Висанти, который с огромным энтузиазмом откликнулся на наше предложение написать небольшой очерк о своем восприятии творчества Абая. В этой статье, поведав об интересных мыслях и ассоциациях, вызванных чтением Абая, автор изложил свое высокое понимание служебного и гражданского долга государственного служащего. Кроме того он предложил на суд читателей собственные переводы на французский язык двух поэтических произведений "Лето" и "Охота с беркутом". Символично, что этот

сборник, посвященный юбилею Абая, заканчивается его стихами, после чтения которых можно было бы вновь воскликнуть, подобно супругам Фишлер: "Давайте читать Абая!"

Прежде чем предоставить слово французским авторам, необходимо сказать несколько слов о том, что при составлении настоящего сборника мы имели перед собой в качестве замечательного образца сборник "Казахская литература в оценке зарубежной критики", составленный Ш. К. Сатпаевой и А. С. Мусиновым и вышедший в Алматы в 1971 году. Этот сборник был уникальным по содержанию и, пожалуй, впервые наиболее полно отразил весь диапазон восприятия казахской литературы в западных странах. Он фактически, а не голословно, показал мировое признание произведений казахской литературы и познакомил нас не только с разнообразными отзывами, но и "с той замечательной работой, которая была проделана и ведется в других странах по пропаганде казахской литературы и укреплению ее международных связей."

Данный сборник является своего рода продолжением и задачи его более скромны: круг материалов ограничен лишь рамками франкоязычных государств. В то же время, сбор материалов обнаружил такое огромное количество документов, что мы сознательно отказались от целого ряда уже переведенных и опубликованных в вышеупомянутом сборнике статей о творчестве Ауэзова, Нурпеисова, Мусрепова. Исключениями явились статья Армана Гатти, частично переведенная для сборника 1971 года Р. И. Усвяцевой и "допереведенная" автором этих строк и предисловие Луи Арагона к французскому изданию романа "Абай", из которого небольшая, но основная по смыслу часть была уже опубликована в переводе О. Вишневской и Р. И. Усвяцевой; в настоящем сборнике это предисловие переведено полностью. Кроме того, здесь повторно воспроизведены два-три перевода о творчестве Симашко, которые прозвучали лишь на страницах прессы. Подавляющее большинство отзывов о творчестве Мухтара Ауэзова, Абдижамила Нурпеисова, Мориса Симашко, а также все статьи о творчестве Олжаса Сулейменова публикуются на русском языке впервые.

В целом, газетный и журнальный материал, наряду с оперативностью, актуальностью и непосредственностью реакции, имеет и отрицательную сторону, которая заключается в недолговечности информации и относительной поверхности читательского восприятия. И это досадно, ведь зачастую материалы периодики содержат глубокие мысли, тонкие наблюдения и яркие суждения, особенно если они принадлежат перу опытных мастеров слова.

Таким образом, настоящий сборник призван воскресить множество интересных документов, расширить читательский резонанс во Франции, что одновременно предполагает и все франкоязычные страны, а также через переводы на русский язык - ознакомить с этими критическими заметками прошлых лет и общественность нашей страны. Подобные

свидетельства интереса к литературе и культуре Казахстана в Европе актуальны не только в этот год празднования юбилея Абая, эти связи между литературами и народами различных стран мира становятся необходимым условием духовного и нравственного процветания всего человечества.

М. Х. Маданова

АБАЙ И АУЭЗОВ ЧТО ЕСТЬ В МИРЕ СИЛЬНЕЕ СЛОВ? ¹

Вначале было Слово Потом пришел Малерб! . . . *

Это известное изречение, можно было бы применить и к творчеству Абая Кунанбаева (1845-1904), стоявшего у истоков казахской письменной литературы и посвятившего ей свои самые возвышенные строки. Увы, его произведения в переводе на французском языке все никак не появятся в московском издательстве "Прогресс". Слава богу, в ожидании их, мы имеем наполовину исторические, наполовину вымышленные романы Мухтара Ауэзова (1897-1961) "Юность Абая" и "Путь Абая", которых достаточно, чтобы понять и восхититься этим феноменом национального абаизма, который царит во всем Казахстане. Стоит лишь увидеть оперный театр имени Абая и памятник Абаю в столице Алма-Ате, чтобы сказать себе: "Счастлив поэт, сумевший отразить национальное сознание и счастлив народ, так открыто прославляющий своего поэта!"

Этот огромный народ, проживающий на территории от Каспийского моря до Иртыша, действительно, всегда высоко ценил мастерство своих акынов, этих бардов-кочевников, самородков и импровизаторов одновременно. До сих пор еще живы поэтические состязания, сопровождающие игру на домбре, представляющей собой наиболее популярный вид инструмента. Мне удалось побывать на юге, посетить мемориальный музей Джамбула (1846-1945), затем дом-музей Ауэзова, мне выпало счастье путешествовать на самолете, на автомобиле и на лодке по степям и горам Кокчетавы, на севере республики, и я чувствую себя готовым, лучше чем кто-либо другой, понять чаяния Абая, его окружения, и его соперников

А что мне известно об Ауэзове? Я знаком с его дочерью, бывал в его доме, видел его пьесу "Айман-Шолпан" осенью 1970 года в Казахском драматическом театре, читал его последний рассказ "Мечь Бахтыгула" (опубликованный на французском языке в журнале "Евр е Опиньон" за сентябрь 1961г.), его романы "Юность Абая" и "Абай", вышедшие в 1958 и 1960 гг. в издательстве "Галлимар" в серии "Советские литературы" под редакцией Арагона, и

¹ BOUILLON Georges J'ai vu l'aurore se lever sur le Kazakhstan - Vieux-Virton, Edition de la Dryade, p 225-232

* Игра слов с подтекстом по французски "слово" - "verbe" рифмуется с именем "Malherbe" - французского поэта (1555-1628гг.), стоявшего у истоков классицизма, реформатора французского литературного языка (прим - М М)

его краткую биографию, предшествовавшую "Мести Бахтыгула", которую я читал также в журнале "Европ" в номере за сентябрь-октябрь 1957 г. Этого, конечно, мало когда думаешь о многочисленных театральных произведениях Ауэзова, обо всех его рассказах и романах о жизни своей страны в период развития по пути к социализму. Этого также мало, когда думаешь, кроме того о его разнообразной жизни, о его титулах и званиях, ведь он был и писателем, и переводчиком, и историком, и членом Академии наук Ташкента, и профессором Университета в Алма-Ате, депутатом Президиума Верховного Совета Республики, членом Президиума Союза писателей СССР, лауреатом Ленинской премии, лауреатом Государственной премии.

Но, кроме того, что я мог бы многое сказать о трогательном музее Ауэзова, который я посетил в сопровождении его дочери и дочери ныне здравствующего писателя Мустафина, об удивительной атмосфере искреннего соперничества между сценой и публикой в Казахском драмтеатре, об акции Бахтыгула, предваряющей события накануне Революции, я бы хотел немного остановиться на романе-эпосе об Абае. При этом можно было бы уточнить, что автор романа – выходец их того же рода, что и его герои, что он выучился читать по стихам Абая, а позже получил образование в Ленинградском Университете; этим объясняется его двуязычие и синтез славянских и восточных культурных традиций. И вот интересная деталь: его бюст, подаренный мне Союзом писателей Казахстана, украшает кабинет, в котором я пишу сейчас эти строки о его романах, в которых повествуется почти о Средних веках, и которые представляют для современного Казахстана примерно то же, что для многих народов великие эпопеи давних веков.

"В те далекие годы, почти целое столетие тому назад, в самом сердце Центральной Азии, жил некий юноша, вроде Вильгельма Мейстера или Тиля Уленшпигеля, представивший нам свой народ, которому он подарил новый поэтический язык", такими словами мог бы я начать резюме этой истории, повествующей о годах учебы героя романа. Но я бы мог также, в самом начале, повторить слова Арагона, который говорил: "Роман "Абай", на мой взгляд, это одно из самых значительных произведений двадцатого века ... Оно не только стоит в первом ряду произведений советской литературы, но и во всем мире невозможно найти другого произведения, подобного ему. ... В поворотные моменты развития общества, действительно, появляются великие книги, как "Дон Кихот", созданный на закате феодального мира, как "Робинзон Крузо", вышедший в период всемирного торжества английской экономики. ... Но в настоящее время, я в самом деле, не могу найти подобного произведения в нашей маленькой Европе". И я бы мог пройти как

Ла Фонтен, трезвоня на все стороны: “Читали ли вы Баруха?”, или же более конкретно спросить Вас. “А знаете ли Вы, что в этой многонациональной советской литературе, которую вы не признаете или о которой вы плохо отзываетесь, существует, по крайней мере, этот шедевр на казахском языке с яркими персонажами, образами и пейзажами, созданный в период “Бури и натиска” и распространяющийся далеко в ночи и в свете дня?”

В связи с тем, что мне, к сожалению, необходимо быть кратким, придется ограничиться тем, что отметить основные темы этого романа-реки, разливающего прозу и поэзию, историю и географию, идиллию и насилие, этнографические и фольклорные этюды. Здесь смешались сцены охоты и сражений, кражи скота и похищения девушек, свадебных тоев и поминок, борьба против людей и против природы, гомерические выступления и музыкальные состязания. Здесь истинное судейское красноречие следует за бесконечными разглагольствованиями, здесь весна идет вслед за ветрами и снегом. Здесь кочевые селения - аулы бесконечно перемещают свои юрты с летних пастбищ на зимовья (поскольку действие происходит в период кочевничества народа); здесь пастушеская жизнь чередуется с войной между родами – войной между баями (крупными собственниками или богатыми торговцами), чье стремление к могуществу, власти удовлетворяется, разумеется, за счет народа.

Грозный Кунанбай, на чьих глазах происходят большие и маленькие драмы, является ага-султаном, или главой территории Чингисских гор. Для него все средства хороши, лишь бы обосновать свое могущество над сородичами, родами союзников и противников. Ему, мусульманину и многоженцу, не хватает лишь милосердия, или лучше сказать, что ему не хватает того, что важнее всего в мире: уважения к человеку. (“Человек, мог бы он возразить, – раб божий. А раб может ли быть без недостатков?”) Даже на закате жизни, вернувшись после полонничества в Мекку и достигнув старческой псевдосвятости, этот человек, никогда не следовавший по божьему пути, и признававший лишь свою дорогу, слышит горькие упреки, что бог у него на устах, но руки его в крови.

Ни один из сыновей не похож на него; Ибрагим станет независимым демократом и гуманистом (Ибрагим – это мусульманское имя Абая, а Абай – это ласковое имя, данное ему его матерью). Во вселенной, где всегда происходит борьба между ястребами и голубями, он рожден голубем; другими словами, он никогда не будет с теми, кто, словно вороны или шакалы, обирает, общипывает народ и пьет его кровь. Обладая врожденной добротой, он постепенно через медленное и подчас мучительное прозрение, приходит к обретению чувства справедливости; вначале эмоциональное, это

прозрение становится политическим, а затем и социальным. Это особенно проявилось под влиянием русского ссыльного Михайлова, сосланного за выступления против царя в Семипалатинск, тот воспламенил Абая идеями Чернышевского, объяснив ему, к примеру, разницу между бесполезным индивидуальным терроризмом и революционным действием, которое должно быть в основе своей пролетарским и коммунистическим. Мог ли он, по мере того, как все сильнее становилась его борьба против абсолютизма, без наставлений понять, что народное восстание переходит в мятеж, а не в революцию.

С другой стороны, врожденные способности акына, то есть - казахского народного устного поэта, и чтение Пушкина привели Абая к вершинам творчества и к письменной поэзии. Для него, и разумеется, с точки зрения самого Ауэзова, казахи могли вырваться из оков феодализма и принять участие во всеобщем хоре наций именно через практику русского языка, русской поэзии и мысли. Он считал неоспоримым требование своего времени не замыкаться в маленьком степном мире. Расширяя свои познания русской литературы. Абай много размышлял и приходил к выводу, что все в мире сходно: "Различные люди, говорящие на разных языках и живущие далеко друг от друга, действуют одинаково, как братья, чтобы защититься от несправедливости, чтобы отомстить за тягостные унижения. Разные люди, разные народы одинаково отвергают насилие и несправедливость. Людьями руководят не родовые особенности, не их принадлежность к тому или иному племени или нации. Ярмо насилия становится единой причиной одинакового гнева повсюду "Мы нуждаемся, - повторял он себе, - в искусстве, которое борется против сумрачной и рутинной жизни степей, и которое придает силы мужественным людям " Он верил, что правда искусства должна объединиться с беспощадной правдой жизни. Он говорил о библиотеке Гоголя в Семипалатинске, что это - самое дорогое место в городе Он был действительно убежден, что новое образование сформирует нового человека. Русская литература, проникшая глубоко в его сознание, принесла ему плоды ясности и гуманности, открыла перед ним новые горизонты истины Уже много лет назад, при воспоминании о том, как один лукавый казах сказал ему, что слово способно пронзить человека насквозь, ему подумалось, что он открыл великую силу, которая могла бы всколыхнуть народ Тогда же он подумал "Сколько народу толпится в тесном Каркаралинске! Один был представителем власти, другой искусства Что было бы, если бы все эти люди объединились и выступили сообща?" Разве не могут сосуществовать вместе могущество, слава и благородство? В своем духовном развитии, благодаря множеству справедливых и мятежных выступлений, о

которых было бы слишком долго говорить здесь, Абай приходит к революционной вере, становясь таким образом, все менее и менее сыном своего отца, и все более и более – сыном своего народа

Необходимо отметить, что, как и у Горького, мать Абая, всегда чуткая к тяготам народа, привила ему истинное благородство. “Это хорошее дело, сынок, - сказала она ему однажды по поводу книг -На земле много людей, которые думают лишь о том, чтобы поесты и поспать. Всю жизнь они бесцельно суетятся, оставаясь безмозглыми тунеядцами. Не уподобляйся им, не отрывайся от этих страниц, полных мудрости!” Находясь возле своей умирающей матери, он не мог сдержаться, чтобы не сказать возвышенные слова прощания: “Все лучшее и самое чистое в моем сердце – для тебя, святая матушка.”

Другая женщина, которой не суждено было стать его женой, сыграет роль в его жизни, это – Тогжан.словно новая Лаура. или новая Беатриче, она заставит его пройти через все испытания к вершинам высокого страдания и возвышенной любви. Эта страсть двух молодых людей, подвергающаяся осуждению, образует несравненную песнь, прерываемую, но бесконечную, которая неоднократно примиряла гнусный и кровавый мир родов. Его мать была воплощением мудрости. Тогжан стала воплощением красоты и мечты всей его жизни. Не менее замечательной была и дружба Абая с Ерболом

В целом, путь Абая проявляется двойственно это путь к справедливости, к народу, к искусству, к словам, которые помогают опрокинуть цепи. Переполненный любовью, он сбрасывает оковы и феодализма, и души. Не умея промолчать при виде насилия и произвола, он постигает, что искренний человек проявляет свое достоинство через уважение к другим. и что власть зачастую развращает человека, а развращенность – это самый тяжкий грех.

Мне кажется глубоко знаменательным тот факт, что целый народ отождествляет себя и равняется на подобного героя особенно в то время, когда другие народы предпочитают в своих романах и своих фильмах чужих героев “Наш народ говорит не верь в силу но верь в справедливость, не подчиняйся беззаконию будь на стороне закона, даже если это будет стоить тебе головы. Он говорил также “Есть в мире сила превосходящая силу оружия и силу приказов, это сила чести”

И снова мы перед лицом Антигоны и других вечных образов. Ну разве он не прав?

Я не буду пересказывать множество страниц романа например первую встречу Абая с Тогжан которая представляет собой гимн торжествующей жизни я не буду пересказывать и документальные страницы, повествующие об обычаях предков или о множестве

образов, чей секрет, похоже, сохранился лишь на Востоке. Согласно восточным традициям, повествование усыпано тысячами поговорок, например: “Верблюда проверяют в пустыне, а храброго мужчину – в соперничестве” При желании, можно было бы составить из них целый сборник афоризмов, наподобие малой “Красной книги Мао”, включив туда следующие изречения “От избытка ума не ищут зла”, “Учитесь с единственной целью: стать человеком” “Учитесь, чтобы быть полезным своей стране, чтобы быть защитником своего народа”, “Мы должны служить искусству, которое показывает будущее”, “Как можно поверить, что в науке ведет лишь одна узкая тропинка?”

Через всю эту книгу, демонстрирующую приобщение к гуманизму, проходит торжествующая ильза просвещения через книги. В противовес утверждениям мулл в этой стране, подчиненной мусульманскому влиянию, вовсе не грех обучаться наукам на арабском языке! “Со времен Адама, все лучшее созданное народами стало доступно всеобщим благом” “Путь любого пробуждающегося сознания к образованию – открыт перед казахским народом. Самые большие ценности для народа и для меня – это знание и просвещение, и русские владеют этим благом. .. Благодаря русским книгам я преодолел вековые устои окружающей нас жизни”

В самом деле, книга была наиболее верным спутником и самым надежным товарищем Абая. Полагая, что песня – это лучшее из творений человека, и совершенствуя ее, он оставался наиболее верным духу предков. В то же время, порывая со старыми традициями, и создавая новые нравы, формировался новый человек. Новому времени соответствовали новые нравы, а новому обществу – новые законы.

Так пел Абай новому поколению, ставшему смыслом его жизни о красоте, возвышающей душу, заставляющей думать и искренне чувствовать

Луи АРАГОН

К 60-ЛЕТИЮ АУЭЗОВА ¹

28 сентября 1897 года в одном из аулов казахов-кочевников Семипалатинской области родился будущий казахский писатель Мухтар Ауэзов. Газета “Les lettres françaises” публикует телеграмму, адресованную главным редактором тому, кого на Съезде писателей

¹ Les lettres françaises, 1957, N 689, 26 sept - 2 oct p 1

в Москве в 1954 году Михаил Шолохов назвал одним из самых великих советских писателей Коллектив газеты присоединяется к этому посланию и желает долгих лет жизни автору "Абая".

МУХТАРУ АУЭЗОВУ – ВАМ – АЛМА–АТА. КАЗАХСТАН

СЕРДЕЧНЫЕ ПОЖЕЛАНИЯ К ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТНЕМУ ЮБЕЛЕЮ тчк СЧАСТЛИВ ЭТОМУ СЛУЧАЮ СООБЩИТЬ ВАМ О СКОРОМ ИЗДАНИИ В ПАРИЖЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ " АБАЯ" ПОД ЗАГЛАВИЕМ "ЮНОСТЬ АБАЯ" ПЕРЕВЕДЕННОЙ ПОД МОЕЙ РЕДАКЦИЕЙ С МОИМ ПРЕДИСЛОВИЕМ тчк МНОГИЕ МЕСЯЦЫ БЛИЗОСТИ С ВАШИМ ПРОИЗВЕДЕНИЕМ УВЕЛИЧИЛИ МОЕ ВОСХИЩЕНИЕ ВАМИ тчк

АРАГОН

Луи АРАГОН

ПРЕДИСЛОВИЕ

(во французском издании романа "Абай" –
Париж: Галлимар, 1958) ¹

Роман "Абай" Мухтара Ауэзова – это первое произведение казахской литературы, переведенное на французский язык. Недавно мы праздновали шестидесятилетие Ауэзова, который является действительным членом Академии наук Казахстана драматургом, романистом, историком литературы и профессором Университета в Алма-Ате.

Герой романа Абай является подлинным историческим лицом это Абай Кунанбаев (1845-1904), основатель казахской литературы, акын, то есть бард-импровизатор, ставший поэтом в современном понимании этого слова. Он был сыном Кунанбая – главы рода иргизбай племени Тобыкты, ага-султана Каркаралинского округа в 1857-1858 гг. Сам автор романа Мухтар Ауэзов, родился в 1897 году в том же племени Абай (его мусульманское имя – Ибрагим, ласковое прозвище – Абай, данное ему матерью Улжан переводится с казахского как "благоразумный, вдумчивый") получил фамилию, производную от имени своего отца Кунанбай –

¹ L. Aragon Préambule - M. Aouézov La jeunesse d'Abai - Paris Gallimard 1958
отрывок опубликован в сб. "Казахская литература в оценке зарубежной критики"
стр. 122-124

Кунанбаев Мухтар Ауэзов также обязан своей фамилией своему деду Ауэзу, который был другом и почитателем Абая Кунанбаева.

Прежде чем приступить к чтению романа Ауэзова французскому читателю, безусловно, необходимо получить некоторые сведения о казахском крае и об обычаях его жителей. Действие происходит в Центральной Азии к югу от западной Сибири, в той части современной республики Казахстан, где во времена Абая и в юные годы Мухтара Ауэзова проживало кочевое мусульманское племя Тобыкты, в котором царил полигамия, и которое находилось под патриархально-феодальным гнетом. Тобыктинские земли простирались на территории современного района Семипалатинска, охватывая Чингизские горы и степь к северу от этой горной гряды, а также городок Каркаракалинск, бывший в годы юности Абая административным центром, и позднее и Семипалатинск.

Казахи были кочевым народом, разделенным на три жуза: Старший, Средний и Младший жузы, которые в свою очередь делились на племена, состоявшие из родов.

Тобыкты являлись самым значительным из племен Среднего жуза. Занимая территорию Чингизских гор и степи, расположенной к северу от гор, во второй половине прошлого века, когда происходило действие романа, тобыкты соседствовали с племенем уаков на севере, с каракесеками на западе, с сибан на востоке, и с керейями на юге. Кроме того, тобыкты являлись отдаленными сородичами племен мамай, найман и т. д.

Племена подразделялись на рода, и тобыкты состояли из родов иргизбай, жигитек, бокенши, торгай, карабатыр, кокше, тонтай, жуантаяк, анет, котибак и пр.

Каждый род состоял из определенного числа аулов, которые представляли собой селения кочевников, образованные из юрт. На самом деле аулы, перемещавшиеся в соответствии с временами года, имели строго зафиксированные за каждым из них месторасположение, однако зимние стоянки "кыстау" состояли из деревянных или глиняных стационарных жилищ, которые казахи покидали в другие времена года, оставляя их под присмотром своих бедных сородичей - жатаков или земледельцев, не кочевавших вместе с аулами. Перекочевка от зимних пастбищ "кыстау" к летовкам "джайляу" проходила через осенние пастбища "кузеу" и весенние - "коктеу". Эти перекочевки, проходившие с общего согласия старейшин родов, под руководством предводителя племени, или ага-султана, были постоянным объектом притязаний и ссор между аулами и родами. Нередко подобные споры разрешались при помощи силы. Зачастую территории являлись яблоком раздора между соседними племенами.

Но поговорим немного о самих аулах

Чтобы объяснить, что же такое аул, я позволю себе воспользоваться двумя сносками, которые Ауэзов и его русский переводчик поместили внизу страниц по ходу романа, и которые, на мой взгляд, лучше всего подходят здесь для французского издания

Итак, «аул представлял группу юрт, объединенную по хозяйственному и семейному признаку». О том, как происходила сезонная перекочевка, мы уже говорили. Хозяином аула являлся зажиточный человек, глава семьи, бай или старшина, и аул назывался по его имени. Его «большая юрта» ставилась на краю аула, за ней по дуге располагались отау (молодые юрты) женатых сыновей, затем ближайших родственников, специальные «гостинные юрты» для приезжающих и дальше – юрты «соседей», обслуживающих аул. На этом краю аула устраивался котан (открытый загон для овец), жели (привязь для жеребят), ставились юрты для варки сыра и т. д.

Сыновья и ближайшая родня хозяина аула кочевали вместе с ним до тех пор, пока поголовье аульного скота не превосходило установленное количество, когда общий водопой, пастба и уход за скотом становились уже неудобными. Так, например, нельзя держать в отаре более тысячи овец. Тогда члены семьи выделялись из «Большого аула» отца со своим скотом, юртами и «соседями», образуя новый самостоятельный аул, кочующий и зимующий отдельно, но обычно по соседству.

Все хозяйственные работы в ауле несли «соседи» – бедная родня или батраки, получавшие натуральную оплату в виде удоя, шерсти, определенного количества скота на убой: табунщики, пастухи, чабаны, доильщики, повара, водовозы и т. д.

«В кочевке юрты перевозились в разобранном виде на верблюдах или вьючных конях. Перестройка юрты требовала нескольких часов времени. Сборка начиналась с установки по кругу нижних решетчатых стен «кереге». Затем к ним крепились длинные гнутые жерди уйки, сходящиеся куполом и соединяемые наверху кольцом – шанраком. На этот остов накидывался закрепляемый веревками простой войлок или богатые белые кошмы, украшенные порой аппликациями из цветного сукна. Размер юрты зависел от размера боковых стенок – кереге – и от их количества. Самая маленькая юрта составлялась из трех кереге, богатые юрты – из шести или восьми. Иногда в торжественных случаях (свадьба, приезд начальства, выборы) юрты составлялись по две и по три вместе, тогда для внутреннего прохода вынимали часть кереге, образуя арки»

Учитывая, что среди кочевых казахов был распространен обычай полигамии, случалось, что отдельный аул был образован

из юрт одной из жен аксакала, обычно – старшей жены – “бай-бише” В этом случае аксакал жил в своем ауле с “токал” – младшей женой

Соперничество между женами вместе с их детьми, лишь подливало масло в огонь родоплеменной и межаульной вражды, не случайно жен одного мужа называли кундес – соперницами

Аулы образуют род, состоящий из породнившихся семей их слуг и наемных работников Старейшины аулов выбирают между собой одного в качестве старейшины рода или аткаминера Но начальник окружного приказа избирался из числа старейшин казахских родов и утверждался генерал-губернатором того города, от которого административно зависел округ. Так, старейшина рода иргизбай племени тобыкты, аткаминер Кунанбай, который являлся отцом Абая, был ага-султаном Каркаралинского округа в 1857-1858 гг

Ага-султана поддерживает “окружной интендант”, исполнявший его указы внутри племени В период правления ага-султана Кунанбая, окружным интендантом были избран его сводный брат Майбассар, который впоследствии сам исполнял эти функции и затем передал их своему второму сыну Такенжану

Основными персонажами романа Мухтара Ауэзова являются казахи рода иргизбай Этот род, названный по имени их предка, был наиболее богатым и наиболее могущественным среди родов племени тобыкты. Кроме того, мы встречаемся с персонажами, принадлежавшими к родам жигитек, бокенши, борсак, топай, жуантаяк, кокше, бошан, котибак. Мы подумали, что список персонажей по родам и семьям мог бы помочь при чтении книги, и поместили такой список отдельно после введения другим шрифтом. В конце романа, независимо от объяснений, приведенных здесь и от сносок на полях книги, предлагается словарь основных слов казахского, арабского или монгольского происхождения, которые встречаются в романе.

Без сомнения, французский читатель узнает с некоторым удивлением, что в 80-90-е годы прошлого века в степях и горах к юго-востоку от Урала до границ Памира кочевой народ слушал своих певцов, мужчин и женщин, которые во многих традиционных поэмах своего народа – в импровизациях романах и эпопеях, в стихах великих узбекских, таджикских, персидских и арабских поэтов рассказывали своему народу, именно в казахской версии, историю, которая называлась “Хромой француз”, в действительности, это был переделанный “Хромой бес” Алена Рене Мудрого В Чингисских горах Семиречье и Каркаралинске версия королевы Марго под названием “Король Генрих Наваррский” чередуется с

“Тремя мушкетерами”, “Евгением Онегиным” или романами прерий Майн Рида и Фенимора Купера.

Об этом позаботился Абай Кунанбаев, имевший своих последователей среди этого бедного народа, разделенного на племена и рода, и являвшегося жертвой бесконечных административных делений, проводимых царскими чиновниками в соответствии с политикой “Разделяй и властвуй”. Колонизация усугублялась алчностью старейшин, укреплявших свое господство за счет поборов с беднейших из кочевников. Будучи сам сыном одного из таких тиранов, Абай получил образование вначале в мусульманской школе, но особенно большое влияние на него оказало домашнее воспитание под наставничеством мудрой матери Улжан и бабушки Зере; впитав вкус к поэзии и охваченный жаждой знаний, он стремится получить среди русских образование, какое он не смог получить нигде.

Действие второй части романа Мухтара “Юность Абая”, которую мы предлагаем вам сегодня, заканчивается именно этим периодом, то есть, 1868 годом, несколько месяцев спустя после рождения его третьего ребенка, или второго сына Абдрахмана (который умер в 27 лет от туберкулеза, будучи лейтенантом русской артиллерии). А начинается книга возвращением Абая из медресе Каркаралинска, откуда отозвал его Кунанбай на весенние пастбища, где в то время жили его мать Улжан, бывшая второй женой Кунанбая, и ее “соперница” – третья жена Айгыз. Это 1857 год; Кунанбай только что назначен ага-султаном, Абая, проучившемуся пять лет в мусульманской школе, исполняется 12 лет. Таким образом, мы наблюдаем его жизнь с 1857 по 1868 год, от двенадцати до двадцати трех лет. Это подлинный “роман воспитания”, но его герой отличается от Ювенсила Сира де Безля, и от Вильгельма Майстера Геге, бывшего одним из деятелей Плеяды, о чем говорил Гобино. Герой этого романа – поэт, черпавший из всего мира поэзии слова, которые должны были помочь в борьбе за освобождение его кочевого народа. Через общение с русскими ссыльными в Семипалатинске, он узнал подлинное значение и обрел надежду на эту дружбу между народами, которая начинается с угнетения тиранов.

Этот поэт – Абай – лишь в 1886 году, двадцать два года спустя после того момента, на котором заканчивается этот том, решил подписаться под своими стихами и опубликовать их. Вот одно из тех стихотворений, авторство на которое он признал в первую очередь

О бедная моя страна,
Народ казахский мой!
Обвисли жесткие усы

Нечесанной каймой.
Пути добра не отличал
Ты от стези дурной:
Одна щека твоя в крови,
Румянец – на другой.
Посмотришь сбоку на тебя –
Приятное лицо.
Но что же? Как у торгаша,
Обманчив облик твой.
Свое добро ты прячешь в клеть,
Не смея им владеть,
И не смеешься ясным днем,
Не спишь ночной порой.
Боюсь, что верного пути
Слепому не найти:
Народ мой, не умеешь ты
Владеть своей судьбой.
Единства нет, и дружбы нет,
И проку нет ни в чем.
Редуют табуны в степях,
И веет нищетой.
За власть в роду ведут вражду,
За долю благ земных,
И нет согласия меж них –
От зависти слепых.
Народ мой, если ты, борясь,
Не смоешь эту грязь,
Любой унизит честь твою,
И оскорбит любой. *

Слова Абая Кунанбаева распространились по всей степи и, вернувшись к Чингисским горам, вошли в сознание ребенка, который плакал от усталости, когда дед Ауэз, едва научив мальчугана названиям таких трудных арабских букв, заставлял его разбирать по рукописи стихи, в которых, по признанию Мухтара Ауэзова, встречалось много незнакомых и старинных имен, как например: Фошкин, Лермонтып, Крылоп, какие-то Татьян и Анегн.

Этот ребенок родился всего на пять дней раньше меня на каком-то далеком осеннем пастбище, где его родные только что установили кереге и уйки юрты, чтобы под войлочным шатром принять роды у его матери. И его мир так сильно отличался от моего Парижа, который тогда уже готовился к проведению Всемирной Выставки. Этот ребенок заканчивал Семипалатинскую се-

---

* Абай Кунанбаев Лирика и поэмы - М 1940 стр 44, перевод Л Шиффреса

минарию в тот момент, когда я возвращался с берегов Рейна, демобилизованный в 1919 году. и против своей воли возобновил учебу по медицине, всей душой стремясь к поэзии Рембо и Аполлинера ... И вот сегодня мы держим в руках не только повествование об Абае, но и собрание сочинений этого Мухтара Ауэзова, который явился издалека, из общества патриархально-феодалных устоев. В 1919 году он работал в Исполнительном комитете Советов Семипалатинской области, а в этот час мы, его сверстники в Париже, влюбленные в непризнаваемых поэтов. конспирировались, чтобы провозгласить здесь дадаизм. .

Простите, за этот внезапный лирический тон, с которым я ничего не могу поделать. Каждый читатель измеряет время и расстояния с точки зрения своего опыта. А я как вы ...

Но довольно пересказа, наподобие "Хромого француза". Довольно томить вас ожиданием картин казахских юрт, патриархальных нравов, противоречивых страстей и торопливого рождения нового мира, путь к которому открывают поэты. Может быть стоило меньше говорить об Абае Кунанбаеве, о котором расскажет романист, и больше - об авторе романа, нашем современнике Мухтаре Ауэзове?

Я считаю большой для себя честью быть популяризатором его творчества в моей стране. Эпический роман "Абай", по моему мнению, – один из самых замечательных романов двадцатого века. Он несет целый мир образов и мыслей и уводит читателя в далекие от нас времена.

Недостаточно сказать, что этот роман относится к числу лучших произведений советской литературы: напрасно искать и в другой части мира произведения, с которыми можно было бы его сравнить. Могу ли я позволить себе выйти за пределы нашего времени? В периоды, когда общество меняется, появляются также великие произведения: "Дон Кихот" - на закате феодального мира, "Робинзон Крузо" - когда английское экономическое превосходство приняло мировые масштабы ... Возможно ли сравнение мира казахов Ауэзова с обществом, описанным Марселем Прустом?

В каком романе мы можем найти этот грандиозный ландшафт? Но, может быть, нашей прозе больше всего не хватает именно такого непосредственного отражения жизни и поэзии. И от чувства любви, которым проникнута эта книга, исходит не только благоухание древних восточных поэтов, но новое, опьяняющее современное. Старая весточка о влюбленных поднимается до исторических размеров и воплощает вновь, как в великие дни Прованса, равенство всеобщего блага со страстью двух молодых людей. Я, по правде, не знаю, что можно найти равноценного этой песне любви,

которая проникает в нас и волнует. Как найти подходящие образы для описания нашей маленькой земли в Европе в эту эпоху туризма и мотороллеров.

Напрасно я старался бы отнести творчество Мухтара Ауэзова к преходящим ценностям. Я не ставил задачу написать литературный справочник. Слава богу, что наше искусство не имеет торговой стоимости, как живопись, и нельзя расценивать на тысячи Толстого и Бальзака, подобно тому, как расценивают Гогена и Ренуана!

Надо было бы поговорить об искусстве Ауэзова, но это дело критиков, и я им представляю слово. Между тем, не сам ли Ауэзов обращает наше внимание на исторический характер романа "Абай"?

Как отмечал Ауэзов в своей автобиографии. "Собирание материалов об Абае имело свои любопытные особенности, незнакомые большинству авторов исторических романов. Дело в том, что о жизни, работе, внешности и характере Абая нет никаких печатных и письменных данных – ни личного архива, ни дневников, ни писем, ни мемуаров, ни даже просто зафиксированных на бумаге воспоминаний о поэте. Все данные его биографии, все события романа мне пришлось собирать долгое время путем устного опроса знавших Абая людей, путем беседы с ними. Большинство этих людей, естественно, были уже стариками, в памяти их потускнели и давно минувшие дни, и образы людей, и разговоры и события.

Можно отметить мимоходом, что из этих строк следует будто портрет Абая Кунанбаева, помещенный в самом начале книги его избранных произведений, в переводе на русский язык опубликованных Гослитиздатом в 1954 году, который представляет собой рисунок художницы А. М. Мартовой, – является плодом художественного вымысла, на рисунке изображен седобородый Абай в зрелом возрасте, сидящий в халате с тюрбеткой на голове в кресле, словно Людовик XV с раскрытой тетрадью и с пером в правой руке. Он очень далек от образа, созданного в книге писателем, который прежде всего стремился найти и описать его истинный лик. Этому труду он посвятил всю свою жизнь, начиная с самого детства, когда он получил первые сведения об Абае от своего деда Ауэза, бывшего личным другом поэта, и хотя идея романа появилась лишь в 1940 году, еще задолго до этого он озабоченно расспрашивал о своем будущем герое ученика Абая – Кокпая, который умер в 1927 году. К сожалению Кокпай ничего не мог рассказать из первых уст о детстве Абая, поскольку сам был слишком юным в те годы. Ауэзов также знал и беседовал с женой Абая – Айгерим, умершей в возрасте шестидесяти лет в 1914 году. Юному Мухтару было тогда лет шестнадцать – семнад-

цать А сколько же ему было, когда он увидел первую жену Абая и мать Абдрахмана – Дильду, которая была намного старше Айгерим? Когда пришло время строгой систематизации материала, можно представить себе, какая кропотливая и противоречивая работа была проделана, какие долгие поиски велись! Ауэзов писал “Я беседовал и с друзьями и почитателями Абая, и с бывшими его врагами и завистниками – или с самими его современниками или с их сыновьями и внуками. В результате этих поисков у меня накопилось такое множество сведений о моем будущем герое, что я часто повторял один из великих заветов Горького “Пиши о том, о чем не имеешь право молчать” Даже сейчас когда я вижу что у меня осталось еще такое количество не вошедшего в эту книгу материала, что на основе его можно было написать еще одну такую же книгу об этом же периоде жизни моего героя

Однако Ауэзов признает, что образ Абая был воссоздан не только благодаря достоверным историческим фактам но в основном силой художественного воображения. Он сравнивает силу воображения которое необходимо было приложить к собранным материалам с теми усилиями, которые необходимо было сделать чтобы по облику шестидесятилетней Айгерим представить себе ее девичью красоту, очаровавшую Абая сорок лет назад. Чтобы лучше понять разницу между достоверностью фотографа или историка и романтическим реализмом Ауэзова, приведу одно высказывание автора из его последнего переиздания романа речь идет о роли акынов этих народных поэтов - импровизаторов которые оказали огромное воздействие на юного Абая и об их представлении в книге Ауэзов пишет. В первом издании романа вместо акына Барласа речь шла об акыне Дулате но в последнее время стали говорить об акыне Дулате как о поэте феодально-реакционного направления и его образ не соответствовал образу истинно народного акына представленного в книге. Исправляя положение я дал этому персонажу не имевшему отношения к историческому Дулату вымышленное имя Барлас. Мне также пришлось убрать из книги имя акына Шортанбая и заменить имена некоторых акынов. Жанак стал Садаком. Сабырбай – Кадырбаем.

Для французского читателя не имеет большого значения идет ли речь о Барласе или Дулате это высказывание говорит о природе ауэзовского искусства. По-моему замечательно что представляя в книге образ акына он предпочел образ вымышленного персонажа Барласа реальному историческому лицу – Дулату. Можно решить что это было вызвано политическим моментом борьбы против буржуазного национализма проходившей в Казахстане с которой по словам Ауэзова в его автобиографии он долго не мог порвать в годы своей молодости. Так было бы если бы он дал имя истинно

народного акына” образу Дулата, созданного им. Ведь для писателя самым важным было подчеркнуть значение “подлинной народности” исторического персонажа Абая и через его отношение с типичным акыном, а не конкретно с Дулатом. И, безусловно, изменение имени Дулата на имя Барласа было вызвано политическими причинами, подобно Стендалю, описавшему, в период Наполеона (в конечном счете по политическим мотивам) историю итальянского общества в XVI-м веке в романе “Пармская обитель”

Это сочетание скрупулезной исторической точности и художественного вымысла романиста, отвечает новым передовым идеям автора; это характеристика его метода, о котором в автобиографии писателя говорится: “но верные помощники советского писателя – метод социалистического реализма, ясное критическое отношение к прошлому, великие реалистические традиции русских классиков – выводили меня из множества тупиков ..”

Этим я заканчиваю настоящее слишком долгое предисловие к книге, которая является реальным доказательством этого метода, странным образом описанного у нас и принимаемым за нечто другое, чем это есть на самом деле.

“АБАЙ” ¹

Эта подлинная история происходила менее ста лет назад, на территории Центральной Азии. Сын казахской степи, который в романе “Юность Абая” показан справедливым и свободолюбивым юношей, разлученным со своей любимой неукоснительно суровыми родоплеменными законами, а также юным певцом, сопровождавшим акынов – единственных, кто сохранял и непрерывно продолжал устную культуру казахского народа на протяжении этой книги он становится поэтом, языковедом и политическим деятелем. Создавая письменную литературу своего народа, он переводит Пушкина на своеобразный язык кочевников и тем самым, открывает им западную культуру. Он призывает бедняков забыть преграды чинимые родовыми разногласиями и объединиться против гнета религиозной знати действующей заодно с колонизаторами. Из-за этих призывов он попадает на какое-то время в городскую тюрьму и находясь там вместе с ссыльными открывает для себя новую Россию, отличную от России взяточников, тиранов и невежественных бюрократов.

Мудрый, как древние философы, Абай все же остается челове-

---

¹ M. Aouezov Abai – Paris Gallimard 1958 (аннотация)

ком из крови и плоти, способным поддаваться искушениям. Живя в то время, когда девушек продавали, а любовь была, как правило, несчастной, он совершает ошибки, и его нелюбезный проступок будет отравлять ему всю дальнейшую жизнь. Нельзя сказать, что он показан в книге совершенным героем; в действительности, книга больше прославляет поэзию, чем поэта.

Автор романа – Мухтар Ауэзов родился 30 сентября 1897 года в том же роду, что и его герой; он является членом Академии наук Ташкента, профессором Алма-Атинского университета, ученым, историком, романистом, драматургом. Это – один из величайших советских писателей.

Настоящую книгу, вторую часть романа об Абая, перевели с казахского языка Леонид Соболев и Антуан Витез.

Юрий ПУХОВ

ОБРАЩЕНИЕ Мухтара АУЭЗОВА ¹

В тот момент, когда был готов к изданию данный номер журнала, мы получили из Советского Союза нижеследующий текст, учитывая актуальность которого, мы посчитали полезным сразу же ознакомить с ним наших читателей. .

Ленинская премия 1959 года была присуждена казахскому советскому писателю Мухтару Ауэзову за его роман-эпопею "Путь Абая".

Роман-эпопея М. Ауэзова "Путь Абая" показывает жизнь великого казахского поэта и просветителя Абая Кунанбаева. Это не только биография известной личности, это целая панорама со множеством эпизодов истории казахского народа и его исторических взаимоотношениях с русским народом.

Ауэзов трудился 15 лет над созданием образа поэта-демократа Абая. Разумеется, Абай был известен давно, но он впервые описан в эпопее таким, каким он был в действительности. Все, что оставалось вне поэзии, что было отмечено современниками поэта и сформулировано исследователями его литературного наследия, было осознано и представлено народу в новом свете.

В своем поэтическом творчестве Абая удалось разрушить оковы родоплеменного сознания и ограниченность кругозора феодального

---

¹ "Nouvelles des lettres soviétiques", Bruxelles, 1959, N 2, p 21-23

общества, выходцем которого он был. Верный лучшим традициям русской классической литературы, он создал замечательные произведения и подлинно народную поэзию. Его стихи, которые являются правдивым отражением его народа, содержат в себе широкие социальные обобщения. Абай провозглашал борьбу против господствующих классов и пробуждал классовое сознание угнетенных масс. Распространяя русскую литературу среди казахов, он навеки связал с ней свое имя.

“Абай” привел в степь пушкинскую Татьяну, познакомил свой народ с русской литературой”, – отмечал переводчик романа, писатель Леонид Соболев, – а теперь один из его преемников знакомит Абая с миллионами русских читателей. Абай неумоимо утверждал, что лишь в дружбе с великой русской культурой, всецело расцветет врожденный талант казахского народа; ныне успех романа подтверждает глубокую верность его мысли. Так как только при этой дружбе с произведениями классической, реалистической и верной делу народа русской литературы молодая казахская проза смогла вырасти и расцвести.”

Действие романа происходит между второй половиной XIX века и началом XX века. В начале первой книги читатель знакомится с воодушевленным юношей, мечтателем 13 лет, а в конце книги он расстается со зрелым человеком, мудрым философом, смелым трибуном и гениальным поэтом. Роман “Путь Абая” отображает жизнь и борьбу казахского народа за свое освобождение против вековых устоев, неписанных законов, которые подавляют сознание и личность

В своей недавно опубликованной автобиографии Ауэзов отзывается об эпопее следующим образом: “Абай – зрячее око. Абай – отзывчивое сердце. Абай – народная мудрость. Он является воплощением чувств, дум, многовековых стремлений народа; он – душа народа. Во имя таких замыслов и был мною взят образ Абая.”

Ауэзов не выдумывал достоинств Абая, он не приукрашивал своих персонажей; беспощадно изобличая в них все темное, отжившее и жестокое, он показал то, что ново, что нарождается, что революционно и восторжествует окончательно лишь после Великой Октябрьской революции. Описывая прошлое сама эпопея свидетельствует о национальном и культурном возрождении казахского народа в условиях социализма. Вот почему значение этого произведения особенно велико для читателей большинства стран Востока, где народы упорно борются за национальную независимость

Выдающийся казахский писатель М. Ауэзов работал всю свою жизнь над двумя томами этой эпопеи

Ауэзов родился в 1897 году, его детство прошло в среде, которую он блестяще описал в своем романе. В 1917 году после учебы в Семипалатинске, он написал свое первое произведение “Енлик-Кебек”. Это была первая пьеса, положившая начало казахской драматургии, и первое театральное произведение Ауэзова, которых насчитывают более двух десятков.

Ауэзов любил поэзию Абая с самого детства. Он посвятил его жизни и творчеству ряд статей и исследовательских работ. В соавторстве с Леонидом Соболевым он написал пьесу “Абай” (1914), затем оперное либретто с одноименным названием и сценарий фильма о жизни поэта. Первый роман Ауэзова “Абай” был опубликован в переводе на русский язык в 1945 году. Второй роман “Путь Абая” был завершен в 1958 году.

Эпопея Ауэзова – это художественное произведение, характерное для социалистического реализма, и в то же время – это основательный труд по истории, этнографии, экономике и праву казахской нации. Полнота, с которой представлена здесь жизнь народа, превосходный психологический анализ характеров, драматическая судьба главных действующих лиц, пейзажи, богатый язык – все способствовало успеху романа Ауэзова. Это произведение подняло на новый уровень мастерство казахской советской литературы. Оно стало знаменательной вехой в развитии социалистического реализма в этой литературе. Посвященное истории, оно затрагивает актуальные проблемы в области литературы: идею дружбы народов, исторически верную концепцию прошлого казахского народа.

Творчество М. Ауэзова развивалось одновременно с казахской литературой. Оно находится на широком пути развития реалистического и передового советского искусства. “Путь Абая” был переведен на 25 языков и опубликован во многих странах. Его читают даже в Камеруне. Повсюду этот роман покоряет сердца читателей.

Присуждение Ленинской премии М. Ауэзову, автору, который внес огромный и неоценимый вклад в сокровищницу многонациональной советской литературы, является новым неопровержимым доказательством животворного влияния дружбы советских народов на развитие национальной культуры, несомненного успеха национальной политики советского государства.

М. Ауэзов говорит о своих планах:

– В настоящее время я хотел бы написать книгу о людях сегодняшнего дня, о которых мечтал Абай, которые теперь его понимают и любят. Я хотел бы написать многоплановое произведение, в котором судьбы целых коллективов, семей, личностей переплетаются и сливаются, чтобы зазвучать как триумфальная

песня нашего времени. Моя самая заветная мечта – это описать героев нашего времени, чтобы читатель полюбил их, как героев романа об Абае. Воплотить эту мечту в реальность и есть задача моей жизни.

Жан СПАНГАРО

ЮНОСТЬ АБАЯ ¹

Что известно об этом далеком крае, протянувшемся от Китая до берегов Каспийского моря, о Казахстане, который в два с половиной раза больше Франции?

Какое другое представление, помимо неопределенных очертаний советской социалистической республики, пробуждает в нас это название?

А что в настоящее время обозначает название этой страны, что говорит оно о его народе, и о его истории?

"Увы, минувшие века уснули,
окутанные мраком.

Кто знает, что скрывается за ними?" - читала нараспев маленькому Абаю его бабушка...

И вот сегодня мы узнаем об этом народе по книге, которая не является книгой по истории или книгой по географии, но представляет собой роман.

Интересна сама история создания этой книги.

Примерно в 1857 году бабушка Зере, напевая процитированные нами строки, даже не подозревала, что ее внук, Абай Кунанбаев, станет поэтом и основателем казахской письменной литературы.

Выходец из рода тобыкты, Абай был свидетелем патриархальных устоев Казахстана. Он очень дружил со своим соплеменником Ауэзом, который настолько почитал его поэзию, что учил по ней, как по букварю, своего внука Мухтара. Это было накануне нынешнего века

Сорок лет спустя, советский писатель Мухтар Ауэзов напишет роман о своем знаменитом сородиче – Абае.

Эта книга не просто дань памяти великого человека. Это живое доказательство того, что мысль поэта прошлого столетия, может успешно воплощаться в советском обществе (в советских условиях)

Послушаем Ауэзова

– Роман об Абае является частью серии романов, которые я

---

¹ France nouvelle 1959, N 714, 2 juillet, p 30-31

задумал, которые должны показать жизнь казахского народа в течении целого столетия – с середины прошлого века до конца четвертой пятилетки “Абай” – это первый роман из этой серии

Абай жил с 1845 по 1904 год Мы знакомимся с ним в тот момент, когда он в двенадцатилетнем возрасте возвращается в свой аул после учебы в городском мусульманском медресе, и мы расстаемся с ним в конце юности, когда он в двадцать пять лет вновь готовится поехать на учебу в город, но на этот раз – в русской школе.

Но вы и вообразить себе не можете, что представляли собой жизнь и творчество сына ага-султана Кунанбая в период между этими двумя датами 1857-1870 годы Каковы были причины возвращения к учебе .

Для любого француза этот период сразу же вызывает в памяти Вторую Империю, сеть железных дорог, открытие универмагов расцвет банков, открытие месторождений нефти создание Интернационала Трудящихся, колониальные экспедиции канун Коммуны и тысяча других событий таких близких, осязаемых и памятных в малейших перепитиях

Ну что ж, откройте роман “Юность Абая” и вы увидите что этот, казалось бы, близкий период времени, предстает как глубокая древность

Степи горы, рода и племена Здесь правит Кунанбай глава рода Иргизбай Его боятся, ему преклоняются его проклинают и уважают одновременно

Жизнь кочевников урегулирована согласно временам года каждый сезон кочуют Юрты, составляющие один аул разбираются и начинается перекочевка женщин, детей мужчин и скота на постоянные пастбища, которые имеются в распоряжении каждого рода

Лучшие пастбища принадлежат Кунанбаю Глава рода жигитек-Божей и глава рода бокенши-Суяндык также владеют богатыми пастбищами Но Кунанбай хитер и жаден Он не может равнодушно смотреть на зимовки родов Бокенши и барсак на вершинах Чингизских гор

Никто не может сопротивляться ага-султану По крайнееи мере все так думают Но чаша терпения полна и Божей восстает Происходит битва Все смешалось и боевой клич и звуки соилов и шокпаров, и щелканье хлыстов и ржанье коней Может ли Кунанбай проиграть?

Божей, подает жалобу уездному начальству Перед нами город Каркарапинск Здесь очень уважают Кунанбая Будучи ага-султаном он велел выстроить мечеть которая должна принести ему благодарность и почтение народа Обладая богатством он умеет

поделиться с теми, кто его поддерживает, и с теми, кто собирается его поддержать. Он умеет также и получать подарки. Однако, на этот раз, дело грозит обернуться против него. Но царская администрация равнодушна к взяткам и готова уладить все мирно. Чтобы скрепить мир, Кунанбай предлагает жалобщику в жены свою маленькую Камшат, дочь младшей жены-токал; в царстве полигамии необходимо разбираться в отношениях между "женами-соперницами". Однако, перемирие обманчиво, доказательством служит смерть малыша Божоя. И вновь идут приготовления к войне, прерванные внезапной смертью старейшины рода жигитек. Перед нами картина похорон со всеми обрядами и церемониями, похоронными песнями, стонами и плакальщицами. Поминки по столь знатному человеку длятся весь год, в конце года устраивается огромное поминальное застолье – ас.

Возросшая неприязнь к ага-султану выливается в настоящее оскорбление, которое заключается в том, что его даже не приглашают на похороны. Перемирие длилось недолго. Огонь тлеет под пеплом, вражда готова вспыхнуть. Достаточно одного случая и она возобновляется.

Но довольно. Я не стану пересказывать все многочисленные перипетии и неожиданные повороты интриги этой книги, которая представляет собой одновременно и приключенческий роман и эпопею целого народа, и рассказ о незаконных поборках Кунанбая, о межродовой борьбе, о ненависти старейшин, и живописное поэтическое описание обычаев и нравов бедного народа.

Абай ежедневно сталкивается с этим жестоким миром. Впечатлительный мальчик, открытый добру и справедливости, вначале он преклонялся перед авторитетом своего отца, но со временем понял алчный характер ага-султана. Вскоре он уже понимает, что воинственное соперничество между родами никогда не принесет пользу народу, названному Абаем "силой, если есть в нем нужда в период раздора, и кучей грязи, если сам он находится в нужде".

Борьба Божоя и любого другого главара против Кунанбая – это не борьба справедливости против несправедливости.

"Прежде, когда эти люди называли его отца тираном, Абай верил, что они действительно думают о народе. Кунанбай обирает бедных людей, отбирает землю у народа, заставляет проливать слезы тех, у кого ничего нет. – утверждали они. Но почему же теперь, когда сила в их руках, они сами обманывают народ и грабят его? Почему вместо того, чтобы вернуть отобранное Кунанбаем, они стараются сами отобрать еще больше?"

Задавшись этим главным вопросом и благодаря событиям очевидцем которых был Абай, он стал яснее понимать происходящее.

и мысли его о будущем стали вырываться из хаоса: "истинный защитник народа выйдет не из числа этих главарей родов".

К этому озарению постепенно приходит и осознание силы слов. Каждый раз, встречаясь с бардами, которых казахи называют акынами, Абай в глубине своей души, все больше убеждается в великом могуществе слов:

-Песнь акына подобна влаге с небес
Тот, кто слышит ее – страждущий песок ...

Словно жаждущий песок впитывая в период детства и юности эти песенные импровизации, Абай находил в них отражение сокровенных мыслей своей души и своего народа. Как умели эти певцы выразить главное! Как удавалось им в нескольких словах передать то, что каждый смутно ощущал в душе! И в то же время эти возвышенные слова могут быть податливы, становясь едкими для господ, и превращаясь в сладостные при воспоминании о дорогах для сердца вещах! Не помогут ли они ему найти выход из несчастий народа? И вот другая удачная мысль и новая цель созревают в сознании юноши: ему необходимо вначале выучиться, получить образование, научиться у других народов. Это необходимо и для самого себя, и для своего народа.

Нет, не ошибся Кунанбай в своем сыне, воскликнув при возвращении Абая из мусульманского медресе: "Если уж чего-нибудь ждать - так ждите только от этого черномазого мальчугана!"

Но этот "черномазый мальчуган" не пойдет по стопам своего отца; он "посмотрит новым взглядом на привычные вещи".

В конце книги Абай, против воли своего отца, уезжает в город, на учебу в русской школе.

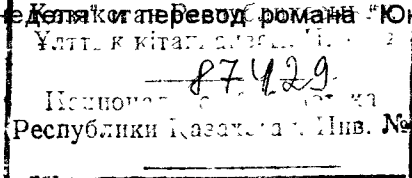
Мы будем ждать его возвращения.

Таково в общих чертах содержание книги о юности Абая. Вам остается самим полностью открыть для себя суровую красоту степей, запах сезонов, ужасный джут суровых лютых зим, обаяние Улжан, благородство Зере, любовь Абая и Тогжан, удивительные ритуалы насильной женитьбы Дильды и молодого человека. Вам остается самим узнать все об Абае и его народе.

Наполненный горьким и околдовывающим ароматом минувших дней, исторический роман Мухтара Ауэзова полностью устремлен в будущее. "Этот сплав скрупулезной исторической точности и романтического воображения соответствует новым прогрессивным идеям автора", - писал в предисловии к книге Луи Арагон, - "в этом характеристика его метода".

Добавим, что речь идет о методе социалистического реализма. Нынешний год богат на произведения этого метода, поскольку вскоре выйдет "Страстная неделя" Каякпата Бевуд романа "Юность Абая".

Б-224

ВСТРЕЧА С АБАЕМ ¹

Я передаю вам салем от Абая. “Салем” – это казахское приветствие, которое посылают друг другу главы и старейшины кочевых родов для предупреждения, предостережения, либо в ознаменование какого-либо события. Переданное бардом-импровизатором, основателем казахской письменной литературы Абаем, такой салем, разумеется, должен быть поэтическим посланием. Как, например, это поэтическое произведение, распространившееся по всей степи:

О казахи мои,
мой бедный народ!

.....

Это поэтическое произведение полностью приведено во введении, написанном Арагоном, для французского издания романа “Путь Абая” казахского писателя Мухтара Ауэзова. Я впервые услышал его на горных хребтах Памирского плато на автономной казахской территории Туркестана.

Это было на закате дня, проведенного в безудержных занятиях слаломом на заснеженных гребнях гор, словно нарисованных детским воображением. Двое моих гидов и переводчиков: Токсы Курбан и Джапар, опасаясь “усталости, приносимой ветром”, попросили приюта в ауле Ораза Хакуна, чьи юрты расположились на склоне горного холма в укрытии от ветра. Здесь стояла мертвая тишина, лишь изредка прерываемая бляением баранов и ржанием лошадей; эти редкие звуки уносились ввысь словно смутные молитвы. Жена Ораза, облаченная в длинное красное платье и светлый бархатный жилет, надела все свои серебрянные украшения со вставками из мелкой бирюзы и принялась варить баранину. В ожидании еды, мы пили кумыс – кислое кобылье молоко, вызывающее состояние легкого, но длительного опьянения. Позади меня за центральным ковриком (предназначенным для гостя), я заметил несколько книг на арабском языке. Мой взгляд не остался незамечанным. Ораз Хакун сказал мне:

– Это красиво изложенные мысли.

Очевидно, так с казахского языка, или по крайней мере, с его родного наречия, переводилось название одной из книг. Здесь были

---

¹ "Les lettres françaises", - Paris, 1959, N. 767, 2-8 avril, p 1, 5

Частично опубликовано в книге "Казахская литература в оценке зарубежной критики" стр 127-128

также “Война и мир” Льва Толстого, “Сказки тысяча и одной ночи”, стихи Лермонтова и поэзия Абая. Едва лишь было произнесено имя Абая, как все разом заговорили. Токсы Курбан и Джапар, забыв о переводе, с жаром включились в спор. Получасовая перепалка была передана мне одной единственной фразой:

– Это наш великий поэт.

Тут подросла баранина и этим был положен конец разговорам о литературе; по крайней мере – временно. Поздно ночью залаяли собаки и послышался свист. Ораз Хакун улыбнулся:

– Это брат моей жены.

Войлочный полог юрты поднялся и среди присутствующих, восклицавших “саламалейкум” появился молодой человек. Это был учитель Кали, человек особого склада. Пересекая верхом на лошади степи и горы, он обучал математике, географии и казахскому языку. Объезжая аулы от одной юрты до другой, он проделывал за неделю путь, равный порой двум, а то и трем сотням километров. Для любого другого человека это было бы достаточно, но для Кали этого было мало.

Едва он допил вторую чашку чая, как вся семья уже просила его продемонстрировать свой талант “акына” в честь гостей своего зятя. Акын – бард, на ходу сочиняющий поэтические импровизации на только что заданную тему. Особым шиком для кочевника считается собрать под сводом своей юрты несколько акынов и насладиться особым видом музыкально-поэтического диалога – айтысом. В тот вечер, после поэтического выступления о радушном приеме, Кали настроил свою домбру (струнный инструмент) и выдал нам настоящий сольный концерт по произведениям Абая.

В моей памяти навсегда ярчайшим воспоминанием останется необычная обстановка той ночи под войлоком юрты и удивительная поэзия, живая и неувядаемая, так бережно хранимая со времен предыстории народа. И в особенности то религиозное благоговение, с которым ей внимали слушатели. В дальнейшем я попытался побольше разузнать об Абая, творчество которого мне было знакомо лишь по нескольким наспех переведенным стихам, записанным в моем блокноте. Помимо нескольких поэм, довольно сухих, на мой взгляд, я не многое узнал и старания мои не увенчались тогда успехом. Мне еще не было известно, что по другую сторону от Туркестана, в далекой Алма-Ате живет человек, воскресивший образ великого казахского поэта в лучшем из своих творений, – писатель Мухтар Ауэзов.

Выходец из рода тобакты из Среднего жуза, Мухтар учился родственному языку по поэзии Абая. Это была трудная и ответственная учеба. Сложная и богатая поэзия едва ли подходила для роли азбуки и букваря, но аксакал, подчас даже излишне сурово,

следил за тем, чтобы эта учеба крепко засела в голове ребенка. Этим аксакалом был дед Ауэз, близкий друг Абая в юности.

Приступив позже к повествованию об Абае, чья личность с детства была окружена для него мифом, Ауэзов испытал определенные трудности. "Сбор материалов об Абае представлял огромную трудность, неизвестную для большинства авторов исторических романов. Дело в том, что ни о жизни, ни о творчестве, ни о внешности, ни о характере Абая не осталось никаких письменных или опубликованных свидетельств. Не было ни личных архивов, ни дневника, ни воспоминаний, ни малейшей заметки на память. Я вынужден был собирать и восстанавливать все события, в течении долгого времени беседуя и спрашивая людей, знавших Абая..."

Под пером писателя биография Абая превратилась в грандиозное художественное полотно, изображающее жизнь казахского феодально-родового общества накануне его гибели. Бесконечные распри между старейшинами различных родов вплетались в интригу повествования. Это был мир шума, ярости, конных всадников, и в то же время это был мир зарождения нового сознания. Рушились и падали устои целой исторической эпохи. Несколько ярких человеческих фигур резко выделялись на общем фоне пионерами новой жизни. Они еще вряд ли подзревали, сколько испытаний выпадет на их долю на этом пути!

Когда читаешь такую книгу, как произведение Ауэзова, тебя пронзает мысль о том, что высокое искусство романиста может заставлять читателя испытать на себе чудо перевоплощения; преодолев трудности чужого фольклора, освоившись с экзотической терминологией и перескочив через сотню истекших лет, почувствуешь себя казахом-кочевником и понесешься вместе с героями по бесконечным степям, то приходя в отчаяние, то стремясь отыскать в грядущем хотя бы проблеск надежды!

Юрий КАЗАКОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ ¹

(во французском издании романа "Сумерки" А. Нурпеисова)

Абдигамил Нурпеисов родился в Кызыл-Ординской области, на берегу Аральского моря в семье рыбаков и охотников. Несмотря на свое знатное и древнее происхождение, его семья была бедной.

---

¹ Iouri Kazakov Préface - A. Nourpeissov Le Crépuscule - Paris Gallimard, 1967
p 7-9

Роман "Сумерки" показывает жизнь бедных аулов и старинных казахских обычаев, о которых французский читатель имеет, безусловно, столь же малое представление, как и русский читатель. Этот роман является частью трилогии, повествующей о событиях на протяжении шестнадцати лет Нурпеисов посвятил этому произведению шесть лет, в течение которых он вместе со своими персонажами любил, воевал, презирал, смеялся, переносил невзгоды и смерть. Некоторых героев он покинул в пути, многих похоронил: он не только любил вместе с ними, он любил их.

Он начинает повествование об их жизни с 1914 года. В сумеречной и монотонной степи влачит жалкое существование кучка рыбаков и обездоленных женщин. Образ жизни этих людей возвращает нас в почти доисторические времена. Но по мере того, как главы романа следуют одна за другой, этот круг персонажей становится все уже: баи, мырза, начальники жандармерии, русские купцы, караванщики, конокрады, большевики, белогвардейцы – все они толпятся на страницах книги и угасают, как и в жизни. Тяжелее всего женщинам, рабское положение которых усугубляется обычаем многобрачия, особенно если речь идет о нелюбимой жене, как это было, к примеру, с матерью самого Нурпеисова. Об этом он сохранил неизгладимую горечь в своем сердце; он не мог ненавидеть своего отца, но он возненавидел родоплеменные обычаи.

И вот, трилогия завершена, персонажи покинули автора, он больше ничего не может сделать для них, они расстались навсегда. Но герои романа продолжают жить своей жизнью. Автор может их забыть, но они продолжают жить в сознании читателей, и даже гораздо более полнокровной жизнью, чем они были обрисованы писателем. Я мог бы долго говорить о героях Нурпеисова, но боюсь оказаться пристрастным, ведь я слишком долго был увлечен ими, и слишком долго размышлял о них.

Я провел всю зиму в ущелье Медео, в окрестностях Алматы. На склонах гор, обращенных к югу, снега почти не было, и всю зиму горы, залитые солнцем и тишиной, пахнут весной. Черные и серые дрозды, прилетевшие сюда из наших краев, прыгают здесь на согретой солнцем земле, летают между ущельями и барбарисами. Иногда несколько дней подряд падает большими хлопьями снег, дороги становятся непроходимыми, деревья тяжелеют под снежным грузом, и если какая-то птица, взъерошенная от холода, слетает с ветки, то снег медленно опадает, словно длинное белое кисейное полотно. Кажется, что мир стал немым, и лишь речка Алма-Атинка журчит у ваших ног, унося гребешки пены и пара.

Порой Нурпеисов поднимался ко мне в горы. Мы оставляли мой уютный теплый домик и окунались в мороз и снег. Он

рассказывал мне, какой душистой и зеленой бывает степь весной, как благоухает горькая и сочная полынь в окрестностях Аральского моря, как, не умолкая, поют там жаворонки.

Нурпеисов принадлежит к молодому поколению казахских писателей, пришедших в литературу в 50-е годы (тогда вышел в свет его первый роман – “Курляндия”). Я думаю, что бессмысленно напоминать здесь о переменах, произошедших в тот период в нашем обществе.

Но мне хочется отметить, что расцвет казахской литературы за последние 15 лет – это слишком знаменательное и важное явление, чтобы говорить об этом кратко и вскользь. Ограничусь лишь замечанием, что после Абая и великого писателя Мухтара Ауэзова нужно обладать большим талантом и мужеством, чтобы снова взяться за исторический роман. “Абай” стал эталоном, с которым казахский читатель сравнивает любой новый роман, предлагаемый ему.

Франция – это первая страна на Западе, которой предстоит открыться для себя и автора, и его произведение. Это огромное событие для писателя, ожидаемое с тревогой, которую разделяет и его переводчик. Я надеюсь, что любовь писателя к своим землякам, медленное течение их жизни, прерываемое вспышками ненависти, обычаи родов, их праздники, их борьба, так выпукло обрисованные, и глубоко гуманное содержание книги смогут растрогать французского читателя также, как они тронули сердца казахских читателей.

Кристиан ОДЕЖАН

О РОМАНЕ А. НУРПЕИСОВА "СУМЕРКИ" ¹

Роман Абдижамила Нурпеисова “Сумерки” уводит нас далеко в другие края и в другие времена. Он наглядно демонстрирует происходящие сейчас в русской (т. е. советской – прим. М.М.) литературе процессы изучения истоков всех составляющих ее языков, наречий, всех ее национальностей.

Роман переведен с казахского языка Юрием Казаковым, который написал и предисловие к нему. Действие разворачивается накануне войны 1914 года на берегах Аральского моря, где влачат полурабское существование под гнетом местных господ и нескольких богатых русских купцов, племена кочевников скотоводов и

---

¹ "Esprit" - 1967, N 359, avril, p 966-967

нищенствующие селения рыбаков. Вслед за Нурпеисовым, мы проникаем в неизведанный мир на окраине степей, терзаемых едкими и солеными ветрами. Описание людей и края пленяет больше необычностью, чем экзотизмом. Имея строго хронологизированную, тщательно исследованную и тысячу раз пересказанную историю, мы с трудом можем представить себе, что в то время, как Европа была раздираема распрями от Восточной Пруссии до Фландрии, существовал народ, для которого все это было лишь ссорой далеких чужестранцев

Герои Нурпеисова действуют в мире обычаев и традиций, в закрытом пространстве, разделенном племенными нравами, соперничеством, враждой и преступлениями. Жестокость и сила становятся законом их жизни, полной случайностей и подчиненной топоту конских копыт, шуму прибоев и штормов. После того, как царь начинает вербовать здесь людей для своих войск, в душе рыбака Еламанà и конокрада Калена вспыхивает настоящий и глубокий бунт; но мятеж был зверски подавлен. Автор повествует нам о сумерках казахских племен и родов. Однако, мы чувствуем, что это полная несправедливость должна быть наказана. Показывая каторжников с кандалами на дорогах Сибири и смерть отважных всадников-джигитов, Нурпеисов дает нам почувствовать восход Революции.

АБДИЖАМИЛ НУРПЕИСОВ. "МЫТАРСТВА" ¹

С казахским писателем Абдижамилем Нурпеисовым мы знакомы по роману "Сумерки", который был опубликован в этом же издательстве. Тогда роман открыл перед нами мир степей Центральной Азии таким, каким он был до 1915 года, строго придерживавшимся родовых обычаев и не дорожившим жизнью и человеческим счастьем.

За романом "Сумерки" хронологически и по изображению судеб персонажей следует роман "Мытарства". Наиболее мрачная сторона жизни в этом романе предстает перед нами в судьбе женщин, полностью зависевших от отца и мужа и, вынужденных

---

¹ Abdejamil Nourpeissoov "La saison des epreuves" (Trad par Lily Denis), Paris Gallimard, 1969

Послесловие во французском издании романа "Мытарства" переведенного как "Время испытаний"

отказываться от протеста против многоженства, открыто практиковавшегося в узком кругу кочевников. Иначе - горе покинутой жене и ее потомству! В этом случае, она превращается в объект для насмешек и ее участь отныне мало отличается от участи вьючного животного. Подобное случилось с привлекательной и переменчивой Акбалой, и с преждевременно состарившейся женой Тулеу – Кенжекей.

В основе романа лежит осознание несправедливости и первые ростки революционного духа. Мы видим это на примере одного из самых скромных героев “Сумерек” – бедного рыбака Еламана, которого его могущественные противники из богатого рода отправляют со строительным батальоном на Турецкий фронт. Вечно не уверенный в себе, и тем более в том, что он способен поднять знамя или выкрикивать лозунги, он на собственном опыте убеждается, что Турция – вовсе не обетованный край, мифу о котором слепо поклонялись старики. И хотя мысли его еще смутны, но отныне он отказывается “быть всего лишь мячом в руках Аллаха”. Инстинктивно он присоединился к железнодорожникам из города его детства Челкара. Бескомпромиссный мир, едва родившись, тут же раскололся. Как тут выбрать между сторонником активных действий Мюльгаузенем и все обдумывающим интеллигентом, но в то же время, похоже более уязвимым. Селивановым? И вот вспыхнул бой, который закончился поражением, но Еламан вышел из него закалившимся, он стал меньше колебаться. Отныне его путь лежит в рабочий поселок, куда он уходит в дальнейших поисках правды.

Большое достоинство романа “Мытарства” в том, что он “позволяет увидеть” через индивидуальные судьбы, интерес к которым захватывает, зарождение революционной идеи: все это изображается без прикрас. Зачастую ум или ловкость присущи в романе феодалам, которые сами себя ослабляют распрями и апатией, порожденной ощущением своего близкого конца. Примером может служить Жасанжан, единственный интеллигент из стана богачей, болезненный молодой человек, образ которого в романе “Сумерки” порождает какие-то надежды.

Однако, абсурд жизни не щадит никакой лагерь; одни просто прожигают жизнь, другие создают новое и благородное, хотя и смутное будущее. Свет будущего ... это другая обетованная земля, в западню которой не должен попасть автор.

Абдижамил НУРПЕИСОВ. “МЫТАРСТВА”¹

В романе “Сумерки”, который представляет собой первую часть трилогии Нурпеисова, действие происходит около 1915 г., когда вдалеке слышен гул пушек и битв Первой мировой войны. Тогда в романе был выведен целый ряд персонажей, которых мы встречаем и в книге “Мытарства”. Большинство рассказов Нурпеисова, объединенных в общую канву, повествует о нравах и обычаях кочевников, подчиненных патриархальным традициям. Через эти традиции, создающие вековые устои, автор раскрывает судьбу казахского народа.

В романе “Мытарства”, хронологически следующем за романом “Сумерки”, изображен определенный прогресс в жизни казахов. Так, “Сумерки” заканчиваются смертью рыбаков, попытавшихся восстать при поддержке Еламана, что свидетельствовало о том, что в психологии некоторых персонажей в степи Центральной Азии и на берегах Аральского моря, образовалась трещина. В романе “Мытарства”, где действие происходит в 1917 году в период крушения царской власти, уже видно, что сомнения углубляются, а трещина превращается в пропасть. Протест Еламана обернулся ссылкой в Сибирь; после возвращения домой он был отправлен на Турецкий фронт. Постепенно Еламан приходит к подлинно революционным мыслям.

Конечно, дочитывая книгу “Мытарства”, мы еще не ощущаем прихода революции. По всей вероятности, стоит подождать публикации последней части трилогии, чтобы понять все масштабы личности Еламана. Новая власть, установившаяся в России, в Москве и Санкт-Петербурге, еще не угрожает привилегиям богачей, вроде Танирбергена. Все, что там происходит - далеко, словно на другой планете.

Туркмены, мстя за кражу своих необузданных коней, уничтожают казахские аулы, и это входит в правила игры. И конокрады, во главе с могущественным Танирбергенем, вступают в эту игру, с полным пониманием собственного риска. Если все эти смертельные схватки, описанные Нурпеисовым, выливаются в символ борьбы, то это вовсе не символ революции, происходящей в России, а наоборот: аулы сжигаются без всякого различия, и не понятно, кто больше страдает от этих бедствий – виновные или невинные? В этом деле с краденными лошадьми, досталось даже и непричастным к этому рыбакам, их старейшине Мунке и его товарищу Еламану, попытавшимся остановить туркмен. Эта схватка со всей

¹ “Les lettres françaises” - 1969, N 1314, 20-30 décembre, p 9-10

ее жестокостью – тоже символ установившихся с давних времен порядков.

При чтении романа “Мытарства” необходимо спросить себя, может ли новое правительство, обосновавшееся после Революции 1917 года поколебать эти старые устои? Когда Еламан, сошедшийся с рабочими из Челкара – города его юности, в предчувствии новых времен, спрашивает одного из своих врагов: “Разве ты не знаешь, что время царей прошло?”, то его противник отвечает: “Время танирбергенов еще не прошло”. Тогда Еламан задается главным вопросом: “Неужели никогда не наступит время нашей свободы?” Ведь речь идет именно об этом. Роман “Мытарства”, воспитывающий революционный дух, описывает общество полностью поработанное; причем, имеется в виду поражение психологическое. В этом его отличие от романа “Сумерки”, в котором изображены те же персонажи, но эти люди раздавлены ужасающими условиями жизни, созданными теми, кто стремился лишь эксплуатировать рыбаков (Нурпеисов, чтобы усилить впечатление подавленности и неподвижности, отказался вводить в роман какие-либо понятия длительности, кроме обозначения времен года). Романы дают глубокое и целостное представление о нравах и образе жизни казахов. Читатель ищет в этих персонажах то, что, в основном, препятствует их свободе. При этом, Нурпеисов вводит во второй роман критическое отношение к происходящему, и это знаменует собой явный прогресс по сравнению с романом “Сумерки”. Одновременно критический подход создает определенную дистанцию между романами и выявляет более низкий уровень сознания героев первой части. Внутренняя борьба, изображенная по крайней мере в первых двух книгах, неизбежно приводит к расширению горизонта сознания.

“Мытарства” заканчиваются переломом в сознании. Для Еламана мир уже не ограничен только жизнью казахов, не замыкается на собственной судьбе, подчиненной родоплеменным нравам: он больше не пленник собственного характера. Его народ, в целом немногочисленный, сумел покорить обширные земли, но что он выиграл от этого? Да, просторны и широки их земли, но таковы ли их смыслы и дела? .. Он понял, что его народ не сможет жить дальше, не совершив собственной революции. А революции надо учиться у русских.

Роман “Мытарства”, как и “Сумерки”, заканчивается психологическим изображением героя, потерпевшего ряд неудач. Не будем забывать, что Еламан – один из немногих казахов, побывавших, хотя и вынуждено, за пределами своего обширного края, и вернувшегося с какими-то представлениями о революции, по крайней мере, о ее начале. В отношении Еламана проблема кажется доста-

точно простой; она заключается в том, чтобы узнать у русских, как можно ниспровергнуть укоренившиеся устои.

На протяжении всего романа "Мытарства" Нурпеисов старался показать в психологии, в менталитете казахов то, что подрывало их силы изнутри; что порождало междоусобные войны, вызывавшими презрение к народу, и притеснение его любим. Ктс хотел наказать его. Учитывая этот момент, начинания Еламана, или по крайней мере, его планы и стремления, могут показаться несколько утопическими.

Таким образом, повседневный образ жизни казахов в романе "Мытарства" предстает перед нами в виде рассказов, которые скорее являются более или менее значительными эпизодами, имеющими более или менее длительное продолжение (если они сами не являются продолжением или отголоском событий, представленных в романе "Сумерки"), и мастерски выстраивающихся в череду будней.

Чтобы дать полнее представление об абсурдности жизни, об унижениях, и, в конечном счете, о косности этого существования, Нурпеисов подробно описывает судьбу казахской женщины, которую вынуждают смириться с участью второй жены, с участью женщины-вещи, зависящей от мужа, подчас глупого, неспособного ни решать, ни выбирать, ни думать ни о чем, кроме продолжения своего рода, и даже не помышляющего о том, чтобы восстать против привычных и косных условий жизни, не изменившихся со времен его предков. Женщину можно внезапно отвергнуть из-за другой, и она вынуждена покинуть аул, оставить своих детей и бродяжничать, словно жалкий человек, покинутый всеми. Так произошло с женой Еламана – Акбалой. В романе рассказывается о том, как Танирберген отобрал ее у Еламана, а позже прогнал из аула богатых. Не найдя пристанища в Челкаре (где она разыскивала своего первого мужа), Акбала оказывается в ужасной нищете и моральной подавленности. Но если судьба женщин освещает одну сторону психологии казахов, то другой, не менее важной стороной выступает религия. Обетованной землей для казахов-мусульман – является Турция. Это утопическое место, край неподвижных грез, придуманный образ рая, и никто не задумывается поехать проверить подлинность чудесной страны. Все довольствуются сознанием, что после смерти их ждет жизнь на Обетованной Земле.

А между тем, Турция существует, и Еламан знает это. Он работал там во время войны, испытывая голод, холод и страх. Там был насуп похоронен его брат. Но как по возвращении рассказать в ауле рыбакам, старикам и детям, что там нет ничего общего с Обетованным краем, образ которого они создали себе в мечтах? "Что он мог им рассказать? Он видел деревни, маленькие города?"

но Обетованной земли не видел. Там как и повсюду, крестьяне были измучены тяжелой нуждой. Тем не менее, рыбаки ему не верили." Еламан не развенчал этот миф, позволяющий его соотечественникам жить, но в каких условиях?! И мы уже понимаем почему, после того, как он вновь увидел Акбалу, вернувшуюся в свой аул и убедившуюся в необходимости действовать, он уходит учиться революции, которая может принести свободу. Замечательно наблюдать на протяжении романа (особенно, если вспомнить, каким скромным рыбаком был Еламан вначале), как просыпается сознание Еламана, и как растет в нем стремление вернуть другим их собственную свободу. Но особенно приятно убедиться, что роман "Мытарства" такой же значительный, как и "Сумерки". Это говорит о многом.

Нелли СТЕФАН

Абдижамил НУРПЕИСОВ. "КРУШЕНИЕ." ¹

Борьба между Красными и Белыми, победа коммунистов уже давно вошли в историю. Вошло в историю и множество рассказов об их перепитиях, также как и о боях в Казахстане. После романов "Сумерки" и "Мытарства" этот третий том является эпилогом, повествующим о поражении Белых в бою в Аральске. На помощь Красной Армии приходят рыбаки и обнищавшие скотоводы, а в степи противостояние между владельцами скота и наемными пастухами означает противостояние между двумя социальными классами.

Автор с любовью изображает людей и земли своего казахского края: жизнь в войлочной юрте, свадебный ритуал и похоронные обряды, перекочевки. Нам становится близка судьба отважного Еламана и мы негодуем, когда его вероломно убивают. Донесший на него мырза, на которого он раньше работал, поддается медленной агонии разгромленной белой армии и погибает. Вместе с ним погибает весь его мир, мир Тысячи и одной ночи.

Читатель полюбит эту книгу за ее человеческую теплоту, за чувство справедливости, заложенное в ней и будет очарован удивительными образами бескрайней степи и гордых всадников, населяющих ее.

---

¹ "Europe" - 1976 N 564-565 avril - mai p 247

во франц. варианте название романа "Мытарства" переведено как "Летний пепел" - Abdejamil Nourpeissof 'des Cendres de l'ete' - Paris Gallimard 1976

СОЛНЦЕ БЕДНЫХ ¹

На расстоянии видно, что советская литература отражает образ своей страны. “Крушение” Абдижамила Нурпеисова является третьей частью романа “Кровь и пот”; первый том “Сумерки” вышел во Франции девять лет назад, второй – “Мытарства” – шесть лет назад. Вся трилогия насчитывает тысяча страниц. В Советском Союзе издание этого романа также затянулось на несколько лет. Последняя часть романа вышла в конце 1972 года в журнальном варианте в Москве. Для русских читателей, как и для нас, необходимо было адаптировать и переводить роман, написанный на казахском языке.

С самого начала и почти на всем его протяжении речь идет о жизни маленького селения, расположенного в двух тысячах километров от Москвы. Действие разворачивается в рыбацком поселке на севере Аральского моря, в 1914 году. Мы наблюдаем, как в течении пяти или шести лет происходят огромные изменения в душе кучки людей, с которыми мы знакомы, начиная с первого тома трилогии.

Основная тема – людские судьбы и история. В романе показана история “крушения” – именно так звучит по-русски название третьей части романа, – крушения власти “белых” и “богачей” Перед нами 1919-1920-е годы, когда разбили Колчака, а гетман Дутов бежал в Китай. Основное событие книги – битва под Аральским морем. Между страницами, связанными с историей, речь идет о людях, пришедших к нам издалека, и необходимо понять, кто они? Это вовсе не “великие личности”, но им уделено больше внимания, нежели Колчаку, Дутову, генералу Чернову, или даже командирам Красной Армии. Их имена – Еламан, Кален, Танирберген. И мы бы много потеряли, если бы не проследили их судьбу, начиная с двух селений или группы юрт, которые представляют собой аул бедных и аул богатых, между которыми разворачивались события в “Сумерках”. Здесь изображена жизнь какой она была до средних веков, и воспоминания о которой всего лишь несколько лет спустя, придадут особую масштабность тем изменениям, которые произошли всего за два года после Октября в Азии, наравне с самой большой страной Европы

Главные герои – бедный рыбак Еламан и такой же бедняк Кален. “И зимой, и летом, рыбаки жили в своих сырых юртах, расположенных над морем Летом, их поедали москиты. Даже последний бедняк из скотоводов, владевший, по крайней мере,

---

¹ “Humanite” – 1976 12 fevrier, p 8

двумя головами скота, уходил на летнее пастбище-джайляу, где воздух был чистый, а трава зеленая. Но рыбаки не могли себе позволить даже этого. Они не могли покинуть море. Они были словно экипаж, никогда не покидающий судна” Но были и худшие времена, когда миграции совершались в другую сторону. “В этом году зима в степи выдалась особенно суровой, настолько суровой, что в нескольких аулах погиб весь скот. И тогда, казахи потянулись целыми селениями к морю. Они лишь повторяли одно и то же на разные лады: “На берегу моря никогда не умирают от голода” И они кружились вокруг рыбных хранилищ. Они не просили оплаты, только бы им одолжили сети, чтобы они могли поймать рыбу для еды; этого было достаточно”

Между богатыми и бедными, и между самими бедняками отношения были бесконечно жестокими. Быть батыром, для грабителя, конокрада вроде великана Калена означало сделать первый шаг к человеческому достоинству. Это обернулось для него, как и для Еламана, – ссылкой в Сибирь. А что можно сказать о достоинстве женщины? Именно на нее падает прежде всего полная нищета, оскорбления, побои. Лили Дени талантливо сумела перевести “милосердие женщин” в третьей части романа, вместо “всеобщее милосердие”, как было в оригинале. Сам благородный мырза Танирберген, чьим образом символически заканчивается роман “Крушение”, чаще представляется жертвой, нежели палачом. Рядом с ним становятся понятны причины, толкнувшие его брата Жасанжана присоединиться к армии революционеров, а многих людей с побережья и из степей – отказаться служить белому царю. Звучат последние слова Калена в “Сумерках” “Сшибли меня плохо, плохо. Но однажды и для нас взойдет солнце!” Все эти мысли продолжают и во время победы, и во время поражения одних или других. В последней книге, которая освещает все предшествующее, становится ясным, для кого это одновременно и победа и поражение.

Что можно сказать о каждом герое книги? Еламан, присоединившийся к рабочему отряду железнодорожного узла в Челябинске, выполняет различные поручения, набирает людей и лошадей, действует под видом мырзы и следит за Белыми. Кален способен в одиночку уморить от жажды в пустыне целую армию. Танирберген становится “проводником” Белой армии и подвергается позору и наказанию. Жасанжан с каждым днем все больше и больше колеблется. Здесь показаны люди с их сомнениями и мучениями. “Любопытно создан человек. Иногда вас так захватывает тоска, что ваше сердце сжимается, как кожа обгоревшего животного. И тогда огромный мир беспрепятственно рушится до основания, еще немного и вы остаетесь в пустоте. Вас настигает черная судьба, сжимает в оковах, берет вас за горло. И если ты не выдержишь, то

наступает конец. Вас задушат, сломают." Все другие пресонажи вокруг этих герсёв, также как и они, тянутся к добру или злу, они сами становятся объектом огромной борьбы. за власть над ними борются и командиры-революционеры, пришедшие из царской армии. и те, кто сражается за народ, не любя его, и политический комиссар одновременно слабый и энергичный, и русский генерал, предавший и оставивший все "кроме чувства чести и долга", каким он себе их представляет", и молодой офицер, и все другие. в оди-ночку или вместе

Эти люди и земли с их богатым разнообразием, экзотика, и многое другое, непривычное для нас, поражают нас в этом великом романе, который словно выступает из древней устной или написанной эпопеи. После рассказа о людях в книге большое место занимает описание лошадей: лошади в схватках с волками, лошади, рвущиеся в атаку. Здесь же огромные стада верблюдов. Картины сменяют одна другую: рыбаки, затерянные на льдинах во время ледохода, осушенные колодцы, выжженная земля. Все в романе го-ворит, что повсюду люди и народы, и все изображаемое имеет великую значимость, и все может обернуться как к лучшему, так и к худшему "Много раз видел Еламан вокзалы в России. своих товарищей по оружию; он грустил в окопах во время сева, жатвы, урожая, думая об их домах и семьях. И странные мысли приходили тогда ему на ум. Сколько в мире было ему непонятно и незнакомо. "

Однако, то, что он знал, позволяло ему, несмотря на темное прошлое и неопределенное будущее, делать все для того, чтобы сдержать клятву Калена, чтобы возшло солнце бедных людей.

Клод БОННФУА

НУРПЕИСОВ, СКОРЦА. ДЫХАНИЕ НАРОДНОЙ ЭПОПЕИ.

*Эпопея блещет на заре литератур. Вступительная
песнь, эпическая поэма полубогов или героев-
основоположников. С нее начинается история.
И нет ей больше места в таких старых литературах как наша.*

В действительности, она представлена в двух романах, с роскошным размахом, которые по воле случая переведены и выходят в свет одновременно: "Летний пепел" "Крушение". Абдижамилла Нурпеисова и "Гарабомбо. Невидимое." Мануэла Скорци.

Внешне все разделяет эти две книги. И в первую очередь, пространство, время, стиль письма. Нурпеисов - казах. Он пишет на своем языке и его книги известны, благодаря переводам на русский язык Ю. Казакова. Его повествование разворачивается на земле предков, номадов или рыбацких, в степях, которые окаймляют Аральское море; во время, когда в кровавых боях сражались красные и белые Скорца - перуанец. Его роман рассказывает о восстании 1962 года против крупных владельцев, которые присвоили земли комюнеров горных цепей Анд и земли индейцев-членов древних крестьянских общин за которыми издавна закреплено право пользования верхними равнинами, которые они населяют.

Скорца показывает нам, с какой жестокостью армия положила конец заселению большой территории, проходившего мирно и с соблюдением закона.

Произведения Нурпеисова и Скорца противопоставляются прежде всего манерой написания. Нурпеисов - реалист, который вписывается в традиции классического романа. Если его повествование вовлекает нас в незнакомую обстановку, околдовывает нас и достигает трагического финала, это благодаря его тщательному описанию жизни казахов, номад-мусульман, бесстрашных наездников, еще принадлежавших к обществу почти феодальному, благодаря его изображению мира, находящегося в стадии развития, где старая вражда между группировкой племен рыбацких и скотоводов превращается в борьбу классов. В противоположность, Скорца - превосходный романист традиций барокко. Без сомнения, борьба классов в центре его повествования. Но там есть элементы юмора и фантастики. Там можно проследить, как горбун превращается в Аполлона и как конокрад так ласково говорит с жеребятами и кобылами что все стадо в иступлении сеет беспорядок среди рядов военных. Когда лошади агонируют под взглядом стертвников. Скорца присоединяется к эпической книге Нурпеисова, где на последних страницах романа солдаты Белой Армии и их проводник Танирберген (великий господин степи, сознающий предательство своих сородичей) теряются в пустыне под взглядом грифов

...

Романы Нурпеисова и Скорца имеют общее и в том, что они принадлежат к циклам произведений: "Крушение" соотносится естественно с "Сумерками" и "Мьгарствами", "Гарабомбо", "Невидимое" перекликается с "Барабанной дробью Ранколо". Тем не менее, эти эпосы не состоят из героев в классическом смысле этого понятия. Ни полубоги, ни принцы, они принадлежат народу. Они неотделимы от общин своих сородичей; от аула рыбацких или комюнеров горных цепей. Они помогают своим сородичам осознать свои права, утвердить свое

своеобразие Оба автора говорят о вступлении в современный мир обществ, которые были еще племенными и феодальными, традиции которых сохранили только устный характер Описывая это, они естественно, заслуживают признания эпических поэтов

И это уже не просто современные писатели, осознающие свою политическую роль и использующие все возможности полифонического романа. к чему Скорца добавляет необычайное воображение традиций барокко, остроумие которое преобразует в мифические фигуры истерзанных крестьян в сказочные сцены деревенские праздники или столкновения с силами порядка Из реальности которую они описывают, порожденной восстанием против несправедливости, звучит голос народов, до сих пор молчаливых и угнетенных.

Анн ФИЛИП

В КРАЮ БАРЫМТАЧЕЙ ¹

Мы прибыли в Алма-Ату на исходе дня Нас встречали Симашко и Нурпеисов Мы проехали по спящему городу Я узнавала широкие проспекты, тесные домишки и современные здания тянущиеся вдоль дороги аллеи и улицы усаженные деревьями которые делают Алма-Ату одним из самых зеленых городов мира Облака и ночь скрывали горы

“У нас – говорит Нурпеисов – когда всадник подъезжал к юрте то он говорил “Хабарлас’ и спешил лишь получить ответ Ответом не обязательно должно было быть слово достаточно кому-либо выйти за порог и тогда всадник спускался с коня

Лоран Гаспар тоже вспомнил обычай гостеприимства на Среднем Востоке когда человек, преследуемый кем-то подходит к жилищу ему достаточно просто дотронуться до одного из канатов это означает, что он просит помощи и он обязательно ее получит Я констатирую, что таковы нравы кочевников во всем мире

‘Мы не всегда были кочевниками’ – отвечает Нурпеисов - у нас была древняя цивилизация на нашей земле было много больших городов Отрар например стертый с лица земли сыном Чингисхана в 1232 году В нем находилась богатейшая библиотека вторая в мире по величине после Александрийской Мы настойчиво ищем следы нашей цивилизации И мы найдем их

А Ф – А почему Вы пишете?

Н – Это происходит не по воле и не по желанию человека

¹ Le Monde' 1973 29 mars p 18 19

Для меня талант – божий дар; вот все, что я могу сказать.

А. Ф. – *Не вызван ли этот “божий дар” каким-либо событием?*

Н. – Я со школьных лет хотел писать. Когда началась война, меня приютил дядя и я сказал ему, что хочу стать писателем. Я начал писать рассказ о человеке, которым восхищался, о барамтаче, конокраде, бунгаре и акыне. Его звали Сары Батак, он погиб от пули царских жандармов в 25 лет.

А. Ф. – *Так это он послужил прообразом Калена в “Сумерках”? Известно, что конокрады имеют особое значение для вашего края, вот и Айтматов о них пишет.*

Н. – Да, теперь они исчезли. Раньше их уважали за ловкость и отвагу. Я помню одного из них: как только он появлялся в нашем ауле, мы окружали его и слушали, как он поет: он очень хорошо пел.

А. Ф. – *Не является ли для Вас самым важным желание рассказать историю казахского народа?*

Н. – Я родился в очень бедном ауле, на берегу Аральского моря. Люди жили там рыбной ловлей. Этот уголок степи, где я сделал свои первые шаги, а потом гонялся за ягнятами, где солнце обжигало меня, – самое мое любимое место в мире.

Благодаря силе наших обычаев и традиций, мудрость наша сохранилась и выжила в современном мире. Мой народ – интеллектуальный народ, я Вам это категорически заявляю, хотя и знаю, что некоторые со мной не согласны. Обычно ведь называют интеллектуалом человека, получившего образование. Но необходимо знать, что образование – это одно, а природный ум – совсем другое. В этом смысле Бог не забыл мой народ.

А. Ф. – *Бог?*

Н. – Когда я говорю “Бог”, то подразумеваю Природу. Теперь мои родственники живут в современном доме, но рядом с холодильником присутствуют приметы почти феодальной жизни. Когда в 1958 году первый реактивный самолет пролетел над нашим поселком, совершая рейс на трассе Ташкент - Москва; увидев след оставленный им в небе, услышав рев его моторов, жители решили, что прилетел дракон: и стар и млад выскочили на улицу, били в кастрюли и ведра, думая, что тем самым они прогнали и победили чудовище

Я начал учиться в родном ауле, и там мне никогда не говорили ни о русской, ни о европейской, ни даже о казахской литературе. Наше культурное наследие открывали нам в семейном кругу именно наши старики. Они и сегодня являются самыми красноречивыми собеседниками.

А. Ф. – *Что известно Вам о Ваших предках?*

Н. – Все, что мне известно о них до седьмого колена, я знаю

по слухам и, в общем, по легендам. В поэмах воспеваются могущество их рода, их племени, богатство их табунов, плодородие их пастбищ, их щедрость и их отважные подвиги.

Мой отец, Карим, очень рано осиротел и в силу этого потерял свое состояние. В те времена детей богачей называли "мырза", сегодня сказали бы "франты". Они, эти аристократы, очень следили за своей внешностью, всегда были элегантно одеты. Они развезжали на великолепных норовистых скакунах, в сбруи которых были украшены серебром; они старались окружить себя свитой из красивых юношей; в их руках все становилось мишурным, сверкающим. Их родители не скупилась на калым, чтобы женить своих сыновей на самых красивых местных девушках. Это были баловни судьбы, жившие, как и все избалованные дети, беспечно и бездумно.

Однако случается, что природа или обстоятельства в одну зиму могут уничтожить стада и богатство ... И тогда "мырза" страдал сильнее других и телесно, и духовно. К счастью, мой отец нашел в себе силы приспособиться к новым условиям жизни. Это был заядлый охотник. У него были добрый конь, верный пес, и часто он кормил нас лишь тем, что добывал на охоте. Пришла коллективизация. Он вступил в рыболовецкую артель. И погиб во время войны в ночном бою за Тирасполь 21 апреля 1944 г. Моя мать, Балкенже, была неграмотной домохозяйкой, вечно обремененной заботой о том, как прокормить, одеть и обуть многочисленных домочадцев, сидящих на голодном пайке. Я был еще совсем мальчишкой, но с детской беспощадной ясностью осознавал, насколько тяжелой была ее жизнь. Хотя она была старшей женой моего отца, ее юная соперница, более красивая и удачливая, одержала верх над моей матерью и прогнала ее из дома. Мать не вынесла горя, заболела, зачала и умерла на моих руках, когда я был еще совсем юным.

Я вырос в советское время. В те годы степь переживала переломный период. На обломках разрушенного старого мира зарождалась новая эпоха. В самых глухих аулах появлялись люди необыкновенного темперамента, с обветренными и решительными лицами. В такой вот атмосфере и сложился мой дух.

А. Ф. — *Расскажите о своей трилогии.*

Н. — Представьте себе жаркое лето 1947 года, выжженную солнцем полынную степь где-то близ побережья Аральского моря. Я был двадцатитрехлетним безбородым парнем: я возвращался с фронта на старой скрипучей телеге. Возница молчал, мне было скучно. Я пошел рядом с повозкой, разулся, и, почувствовав горячий песок, не знаю почему, очутился во власти глубокой печали и тревоги ... Я увидел безжизненную степь, и она показалась мне

мертвой и выжженной. Однако я знал, что на этой безмолвной земле жили когда-то люди, которые любили и ненавидели друг друга, что по ней некогда проходили табуны, что здесь проливалась кровь, слезы и пот. И вот эти два слова, кровь и пот, вызвали во мне нечто вроде кристаллизации; я сказал себе, что самое ценное в человеке – это его пот и его кровь и что они никогда не были оценены по достоинству. Название и тема возникли одновременно. Очень быстро мне стало ясно, что действие будет проходить в 1916-1920 гг.; это самые тяжелые и самые важные годы.

Я собрал историко-архивные материалы. Много дней и недель провел я в беседах с аульными стариками; предо мной стояли образы моего детства. Каждый из моих персонажей был навеян знакомыми мне, реально существовавшими мужчинами и женщинами.

Сострадание, сострадание к людям и народам ... Это самое благородное и самое возвышенное качество человека. Может быть поэтому бессмертные книги редко бывают веселыми. По правде говоря, жизнь тяжела, иногда ужасна, но мы проходим по ней благодаря состраданию. Мне стало нравиться страдать; страдая, я погружаюсь в печаль, ибо тогда я размышляю, я больше понимаю, полнокровнее живу.

Анн ФИЛИП

ТУРКМЕНСКИЕ ЛЕГЕНДЫ И ИСТОРИИ ¹

Ашхабад расположен на границе с Ираном, на другом конце Центральной Азии. Жара здесь достигает 30-35,°небо чистое. Воздух здесь пахнет совершенно по-иному, чувствуется Восток.

Мой первый продолжительный разговор с Симашко состоялся в одном из тихих городских парков Ашхабада, под сенью высоких деревьев с серыми от пыли листьями, в окружении прирученных горлиц, которые здесь спокойно разгуливают или летают, окружая вас своим воркованием. Мы стояли у подножья скульптуры Ленина со вскинутой к горизонту рукой, который был установлен на пьедестале, расписанном под ковер разноцветной мозаикой.

А. Ф. – *Объясните мне название вашей книги: Повести Черных и Красных песков.*

М. С. – Географически Аму-Дарья разделяет пустыню на две части на севере – Кызыл-Кум, Красные пески; на юге, ближе к Ирану – Кара-Кум, Черные пески. Сейчас мы находимся в

---

¹ Monde, 1973, 29 mars, p. 18-19

районе Черных песков. Направляясь к северу в сторону Хивы, мы будем пролетать над рекой и окажемся в Красных песках.

А. Ф. – Время, описываемое в ваших повестях, за исключением последней, простирается между десятым и двенадцатыми веками; ваша будущая книга “Маздак” посвящена V веку. Что предопределило ваше пристрастие к прошлому и к истории?

М. С. – Я люблю историю с детства. В 17 лет я прочел все исторические книги, которые были написаны на русском языке. Самая замечательная из них – “Смерть Вазир Мухтара” Тынянова. Эта страсть к истории присуща и детям моих друзей.

В этой прекрасной эпохе я нахожу или отыскиваю то, что мне нравится, что влияет на меня, что мне созвучно в стиле и в людях, которых я встречаю здесь, в районе Центральной Азии. Когда я говорю – Центральная Азия, то невозможно отделить от нее Иран, ни его культуру, ни его легенды. Ирано-туранский комплекс неразделим.

Ни одна человеческая жизнь не проходит бесследно, каждая имеет свое место; именно в этом и заключается известный биологический и генетический фактор. Точно также ни одно историческое событие не проходит бесследно и любая маленькая победа способна глубоко повлиять на самобытную культуру оккупированной страны, и победитель, в свою очередь, испытывает гораздо сильнее влияние побежденного.

Этот уголок мира, где мы сейчас находимся, завоевывался Александром Македонским, арабами, монголами, жители истреблялись, города разрушались, заново отстраивались или покидались людьми. Эта земля напоена кровью. Мировая история была сконцентрирована именно здесь, ибо именно здесь складывались отношения между Западом и Востоком. Именно отсюда начинались великие завоевания и великие переселения народов. Гораздо позже они обрушились на Европу. Читая Библию, узнаешь, что основные персонажи иудаизма были связаны с Ираном. И не случайно Александр Македонский перенес туда свою столицу.

Я очень долго жил здесь, и как говорят русские, “съел немало хлеба и соли”. Будучи солдатом, я провел здесь какое-то время в период войны, я облетел этот край как летчик-истребитель, я работал здесь в качестве журналиста одной ежедневной газеты, а эта профессия позволяет проникнуть вглубь человеческой души, я был очевидцем преступлений, мести и различных событий. В своих романах я старался раскрыть правду человеческой жизни, я открывал ее и будучи журналистом.

А. Ф. – Расскажите о героях своих повестей.

М. С. – “Емшан” – это первый рассказ, повествующий о последних днях султана Бейбарса, который был важным историческим лицом;

если бы он не остановил гуннов, египетская цивилизация была бы уничтожена. Прирожденный мамлюк, он был увезен отсюда как раб в Египет. Мне хотелось точно запечатлеть самые естественные чувства восточного человека, который, не будучи выходцем из знатной династии, а лишь обыкновенным рабом, становится великим предводителем людей.

А. Ф. – *А вторая повесть – “Искушение Фраги”?*

М. С. – Фраги – это поэт, настоящее имя которого Махмут Кули. Ему были чужды витиеватые мысли, и в этом он истинный туркмен. Точная дата его рождения неизвестна. Его поэмы являются своего рода медитациями. Я был сильно увлечен его творчеством; читал о нем в библиотеках, слышал его песни на всей территории Центральной Азии, и я видел глаза тех, кто их слушал. Он взял на себя роль поэта, мужественный и величественный, он был готов пожертвовать своей жизнью во имя этого.

Третий рассказ повествует о хадже Омара Хайяма. Спустя 55 лет после его смерти Аль-Кефти писал: “Он подчинил разум своей воле и совершил хадж, побуждаемый боязнью людей, а не страхом перед Богом”. И это действительно было так. Он жил во времена императора Санджама из династии сельджукидов. В начале эта династия почитала ученых, но изучив Коран, они предпочли управлять людьми. Омар Хайям, вместе с Фирдоуси и Авиценной, способствовали иранскому возрождению, которое достигало своего расцвета 4 века спустя после арабского завоевания. Позднее Иран был завоеван монголами, и свободная мысль была вновь подавлена. Омар Хайям знал настолько хорошо Коран, что мог цитировать его наизусть, но однако, он не принимал догматизма религии. Это был замкнутый неразговорчивый человек, и в то время, о котором я повествую, он составлял свои астрономические таблицы и писал свой труд о теории чисел.

А. Ф. – *И последняя повесть о Черных песках?*

М. С. – Это было мое первое по-настоящему литературное произведение и я еще находился под различными влияниями. Но сюжет – “вендетта” – кровная месть, я хорошо знал. Раньше это было законом, и сегодня еще существуют его отголоски.

Это единственная повесть, действие которой происходит в наши дни. Я тогда еще не читал Платонова, иначе бы я написал это в другой манере. Никто из русских не писал так о Средней Азии, как он. Его послал туда Максим Горький, и он настолько привязался к стране, что прожил там два года. Я отправил эту повесть в журнал “Новый мир”, и она была принята. В то время журнал возглавлял Твардовский. Удивительный человек, который был совестью советской литературы.

А. Ф. – *Правда ли, что Солженицын, в день его похорон, на кладбище воздал ему почести?*

М. С. – Да, он это сделал.

Идея черных песков была подсказана мне самой страной и непосредственной, прямолинейной психологией туркмен. В пустыне человек не имеет права ни заблудиться, ни ошибиться. любая фантазия исключена. загляните в Коран. Когда знаешь народ очень хорошо, то его история кажется вам очевидной.

А. Ф. – А *“Маздак”*, ваша следующая книга?

М. С. – Это еще одна историческая вещь! Его герой – наполовину легендарная личность. Он был зороастрийцем и верил в равенство людей. Вы знаете, что эта религия повлияла на христианство Востока. Он был первым, кто попытался претворить коммунистическую идеологию. Красное знамя родилось вместе с ним. Азия впервые стала свидетельницей революционного движения масс.

Сегодня в движении “левых” находят отражения ошибки, о которых я говорю. В *“Маздаке”* я показал мистический и идеалистический коммунизм, не принимавший во внимание ни природу, ни человеческие страсти, ни законы истории, но при этом искренне стремившийся к правде и справедливости. В конце концов, подобное революционное движение отбрасывает человечество назад. Но разве оно не было осуществлено именно из-за потрясения, которое оно породило...

А. Ф. – *Не считаете ли Вы, что социализм изменил человеческие отношения?*

М. С. – Изменились лишь формы. Сердце, чувства остались неизменны, иначе бы мы превратились в муравьев.

Лили ДЕНИ

В БЕСКОНЕЧНОСТИ ВРЕМЕНИ И НАДЕЖДЫ ¹

В романе *“Маздак”*, изобилующем людьми и событиями, две путеводные нити: история маленького скромного королевского писаря, с первой до последней страницы являющегося свидетелем Истории, и огромная алая тень пламени, крови и солнца, переменной формы, сужающаяся порой до лезвия разящего мяча, порой танцующая от радости, порой простирающаяся над целой страной, или отступающая перед мраком темных дел. В этом красном цвете смешалась целая гамма оттенков: фетиш Огнепоклонников, пурпур,

¹ Maurice Simashko *Mazdak*, - Paris Gallimard 1973 p 9-13 (Preamble)

арийская жестокость и первая великая мечта о коммуне людей. Все историки сошлись на общем мнении, маздакистская революция, произошедшая в Персии в VI в. н.э., оказалась первым коммунистическим движением в мире.

Таким образом, «Маздак» – это исторический роман в самом подлинном значении этих двух взаимоисключающих понятий, ведь под романом подразумевают вымысел, а под историей – реальность. При помощи художественного вымысла здесь созданы второстепенные персонажи, ускорено развитие событий, восстановлены основные страсти и движущие силы тех событий. В то же время, основные персонажи, герои или рядовые люди, события, подробности обрядов и обычаев – исторически правдивы, здесь нет ничего, что было бы надумано, все имеет отклик в новейших исследованиях или в обветшалых персидских папирусах. Эрудиция Симоняко несколько не тормозит ритм произведения, включающего динамику движений и приключений, и в то же время – глубокие размышления, свойственные великим романам.

Многие не знают, или забыли, что собой представляла История Востока в тот период. Для нас, романских народов, людей другой цивилизации, История Востока – это история Византии – нового Рима. В Иране, на территории которого происходят основные события, это был период династии Сасанидов, где столкнулись традиционный абсолютизм и гуманистические устремления, где сосуществовали три религии: зороастризм (культ огня) – государственная религия, христианство и иудаизм, где с престола скатываются волны жестокости и терпимости.

Декорацию завершает Туран, наименее известная империя того периода, поскольку население его частично составляют кочевники и границы его зыбки. На северо-востоке территория без явных границ простирается до Монголии и Сибири, на юго-западе она соседствует с Ираном; но туранскому владыке достаточно было бы пройти кавказскими переходами и захватить юг Черного моря, чтобы обрушиться на византийский мир. Для большей ясности напомним также, что Туран был населен белыми и желтыми гуннами, и различными тюркскими племенами; кроме того, наиболее оживленная часть его территории находится на территории современной советской Центральной Азии. Этим объясняется факт появления данной книги, написанной русскоязычным автором, проживающим в Казахстане и страстно увлеченным персидской культурой. Действие происходит в основном в Нисибине, пограничном городе, соседствующем с византийской империей, затем – вдоль Тигра и в Ктесифоне, столице Царя царей, вблизи от ушедшего в прошлое Вавилона, и наконец, в Мерве и Шизе, древних столицах персов, превратив-

шихся сегодня в огромные дюны человеческого праха и пепла, который мне довелось поддержать на своей ладони.

Византия, Персия и Туран – три могущественных государства, и внутри каждой из них происходит сложная игра. Каков был Кавад I-й, во время царствования которого разворачиваются события романа? Скрытный человек с тяжелой поступью, не выносящий кровопролития и наказаний, как утверждает Мухтар ибн Тахир эль-Макдизи?

Стоит ли верить арабскому историку Хамзе, полагающему, что царство Кавада было обращено в руины, потому что оно было слишком озабоченно своим будущим. Или же, подобно Симашко, увидеть в нем Светлолицего, одновременно сдержанного, мечтательного и волевого, сочетающего арийское высокомерие, идеализм, и постепенно погружающегося в разочарование. Таким он предстает на драмах с выгравированным его изображением. Взгляд его был нетороплив, как на монете. Его застывший величественный образ воплощал ортодоксальную мысль, прямолинейность и непреклонность, свойственную персам. Рядом, схожий с ним, его друг-воин Сиявуш. Другой его товарищ – маг Маздак. Тот вышел из мира ритуалов и предрассудков зороастризма; громоздкий механизм запретов не устраивал его, он ясно видел нужды людей, несправедливость власть имущих, тупость и посредственность преданных им фанатиков. И вот он начинает проповедывать обобществление богатств и женщин. Кавад оказывает ему покровительство в тот момент, когда феодалы уже подрывают его авторитет, когда Византия угрожает его границам, когда его отношения с Владыкой Турана, которому он выплачивает дань, постоянно меняются. Станный революционер, однако, этот Маздак, который претендует “восстановить истину”, или же говоря его собственными словами, он призывает вернуться к прошлому, к естественным нравам. То ли он боялся устремиться в будущее, то ли он был охвачен душевным порывом, не имея идеологической основы? Или же он был движим утопической идеей равенства людей?

Все эти вопросы мысленно задавал себе царский писарь Авраам, через судьбу которого показана вся хроника событий романа. Ему дает ответ простой гончар, и эти слова выявляют корень всех вопросов:

- Ты просто никогда не работал руками, - говорил гончар. - Родившись, начал я мять глину. Чистую глину, без примесей. У меня не может быть сомнений. Если я поверил, - значит, это правда!

Осознанность веры была у этих людей, но не она поразила тогда Авраама. Другое было неожиданным. Гончар ощущал бес-

конечность, но не хотел ее. Он сознательно и непримиримо отметал все другие возможные системы. Значит, в голове мага родилась такая правда, которая именно сейчас нужна людям. Только она, и никакая другая. (...)

Наверное, каждая забытая правда прошлого нужна была людям. Они сами выбирают и прилаживают ее себе ко времени. Что же такое – "правда"?

Постепенно образ Маздака становится все более и более расплывчатым по мере того, как его движение приходит в упадок и вслед за одним, потом двумя повсюду потихоньку появляются десятки лжемаздаков, исчезающих в пучине дикости и ничтожеств. От пылающей красной лавы, которая должна была нести людям справедливость, остались лишь шлаки. Лжемаздаки затерялись в Истории, словно переменчивые речки в пустынных песках.

А что происходит в романе Симашко с людьми, с маленькими рядовыми людьми и их повседневной жизнью в этот период великого смешения цивилизаций, сопротивления феодалов и соперничества могущественных государств. Мы встречаем их на каждой странице, простолюдинов или знатных людей, ремесленников или старейшин инакомыслящих общин, с чьим существованием мирится Персия. Симашко воссоздает весь этот мир – школ, торговцев, поэтов, тюрем, войны и религии. Авраам пересекает по очереди эти круги, постигая их рассудком, сочетающим наивность и дальновидность, обнаруживая при этом ясность ума и инстинкт, уравнивающий моменты слабодушия. Этот молодой и одаренный грамотей ведет себя не как тщедушный и аскетичный интеллектуал. Его плоть не чурается желаний, ему знакомы нерешительность и неведение, которые приходится преодолевать в жизни. Он открывает для себя не только чувственные удовольствия, он познает и радость конной скачки через степь, и блаженство держать обеими руками плуг, вспахивающий землю.

Авраам любознателен к жизни, он любит людей, он умеет сопереживать их делам, разделять их игры порой, или держаться в стороне – в другое время: он – идеальный очевидец. Тем более, став летописцем Царя царей, он первым составил свод легенд Персии и историю Сасанидов, письменно изложило генеалогию с самого начала происхождения, что позволило Фирдоуси пять веков спустя написать свою знаменитую "Книгу Царей" (Шах-наме), ставшую источником прекрасной персидской серии легенд и истории

Будучи идеальным очевидцем, Авраам был так далек от участи счастливого очевидца; он пережил огромную неразрушимую страсть, уничтожение всех его друзей, разочарование в общечеловеческой мечте, и после всего этого, одиночество .. Эта судьба могла бы

судьба могла бы показаться тяжелой, если бы от сверкающих осколков разрушенных иллюзий не исходил, сильнее всего, ореол мечты о справедливости.

Андре СТИЛЬ

ОТ ПРОШЛОГО К БУДУЩЕМУ (Морис Симашко “Маздак”)¹

Редко можно встретить сочетание такой эрудиции с такой красотой изложения, когда первое нисколько не утяжеляет и не обесцвечивает второе.

Пока еще мало известный в Советском Союзе писатель Морис Симашко, вторая книга которого переведена на французский язык благодаря Лили Дени, как никто другой обладает способностью воскрешать самое далекое прошлое. Кажется, что для него это прошлое никогда не являлось ни слишком далеким, ни слишком причудливым; это как бы пари, которое предлагает автор все, что существовало или существует в этом мире, всегда касается нас, вы, читатели, сами в этом убедитесь, и это всегда может тронуть вас до самой глубины души.

В первой книге “Красные и черные пески” мы как бы изнутри познакомимся с султаном Бейбарсом I, жившим в XIII веке. Во второй повести этой книги, действие которой ближе к нам во времени, но не в пространстве или по какому-либо сходству ситуаций (оно происходит на территории нынешней Туркмении), мы следуем за поэтом Фраги. Еще одна повесть, еще один великий мыслитель, и поэт, знаменитый автор Рубайята Омар Хайям, и мы - в Персии XI-XII веков. Наконец, повесть, наиболее близкая нам во времени, рассказывает, как появилась и крепла мечта о революции в Черных песках. И несмотря на то, что ни одна из них не касается современности, все они, полны этой современностью, читая их, мы никогда не испытываем чувства отчужденности, и всегда – причастности.

Во второй книге писателя это “пари” доведено до предела. В ней идет речь об Эране VI века, впоследствии ставшем Ираном, и о коммунизме. Представьте себе роман о Невстрии времен Шильперика, деда Дагобера, да еще действие которого происходит в двухстах километрах от Парижа! Действие “Маздака” уже не

---

¹ L Humanite 1973 15 novembre p 10
Простор 1974 N 3 стр 120-121

повести, а большого романа, происходит, начиная с окрестностей Ктесифона – недалеко от Вавилона – и до Самарканда и Константинополя. И несмотря на такие расстояния во времени и пространстве, все там кажется нам очень близким, мы ощущаем жизнь в ее повседневных проявлениях, с ее поразительными формами, красками, ароматом, звуками, запахами, которые непрерывно апеллируют к самым восприимчивым и утонченным читателям.

Невозможно сказать, является ли какая-нибудь деталь следствием удивительных знаний автора или же плодом его точной фантазии. “Словно покрашенные были звонкие продолговатые дыни, гигантскими пирамидами уложенные на базаре”, – эта фраза могла быть взята из дренного произведения, как и увлечение царя царей Кавада игрой “Смерть Царя” – предком наших шахмат, или с таким же успехом быть вымышленной. На этом уровне сам перевод требует как незаурядной эрудиции, так и чувства поэзии. Вот почему в успехе романа немалая доля успеха Лили Дени.

Персия тех времен это прежде всего невероятный контраст, улавливаемый в самих вещах: между пышностью придворного быта, дворцом, облицованным отражающими солнце пластинами из серебра, огромными трибунами, закованными в цепи львами, тяжелыми гигантскими коврами – и реальной слабостью: “Непрочно все было в государстве ...”

Основная причина: “Седьмой год великий голод в Эрране”. Увиденный сначала глазами посла восточноримского императора Зенона, а потом глазами писца Авраама, великий голод опустошает селения, подтачивает устои государства. У бедняка нет ни хлеба, ни жены. У богачей гаремы и хранилища, полные пшеницей. Тогда приходит маг, спаситель народа и царя Маздак. Он появляется, и “такой мучительный стонущий звук одновременно вырвался у тысяч и тысяч людей, что заняло сердце. Все было в нем: жалоба, беспредельная горесть, надежда. Даже кони перестали мотать головами ...”. Его проповедь созвучна чаяниям толпы, которая приветствует его слова: “Разве принадлежит кому-нибудь огонь, вода, земля, из которых составлен мир? Справедливо ли, чтобы один имел больше другого? Зло случайно. Оно исчезнет, когда все на земле будет распределено поровну! ...”

Маздак – персонаж реальный, так же как и царь Кавад, с согласия которого начали претворять в жизнь эти уравнилельские идеи. Несчастные захватывают дворцы, делят между собой более или менее “чистоплотно” все, что там имеется. Коммунизм – очень громкое слово, и автор его не применяет, чтобы описать то, что еще слишком похоже на бунт рабов. Реальным персонажем также является и Авраам, автор “Книги Владык”, при помощи которого

Морис Симашко ведет свое повествование, как он делал уже это в других своих произведениях с помощью других “людей пера”: Фраги или Омара Хайяма. Благодаря ему, благодаря тому, что повествование передается от него к нам, как от действующего лица, все нам становится таким близким: эпизоды личной жизни, игры, развлечения, любовные похождения, даже катаклизмы, стихийные или общественные – миграции крыс в пустыне, наводнения, пыльные бури, растоптанные слонами люди ... “Крысы исходили из Эраншахра, разверзались хляби небесные, безликая саранча наполняла землю, старцы терзали младенца. Пахло в мире дымом и кровью ...”

Так как подавление одетых в красное маздакитов сильными мира сего вскоре сопровождается еще и кровавым безумием “лжемаздаков”, возводящих в догму насилие, то спор между Маздаком и Розбехом, как и спор между Симурденом и Говеном в “Девяносто третьем годе” Виктора Гюго, может показаться некоторым столь же отвлеченным и содержать поучения для других времен “Помни, Розбех, что насилие всегда притягивает к себе лживых, с какими бы добрыми намерениями ни совершалось оно”. Тем, кто ищет кругом это и не лишен чувства неприязни, может показаться, что здесь как бы брошен беглый взгляд на то, что называют в Советском Союзе издержками культа личности. Однако какими бы серьезными ни были эти издержки, такое сравнение по меньшей мере нецелесообразно, так как истинный советский строй настолько разнится от самого истинного маздакизма, что о зеркальном отражении не может быть и речи. Можно ли при сравнении не противопоставить величественную дворцовую зеркальную стену – фреску былых времени, например, то маленькое зеркальце, единственную роскошь в комнате Ленина и Крупской, о котором нам известно из красивой и хорошей маленькой книжки Мартины Моно – такой правдивой, точной, скромной и смелой книжки одновременно и писателя и борца, из которой мы видим, как шестая часть земного шара “закладывает основы будущего”

Но несмотря на все заблуждения древнего ученого о равенстве, в последних строках романа “ясные серые глаза и непомерно высокий лоб были у него”, и книга о Маздаке хороша как блестящее восстановление одной из самых древних попыток освободить человечество. Это воссоздание совершил страстный исследователь и писатель большого таланта, у которого видна иногда “грусть” людей, прочитавших много книг”, по его выражению, но который убежден, что “немислимые сказания неотделимы от жизни, как дух неотделим от плоти”

ПЕРВОЕ КРАСНОЕ ЗНАМЯ ¹

Как можно быть персом? Этот иронический вопрос Монтескье звучит из глубины веков при чтении романа “Маздак”. В шестом веке нашей эры Персия, занимавшая территорию современного Ирана, подвергалась сильным потрясениям. Уже в своем сборнике “Повести черных и красных песков”, о котором я писал на страницах этой газеты, Морис Симашко показал себя искусственным археологом. И здесь он чувствует себя свободно в лабиринте географических, исторических, религиозных, политических и социальных понятий, где французскому читателю с трудом удается следовать за ним.

Предлагаем вам небольшой вступительный экскурс перед чтением этого романа Династия Сасанидов, облеченная могущественной властью, правит сверхцентрализованным государством, в котором общество разделено на четыре класса: крестьяне и ремесленники, священники, воины и чиновники, заботящиеся о государственном устройстве и сплоченности народа. Маздакизм стал официальной религией, догмы которого были провозглашены в “Авесте”.

В конце пятого века великий проповедник этой религии Маздак, предпринял попытку провести реформу доктрины, направленную против знати, и призывающую к социальной революции, к обобществлению всех благ, а также женщин. Это был своего рода коммунизм, а Маздак был первым в истории человечества, поднявшим красный флаг. В тот период внешнее положение королевства было далеко не блестящим: Персии угрожают ромеи в Месопотамии, и сирийцы, и арамеи, и гунны.

На этом фоне завязываются и распутываются интриги разного рода. Царь Кавад был смещен беспомощным братом поддерживаемым феодалами, противниками реформ Маздака Авраам, летописец событий, о которых повествуется в этом романе, с помощью Белой Фарангис, освобождает Кавада. Маздак проповедует свою религию в пользу революции, принимающей мистический оборот и основанной на стремлении к справедливости и немедленному торжеству истины на этой земле. Это напоминает вам левачские взгляды. Поскольку маздакизм является религией огнепоклонников, то он, в буквальном смысле слова, — воспламеняет страну, которая к тому же подвергалась жестокому голоду.

Описание широких просторов, покрытых сомнищем безликой саранчи, испытавших тредневную осаду полчищ крыс, опусто-

¹ Le Figaro, 1974, 23 mars

шенных огромными пожарищами, придают этому роману эпический размах, который еще больше подчеркивается изображением чудес, захватывающих воображение. Авраам отмечал, что “он все больше и больше убеждался, что даже невероятные легенды и истории также неотделимы от жизни, как разум от плоти. Реальные события переплетаются с мифами и, в конце концов, сами уподобляются сказкам”. Это высказывание ассоциируется с прекрасными строками Патриц де Ла Тур дю Пен: “Все страны, утерявшие свои легенды, обречены умереть от холода ...”

Такова, безусловно, истинная причина падения Персидского царства.

Ален БОСКЕ

ИСКУС ЭПОПЕИ ¹

Книги писателя лауреата Государственной премии Республики Казахстан Мориса Симашко переведены и продолжают переводиться на многие языки мира. Недавно в парижском издательстве “Галлимар” вышла очередная его книга – роман “Семирамида” (во французском переводе “Северная Семирамида”). Публикуем отзыв на нее, помещенный в газете “Фигаро”.

Морис Симашко – русский писатель, не похожий ни на кого другого. Он не в традиции классиков. Его никак нельзя причислить к романистам досоветской или чисто советской эпохи, таким как Горький или Шолохов. Не является он и диссидентом рядом с Солженицыным или Синявским. В нем скорее можно увидеть наследника эзотерического Ремизова, для которого сияние, отсвет значили больше, чем рассказанная суть, или Булгакова, который при помощи Фрейда ищет при полном освещении намеки на дрожащую тень.

Родившийся в Одессе в 1924 году, военный летчик в юности, он живет в Алма-Ате и является певцом огромных просторов, где монгольский эпос отзывается еще эхом. Во Франции уже были опубликованы две его великолепные книги, которые передают это состояние духа, более близкое сказаниям “Тысячи и одной ночи”, чем инвективам Маркса и Энгельса. В 1970 году на французском языке выходят “Повести Красных и Черных Песков”, передающие

¹ Le Figaro, 1992, 6 avril

“Казахстанская правда”, 24 июня, 1992 год

фантазмагорию и великолепие среднеазиатских пустынь и связанные с ними полет духа, рассуждения о вечности. В 1973 году выходит “Маздак” – история зороастрийского мага – революционера, относящегося к V веку нашей эры, где величие пророка сочетается в одно и то же время с элементами, присущими Распутину. Смесь ужаса и блеска, мысли и чувства ...

Сегодня и на это указывает название романа “Северная Семирамида” – писатель создает образ Екатерины Второй, отличный от исторической традиции XIX и XX веков. Он не хочет быть просто архивистом и тем более следовать примеру немецких или французских романов – исторических хроник. Он предпочитает на базе детальных и кропотливых исследований дать точный портрет, воссоздать духовный мир царицы, так что образ получается более углубленный и лиричный.

Морис Симашко умеет интуитивно мыслить, и только это имеет значение. Не становятся Екатериной Великой ни за один день, ни за один год и между маленькой немецкой принцессой – подростком и императрицей такая же разница, как между Октавием и Августом или между просто Бонапартом и Наполеоном. Происходящие метаморфозы – предмет писательского изучения. С первых страниц книги видится незаурядная воля к славе, сочетаемая с чувством рока. Ребенок быстро привыкает следовать своему предназначению, и это должно его спасти в самые ответственные минуты жизни. Вокруг него верят в Бога, но иногда уходят из общего круга, показывают способность к независимости от общепринятых правил поведения. Тем не менее железный ошейник хороших манер сделает свое дело. Задается вопрос: будет ли эта девочка когда-нибудь свободна в своих мыслях и действиях? Обуздает ли свой от природы взрывной характер? Всячески готовясь к предсказанной ей судьбе, не потерпит ли неудачу? Чувство долга при маленьких немецких дворах обостренное, и к тому же Екатерина воспитывается в лучах века Просвещения. Она строго контролирует себя, боясь сделать шаг, а сделавшись взрослой, будет безжалостной к другим, как и к самой себе.

Любовь и замужество она принимает как бы в сомнамбулическом состоянии. Принцессу поначалу ошеломляют церемониал при царском дворе, требование к ней быть счастливой. Но она храбро идет навстречу к этому. Она понимает, что в этой стране государи должны вести себя именно так, иначе они бы не стали государями. Ее императорствующий супруг не мог уразуметь этого и явно был неспособен управлять этой страной. Россия – родина заговоров и покушений, и вот она – абсолютный монарх. В похожей ситуации была когда-то другая Екатерина – Медичи. Но здесь совсем иное. она естественно вживается в эту среду, умеет

быстро выбирать друзей и союзников и остается верна веку Просвещения, поскольку кумирами ее были французские интеллектуалы-энциклопедисты.

Эта книга Мориса Симашко является в то же время точным историческим портретом, построенным на почтительном психоанализе, и относится к жанру эпопеи. Екатерина, которую он нам представляет, не обязательно нова, он ей придает лирическую вибрацию, совсем особую, своеобразную. Персонаж без усилий входит в мир, становится мифом ...

ОБ ОЛЖАСЕ СУЛЕЙМЕНОВЕ ¹

Олжас Сулейменов родился в 1935 году в Казахстане. Получив образование геолога, он объехал свою страну с группой исследователей. Нам не ведомо, открыл ли геолог Сулейменов какой-нибудь рудник или месторождение, но поэт нашел свое дарование.

Его творчество, представляющее собой великолепный сплав казахской поэтической традиции и современной русской поэзии, также захватывающе, как и оригинально; это мысль "скифа", выраженная по-русски. "Мы – скифы!" – провозглашал Блок. "Скифы – это не этнос, это этика", – утверждает Сулейменов. Ему присущи острый модернизм концепций и древняя восточная мудрость, целомудрие чувств и обнаженная откровенность, блеск парадоксов, окутывающий глубину мысли, и человечность под покровом дикой иронии ...

Дважды награжденный литературной премией комсомола, автор семи поэтических сборников, которые читатели буквально вырывают друг у друга, Сулейменов в настоящее время работает над диссертацией о первом русском поэтическом произведении – "Слово о полку Игореве". Те, кто смог ознакомиться с этой работой, говорят, что это основательный и революционный труд, разрушающий все установившиеся понятия. Однако, мы надеемся, что доктор филологических наук Сулейменов не забудет, что он прежде всего и в основном – поэт.

---

¹ A Voznessensky, R Rojdestvensky, O Souleimenov " Mais la poésie " – Paris, 1972,

ПРАГМАТИЗМ МЕШАЕТ ПОЭЗИИ ¹

Казахстан Когда мы вернулись в Алма-Ату после Туркмении, деревья были уже почти голые, и сотни дворников подметали опавшие листья. Во время поездки мы много говорили об Олжасе Сулейменове. Симашко и он – большие друзья.

Сулейменов – поэт, более напоенный, более увлеченный современным миром, чем Нурпеисов и Симашко, это молодой и амбициозный и очень страстный поэт.

“Я – казахский поэт, – сказал он, – однако, я пишу на русском языке. Мы живем в условиях двуязычия и мировую литературу мы воспринимаем через русский язык. Наша поэзия почти на 90% была устной, даже фольклорной, а рукопись выдвигает свои особые требования. Необходимо чтобы стихи были и слышимы, и видимы. Мы мыслим также и глазами. Быть современным означает не отрицать и не отвергать традиции, а продолжать их.”

– *Есть ли, на ваш взгляд, разница между формой и содержанием?*

– В принципе, разницы не должно быть. Однако, я думаю, что форма – это цивилизация, а содержание – это культура. И я считаю, что не так важна цивилизация, лишь бы культура была великой. Содержание вливается в форму, ведь стакан можно наполнить и песком, и водой, и золотом.

– На Среднем Востоке, где я живу уже 17 лет, – вступает в разговор Лоран Гаспар, – народы должны одновременно достигнуть и технического уровня (или же принять новую форму колониализма), и вновь обрести свои традиции. Некоторые писатели задаются вопросом – не оставить ли искусство, чтобы заняться лишь строительством, воспитанием ремеслом? Существует целое течение, которое хотело бы отбросить культуру и сконцентрироваться на экономических и политических проблемах. Задаются ли здесь такими же вопросами?

– Мы находились в особых условиях. Колониализм был непосредственно заменен “братством народов”. С экономической точки зрения, мы развивались одновременно с Россией, а иногда даже быстрее, так как мы обладаем огромными природными богатствами. Что касается наших поэтов, то в течении длительного времени они только и делали, что воспевали экономические успехи.

Зато в противовес этой чрезмерности, сегодня наши лучшие мыслители оторваны от экономических проблем. Утверждается,

¹ Monde - 1973 29 mai p 18

что поэзия – это не профессия. На мой взгляд, поэт не должен ограничиваться лишь уходом за “своим собственным садом”. Инстинктивно интуитивно, он чувствует несправедливость, ошибку, недостатки. В настоящее время реки на Урале превращаются в болота – это обнаружил? Писатель. Ни одна местная научная организация не говорила об этом. Поэт может, должен участвовать в жизни, но его задача состоит не в том, чтобы возвышать человеческое сознание, облагораживать его. Прагматизм мешает поэзии.

– *Верите ли Вы в совпадение экономического и культурного развития?*

– Хотелось бы, чтобы это было так, но это не всегда случается. Варварство – это вовсе не конь, пущенный стрелой в степь, варварство можно обнаружить и под нейлоновой пижамой. В индийских деревнях я встречал людей по-настоящему культурных, глубоко мудрых, и таких чутких, что даже без слов, их влияние было ощутимо.

И в то же время я уделяю большое значение языку, он является свидетелем и проводником. Что касается нашей собственной истории, то я считаю, что она должна быть главным источником наших исследований. Благодаря ей, мы вновь открываем забытые и заброшенные периоды. Для нашего поколения важно, чтобы в тот момент, когда так много говорят о братстве и единстве, народы обретали свою собственную культуру, чтобы быть сопричастными этому духовному процессу. Наша культура была полностью разрушена арабами, считавшими нас язычниками.

– *В чем, по Вашему мнению, выражается взаимодействие между политикой и культурой?*

– Чтобы обрести политический смысл, поэт должен знать свою историю, свою географию. Народ выражает себя через своих поэтов. Для нас эту роль сыграл Абай. Никто другой не клеймил так как он гнусность бесчестья внутренних врагов. Он их порицал. Лстывый же писатель идет наперекор своему долгу.

– *Мне кажется, Вы особенно дорожите Вашим сборником “Глиняная книга”?*

– Я написал эту книгу в 1969 году. На это меня толкнула неспособность наших историков.

Действие поэмы разворачивается в Сирии. В ту пору, в XIII веке, это был цветущий край. Варвары вторглись к ним. Во главе стоял хан Иш Пака, который постепенно начинает предавать свой закон, закон скифов. Народы завоеванные им, начинают в свою очередь побеждать его. По закону кочевников-скифов, царь имеет право совершить восемь преступлений, но за девятое он должен заплатить дороже, чем кто-либо другой. Иш Пака влюбляется

в чужестранку, и одно это преступление стоило ему восьми. Он предстает перед судьями, которые приговаривают его к смерти. Он перестает быть скифом: не в этническом смысле, а в моральном. Мне хотелось показать тот момент, когда закон становится всего лишь предрассудком.

– *Достаточно ли информации в вашей стране?*

– Множество моментов нашей истории XX века остаются неясными. Мы только начинаем осознавать трагедию коллективизации. Но это может быть опасно, если правда откроется внезапно. Невозможно перейти одним махом от феодализма к социализму.

Начиная с 1961-62 годов мы пользуемся большой свободой. Раньше были очень трудные времена. Фальшивая концепция была внедрена нашими собственными писателями, мы жили в манихейском мире: мрак и свет, до и после революции. ... Мы, казахи, считаем, что эти последние пятьдесят лет представляют собой последнее звено долгой и великой истории. Дерево без корней превращается в столб, а на любом столбе можно повесить микрофон, из которого будет кричать чужая музыка. Но наши корни могут питать дерево, которое даст плоды, листья, тень. В том, что я говорю, нет никакого противоречия. Сегодня те, кто ставит палки в колеса, это посредственные функционеры, подгоняемые инерцией и деформированные бюрократическим сознанием; они боятся одновременно и верхушки, и основания, и остаются в бездействии.

– *Ваша цель в жизни?*

– Достичь невозможного. Мой девиз, наш девиз, это “Ши-рота настоящего, глубина прошлого, высота будущего.” Когда мы придем к идеальной точке пересечения этих векторов, мы достигнем идеального состояния культуры.

Леон РОБЕЛЬ

МИНУТА МОЛЧАНИЯ НА КРАЮ СВЕТА ¹

Олжас Сулейменов, по моему глубокому убеждению, сегодня – один из самых значительных поэтов современности. Он родился в 1936 году в Алма-Ате. Последующие, как известно беспокойные годы прошли далеко на севере от Алма-Аты, где он учился в русской школе, чем и объясняется его великолепное двуязычие (его семья, как и многие, была жертвой репрессий и депортаций). Спустя

¹ “Europe”, 1976, N 563 p 145

20 лет, все изменилось, он поступил на геологический факультет университета в родном городе, и это наложило глубокий отпечаток на его творчество. Затем – Институт литературы в Москве, первые стихи, представленные в “Литературной газете” Леонидом Мартыновым, первый поэтический сборник (Алма-Ата, 1961 г.). В то же время он начинает углубленно заниматься лингвистикой, славистикой и тюркологией. Одна за другой появляются поэмы, очерки по филологии и истории, сценарии, проза. Более всего в творчестве Сулейменова поражает размах и полная свобода, как в выборе тем, так и в выборе выразительных средств. Его поэтический материк – это целый мир, в котором он мысленно со страстью обзревает современные очертания и самые глубокие и древние истоки. Он делает это с ликованием, несравненной изобретательностью, включая одновременно все регистры.

Франсуа САЛЬВЕНЬ

ПОЭЗИЯ ¹

“Трансформация огня” Олжаса Сулейменова, в переводе с русского языка Леона Робеля.

Геолог по образованию, уроженец Казахстана. Сулейменов сразу предупреждает: “Пусть корни других – цветисты и разнообразны, наши корни – грубы и узловаты.” Едкая, немногословная поэзия, сжатая, словно кустарник на пустынной равнине

“Степь – горы без вершин и без ущелий,
Ни гром, ни молния,
Не встали и не сели.
Спокойный ужас солнца
И орлы.”

Ясная и в то же время мистическая поэзия, которая сжигает тягучей мелодией свирели физическую плотность природы

Одно из стихотворений посвящено Назыму Хикмету, который будет часто приходиться на ум читателю.

¹ Humanite dimanche 1981, N 63, 3 avril, p 19

ЖИТЕЛЬ АЗИИ - СУЛЕЙМЕНОВ ¹

Олжас Сулейменов уроженец Алма-Аты, столицы Казахстана, является самым беспокойным поэтом Советского Союза. Под этим следует понимать то, что он действует как человек, который присвоил себе право подвергать сомнению и отношения коммунизма с Кораном, и общественную структуру, и даже строение поэтического языка. Из его собственному признанию, в нем живут три человека и этим объясняются его постоянные перемены настроения, его вспышки и крестовые походы против всего.

Он лингвист, и таким образом, критик-исследователь своего языка, чтобы передать свою разноплановость он пишет на русском языке и можно лишь констатировать, насколько его выразительные средства являются либо слишком мудрыми, либо наполненными расхожими штампами.

В то же время Олжас Сулейменов является по профессии геологом, ему присущи размышления специалиста, который измеряет явления пластами и миллионами лет; жизнь представляется ему феноменом, который социалистический реализм не может объяснить. Он призывает всю планету к свидетели своих волнений, выступая последовательно то как великий скептик, то как личность способная задаваться вопросами по поводу многих современных проблем, каким бы ни было их происхождение. Он близок нам какой-то наивной и в то же время едкой ошалелостью.

Своеобразие Сулейменова проявляется в его стремлении осуществить синтез между мифологической Азией и современной Европой. Он может говорить о стадах яков, о тундре, о Чингисхане почти с тем же вдохновением цитировать Маркса, Ленина, Сартра или расхваливать взрывные свойства джаза.

Убежденный азиат, геолог, который думает категориями вечности, поэт, который не забывает о потустороннем мире. Олжас Сулейменов пересекает вскачь пространство современной лирики.

Лионель РЕЙ

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ. ТРАНСФОРМАЦИЯ ОГНЯ.²

Не так-то легко через перевод, даже очень скрупулезный, постичь

¹ Le Monde 1981 N 11371 21 aout p 11

² La nouvelle revue française 1981 N 347 1 dec p 125-126

тв. орчество русскоязычного поэта, каким бы известным оно не было. Э а трудность существует и в отношении казахского поэта Олжаса Сулейменова родившегося в 1936 году в Алма-Ате, и представляющего собой, по утверждению Леона Робеля, "великий голос нашей эпохи странным образом чужой и свой. Подчас при переходе с одного языка на другой художественное значение произведения теряется, но здесь мы все больше и больше ощущаем то, что переполняет эти произведения – поэзию

"Поэтическое мастерство состоит в том, чтобы рифмовать не только окончания, но и корни слов. Ощущаешь ли ты связь слов 'огонь' и 'равнина'? – это изречение, которое мы читаем в предисловии, раскрывает нам самую суть поэтического требования. Сулейменов также говорит: "Наша тема – это огонь, пепел и трава, наши корни грубы и узловаты". Вот что порождает эту поэзию: степи, сожженной, полной пепла, вновь обретенной и оплодотворенной, потрясающе человечной, изобретательной, уносящей все тревоги и все озарения, вбирающей как вымысел, так и различные факты, легенды и истории, соединяющей серьезность с юмором, сарказм с нежностью. Мы далеки здесь от тонкости классицизма и призрачности романтизма, это скорее ближе к Гюге или Клодею, нечто вроде вакхического водворота всех течений и направлений.

Поэт Сулейменов был одно время и геологом, это оставило свой след в его творчестве. Внимательный к технике и к неожиданностям бурения, он знает, что прямая вертикальная линия не всегда самый верный путь к месторождению, к этому проклятому пласту, к которому стремишься всю свою жизнь. Из страсти к бурению, копанию, упорядочению он создает увлеченную, страстную и бурную поэзию. К ней применим эпитет, которым он охарактеризовал личность Колумба: "широкая, как эпос". И его стихи представляют собой эпосы: неслыханные, китовые, о седых памирских яках, идущих по горам Чукотки, эпос о древнейшем в мире котле, полном земли и перемолотых костей, обнаруженном близ чеченского села – "когда-то в нем варилось мясо тура", эпос о толстых и тонких орлах – "лишь их видеть и спокойный ужас солнца", эпос о горах и степи – "где учатся любить, смеяться и плакать". Во всей его поэзии много блеска, озарений, крепкого вина; вся его поэзия – это увлеченное исследование жизни коллектива и отдельной личности, наполненное испуганием, нежностью и состраданием.

“ТРАНСФОРМАЦИЯ ОГНЯ” Олжаса СУЛЕЙМЕНОВА¹

Французский читатель уже знаком с Сулейменовым по “Глиняной книге”, также переведенной Леоном Робелем (издательство “Публикасьон ориенталист де Франс” и по переводам Людды Шнитцер в книге “Но поэзия ...” (издательство “Аж д`ом”).

“Я – геолог” – таковы первые слова в “Трансформации огня”; родная земля Казахстана, его рельеф, история, обычаи, мифы питают поэзию Сулейменова – геолога, филолога, историка и одновременно поэта. Сулейменов не является поэтом, изображающим внутренний мир, он рассказывает о жизни своего народа, о жизни своей земли. Он пытается отразить огонь советской земли, уловить энергию своих корней и предков, и передать это на русском языке.

Казахский поэт Олжас Сулейменов пишет на русском языке, но при этом остается поэтом своего народа; будучи русскоязычным поэтом своего народа, он мог бы быть поэтом всех народов в противоположность поэтам, понятным лишь в определенном регионе. Сулейменов является представителем Казахстана в России и в русском языке

Его мысль критична: он не воспринимает благоговейно наследие прошлого: минарет не вызывает в нем размышлений о вере, до которой ему нет дела; он видит в минарете “силуэт баллистической ракеты” Материальная красота этого мира отвергает веру в иной мир Сулейменов впечатывает религиозное наследие в мир атеистов, за который он борется. Это поэзия борьбы, происходящей в истории и в жизни слова: поэт вопрошает, бросает вызов, борется вместе со своей землей. Его мысль остается критичной он вволю предается иронии, шуткам, сатире. Помимо “геологического вкуса” к истории, юмор и фантазия составляют нерв этой поэзии, которая отвергает всякое пассивное созерцание родной культуры и в своих метаморфозах потешается над любым тупым материалистическим анализом

Альберт и Мадлен ФИШЛЕР

ДАВАЙТЕ ЧИТАТЬ АБАЯ!²

Во французской культуре достаточно много своих талантливых писателей и мыслителей; и франкоязычный читатель, вероятно, будет

¹ Esprit' – 1982, mars, p 203

² Abai Kounanbaiculy Reflexions en prose, poemes “Jskander” et Masgoud Preface et traduction du kasakh par Galymjan Moukanov - Almaty Raouan, 1994, p 5-6

удивлен, услышав пламенный голос из Центральной Азии, обращающийся к ним на их родном языке, благодаря настоящему переводу.

Послушаем Абая. его голос доносится из казахской степи и его послание, написанное в XIX столетии, обретает сегодня удивительную силу в это новое для республики Казахстан время.

Мысль “акына” поражает своей глубиной и многогранностью, долгие годы разделяя заботы повседневной жизни своих земляков, на закате своей жизни этот мыслитель задается вопросами об их отношениях, чувствах и вере.

Внимание читателя будет сразу захвачено вдохновенной борьбой Абая против несправедливости и взяточничества. И даже если между строк он почувствует некоторый пессимизм, то это ощущение быстро развеется перед осознанием глубокого желания автора видеть свой народ, любящим солидарность, труд, стремящегося к образованию, единственно способного избавить человека от дурных наклонностей: “Если ты, действительно, хочешь, чтобы твой сын стал уважаемым человеком, отправь его в школу ...” (Слова Назидания. Слово 25)

Разумеется, автор жил и рассуждал, как люди прошлого столетия, и это постоянно проявляется в его размышлениях об общественной, экономической и религиозной жизни. Но зачастую эти размышления приобретают животрепещущую актуальность, особенно когда они касаются плодотворных взаимоотношений между различными культурами “Тот, кто владеет и духовными богатствами другого народа, становится равным ему и не унижается, не ведет себя недостойно” (Слово 25) Таким образом, Абай полагал, что отношения между народами должны складываться не на подчинении, а на взаимном обогащении, на узнавании и уважении существующих различий.

Кроме того, Абай ясно осознавал трудности, встречающиеся на пути любого народа, которому необходимо прежде всего обеспечить удовлетворение своих насущных потребностей, и все же он постоянно и непосредственно связывает эти заботы с развитием духовных потребностей, дерзновенно восклицая: “Даже если ты беден, не стыдись этого” В конечном счете, мы должны поздравить с успехом переводчика Галимжана Муканова, сумевшего подчеркнуть глубину мысли этого незнакомого нам прежде поэта, философа и отважного моралиста, чье содержательное творчество раскрылось перед нами сегодня. Да, Абай обращается к нам, Абай не дает нам забыть в безмятежном блаженстве. За философскими раздумьями непрерывно громко звучит слово морали “Если ты имеешь истинные заслуги, то народ узнает об этом глупо самому себя прославлять (отрывок из “Искандера”)

Что же, давайте прочитаем Абая!

АБАЙ, ИЛИ ПАРАБОЛА “КАК ТЫ СУМЕЛ РАСПОРЯДИТЬСЯ ДАННЫМ ТЕБЕ ТАЛАНТОМ?”

Моя миссия в Казахстане предоставляет мне случай лучше узнать и оценить богатство интеллектуального мира этой страны. Несмотря на мой небольшой опыт, в размышлениях Абая я смог почувствовать его заботу о Человеке и его Долге; эти понятия, остаются универсальными в пространстве и во времени.

Это одновременно и утешительный и устрашающий для всех нас фактор. Утешительный, так как доказывает, что какими бы разными мы ни были, все мы имеем одни единые ценности, которые позволяют сохранить мир на нашей планете. Но это и тревожащий фактор, поскольку мы понимаем, что никакой материальный или научный прогресс не в состоянии изменить человеческий разум так, чтобы моральные ценности соответствовали бы достигнутым благам.

В пространстве и во времени неумолимо повторяются одни и те же беды: злоупотребление властью, шовинизм, коррупция чиновников, порочность личной жизни, скука, безразличие, невежество, бахвальство, колониализм... И, читая Абая, я мог бы продолжать этот список. Как справедливо сказал поэт: “Люди озабочены только одним - как можно больше завести скота... Когда б они занялись земледелием, торговлей, стремились к науке и искусству, не произошло бы этого.” (2-е Слово) *

Размышления поэта, как мне кажется, можно было бы выразить и следующими словами: “Как ты сумел распорядиться данным тебе талантом?” или же “Не хлебом единым сыт человек”.

Образование человека имеет для него значение лишь в той мере, в какой это делает его ответственным и честным гражданином, но от этого также зависит образованность и порядочность общества, которое он создает и направляет.

Наиболее сильным и прозорливым моментом в размышлениях Абая является его концепция “воспитания примером”. Это и твой личный пример, данный другим, это и пример правителя и его

---

* см. Абай Слова назидания - Алматы, Ель, 1994

сподвижников, данный обществу.

“... Люди отдавали бразды правления всеобщему избраннику и впрямь старались поддерживать во всем, скрывая его недостатки и славя достоинства...” (39-е Слово)

–“Кто не умеет простить вины ближнего, того и чужой обидит”. (39-е Слово, казахская народная пословица)

Размышления поэта могут показаться наивными тем, кто считает, что в жизни счастье и успех зависят больше от порока, нежели от добродетели.

–“Кто добыл богатство, тот и безгрешен” или же “У имущего лик светел”. (44-е Слово, казахская народная пословица)

Но поэт сумел сохранить и подлинную веру в волю и в способности человека:

–“Ничтожнейший из людей тот, кто не имеет стремления.” (44-е Слово)

–“Будь в моих руках власть, я бы отрезал язык тому, кто твердит будто человек неисправим.” (37-е Слово)

Вся трудность заключается в том, чтобы руководить целью в интересах человека и общества, достигнуть результатов, не подавляя при этом естественные свои желания в самом необходимом, в противном случае же добродетель нанесет такое неисправимое зло, о последствиях которого можно лишь строить догадки.

–“Стыд - это человеческое достоинство, заставляющее изнутри признать свою вину и вынести себе наказание. Люди, которых я вижу сейчас, не стыдятся ничего и не умеют краснеть.” (36-е Слово)

Хотелось бы, чтобы в стенах Национальной Высшей школы Государственного Управления в обучении наших воспитанников мы руководствовались этими принципами. Практическое применение данной философии позволило бы сформировать квалифицированных и талантливых чиновников, которые смогли бы на своем посту оправдать доверие народа.

“Забудь о благах своего изменчивого существования,
Они могут когда-нибудь исчезнуть,
И ты потеряешь и свой титул и свои развлечения,
Не стоит разменивать свою честь на какие-либо сокровища,
Тот, кто не имеет стыд, не имеет права называться
человеком.”

(отрывок из поэмы Абая “Искандер”)

Без сомнения, можно было бы долго обсуждать вопросы о том, существуют ли способы справедливой и эффективной организации государственного управления, должны ли чиновники назначаться или

быть избранными (*содержание 3-го Слова*), но я уверен, что не буду голословным. сказав, что прагматизм позволил бы нам навсегда избежать имеющиеся еще в структуре государственного управления соблазны.

- "Животное не знает ничего, но и не стремится ни к чему. Мы не знаем ничего, но готовы спорить до хрипоты: отстаивая свою темноту, стремимся свое невежество выдать за знания." (*7-е Слово*)

- "Мы не способны придумать науку, мы можем только видеть, осязая созданный мир и постигать его гармонию разумом." (*45-е Слово*)

Но прагматизм не означает, что из поля зрения исчезают наши первоначальные задачи. Состояние постоянного колебания между ними есть обязательная необходимость. В качестве доказательства я хотел бы привести сравнительную характеристику концепции Абая и японского юриста-регента Шотоку Тайши, жившего более 1300 лет назад.

Шотоку Тайши создал в 604 г.н.э. под влиянием идей Конфуция Конституцию, названную "17 статей". В эту эпоху Япония стремилась стать единым государством, имеющим солидные политические учреждения, в компетенции которых были бы вопросы могущества семей и кланов (династия Ямато), и, одновременно, восстановить равновесие с растущим влиянием Буддизма. Им был введен принцип добродетели (или "рей" на японском языке) не только в обществе, но также и в организации государственного управления и в окружении Императора.

В статьях 4 и 8, представлена исчерпывающая трактовка данного принципа и вместе с тем высказана преждевременная тревога по поводу роли общественного строя и места индивидуума в обществе, что является, к счастью или несчастью, злободневным и сегодня.

"Все чиновники должны быть добродетельными в работе, Все без исключения, и не только самые титулованные, Как Конфуций верил в то, что указал путь к добродетельному долгу; Если добродетель коснется и самых малообеспеченных классов, Тогда и установится дух всеобщего согласия, Которым и предопределяется порядок и демократия. Так ли демократична Япония как кажется? Да, может быть, кто знает, благодаря вкладу Тайши и его трансцендентности.

Быть хорошим правителем - значит подавлять в себе всякое желание

Личного удовлетворения или материальных благ;

Это обеспечивает независимость суждений
И подтверждает добродетельность правителей.
Главное - это свести к нулю все свои желания,
Поскольку хотеть стать святым или мудрым есть тоже желание.
Приговор богатому - не волновать воду, бросив камень;
Приговор бедному - потопить камень глубоко в воде.

Избегать того, чтобы мнение двора влияло на власть,
Поскольку придворные подвержены компромиссам;
Разоблачать перед народом преступления тех, кто у власти,
Разоблачать тех, кто у власти преступления простого народа
Для единства нации это требование является безоговорочным.
Если распоряжение сверху не останавливает беспечность
придворных,
То власть сама по себе распадается и вызывает беспорядок;
Распоряжения идут сверху: и этот факт неоспорим.

Суметь сделать так, чтобы каждый чувствовал себя нужным на
своем месте
И было бы предпочтительнее, чтобы у власти стояли мудрые.
Понять нужды народа умели раньше только великие цари,
При этом не обязывая себя идти у народа на поводу.
Мудрость и компетентность являются наилучшим гарантом
Против самодержавия и демагогии на местах;
Из сказанного следует, что только достоинство является
Настоящей мерой измерения сущности человеческой души.

Быть уверенным в самодисциплине чиновников;
Самое надежное средство борьбы с коррупцией;
И так они должны трудиться с утра до вечера;
Эффективность их труда и создает добродетельный строй
Без чувства бахвальства и самонадеянности.
Тайши является основателем японской системы управления,
Чье могущество и аскетизм достигаются благодаря его духу..."

Другие статьи Первой Японской Конституции являются не
менее интересны, так как в них представлена трактовка принципов
гармонии ("Ва"), гуманности в человеческом и профессиональном
отношениях ("Шин" и "Ги"), мудрости ("Чи").

Япония, как известно, имеет древнюю политическую и куль-
турную традицию, основой которой является самодисциплина,
организованность, вплоть до самопожертвования. Кто-то мог бы
подумать, что это послужило бы аргументом о невозможности
адаптации ее примера в условиях сегодняшнего и завтрашнего

дня Казахстана.

Главное - это начать действовать, как это было сделано в Японии на начальном этапе ее становления, несмотря на все имеющиеся трудности. И более того, никогда не поздно начать действовать правильно, как это наглядно продемонстрировала Япония, где сильная власть и соглашательский дух не всегда являются несовместимыми понятиями:

- "Прежде чем взяться за дело, надобно иметь цель и стремление." (38-е Слово Абая)

- "О достоинствах человека суди по тому, как он начал дело, а не потому, как ему удалось завершить его." (1-й пункт, 37-е Слово)

Самое необходимое, когда действуешь - это знать свои козыри и суметь не попасть в западню:

- "Высокая должность - все равно, что высокая скала. На нее и неторопливая змея вползет и быстрокрылый сокол взмоет..." (16-й пункт, 37-е Слово)

И нельзя забывать о том, как поэтично и тонко звучит у Абая мысль, что все в пространстве и во времени является относительным:

“Мир - это океан,
Время - веяние ветра,
Ранние волны - старшие братья,
Поздние волны - младшие братья,
Поколения сменяются чередой,
А кажется - незыблем их покой”
(17-й пункт, 37-е Слово)

Этот необыкновенный поэтический полет Абая по-настоящему вдохновил меня и навеял желание еще раз погрузиться во внутренний мир поэта через неизвестные до сих пор во Франции другие его произведения

Среди многих творений поэта, известных французским читателям, я особо оценил две поэмы “Лето” и “Охота с беркутом”, которые глубоко потрясли меня своей естественной и волнующей свежестью в описании родных мест

Лето зима, охота с беркутом - это те элементы, которые символизируют пространственное единство Казахстана в его разнообразии. В завершение своей статьи я хотел бы выразить пожелание, чтобы вы разделили со мной еще несколько мгновений, раскрыв для себя все самое лучшее, что присуще этому краю

ЛЕТО¹

Лето – солнечная пора!
В тучных, в шелковых травах степь
От душистых цветов пестра;
К полноводной реке аул
На кочевье пришел с утра.
Слышно ржанье коней, в траве,
Как в лесу, их найдешь не вдруг;
Тяжко дышащих кобылиц
В стойло, в воду загнал пастух;
Бьют хвостами они себя,
Отгоняют докучных мух;
К матерям жеребята льнут
Или скачут, резвясь вокруг;
Стаи уток и лебедей
Осеняют крылами луг...
Ставят девушки юрты: смех
На лукавых губах подруг,
Четких, плавных движений ритм
И мельканье белых рук...
Скот на пастбищах оглядев,
Успокоясь, помолодев,
Возвращается бай в аул, -
Аргамак его резв и сух.
Гости в юрту его сошлись,
Бьет ключем из сабы кумыс,
Остроумие в их кругу
Возбуждает кумысный дух.
Подговоренный пастухом,
Мальчуган осаждает мать,
Просит лакомства, врет за двух.
Здесь не чувствуется жары;
Бай откинулся на ковры;
Над его самоваром - пар,
Словно облачка целый пух.

---

¹ поэмы Абая Кунанбаева, М., Гослит издат, 1940 (перевод П. Шубина)

Бай кивком одобряет речь,
Говорить не желая вслух,
Но кивку его, лебезя,
Вмиг поддакивает весь круг.
С палкой, в белой рубашке, сед,
Аксакал издали спешит,
Он кричит: "Поверни стада!
Сторонись, не пыли пастух!" -
Может баю придет каприз
Пригласить к себе на кумыс
Раболепнейшего из слуг.
Вот - табунщики, на лихих
Необъезженных вороных:
Утром сели они в седло,
А теперь уже день потух
Вот охотники вдоль реки
По вечерним лугам спешат,
С каждым - сокол, как верный друг.
Ловкий хищник уходит ввысь
И разит, - и седых гусей
Гонит вдаль от него испуг..
... Аксакала томит недуг,
Жизнь прошла - не вернешь назад:
Байским шуткам издалека
Вторит старческим смехом он...
Только бай к его смеху глух

АБАЙ

ОХСТА С БЕРКУТОМ ¹

Ранней зорькой, по снегу, охотник с беркутом на лов
Выезжает, лисицу искать среди гор и холмов
Что наезднику надобно? Конь, ветроногий скакун,
И одежда удобная, вплоть до застежек и швов.
В рассыпном серебре отпечатки бесчисленных лап.
Не пуститься ль немедля на поиски свежих следов?
Статный всадник с беркутом следит неотрывно с горы
Как в долинах поют и звенят голоса гончаков.
Так срывай бумагу и добычу орлу покажи!

¹ Лирика и поэмы А. Кунанбаева. М.: Гослитиздат, 1940 (перевод П. Штайнберг)

Пусть настигнет он рыжую в несколько мощных рывков,
Как лиса ни петляет, спеша на вершину холма,
Повелитель высот словно молния бьет с облаков.
Но, завидев крылатого, зверь припадает к земле, -
Нет спасенья лисе, не уйти ей от смертных тисков.
Морду к небу задрав, скалит яркие зубы она,
Словно сорок ножей, словно сорок зловещих клинков.
Веселятся охотники, - дело подходит к концу.
Гей, скачи, да не бойся! Гони по раздолью снегов!
Хоть владыкою тварей орла называют не зря,
Но лиса для беркута - отнюдь не из легких врагов.
Восемь копий на лапах расправил беркут-богатырь,
Он с добычи не сводит своих неподвижных зрачков,
И, свища опереньем, он падает ей на хребет...
Вот! Сцепились, меняя удары когтей и клыков.
В поединок последний вступили орел и лиса,
Двое яростных витязей, двое свирепых бойцов
И сражаются - хищник воздушный и хищник земной,
Льют пурпурную кровь, для потехи довольных ловцов.
Черен злобный беркут, свежий снег ослепительно бел,
Лисий вздыбленный мех, как закатное солнце, багров.
Мир прекрасен, как женщина у водоема, когда,
Собираясь купаться, она опускает покров, -
Блещет тело нагое, но скован румянец лица
Смоляными кудрями, как звеньями черных оков.
И подобно тому, как невесту жених познает,
Опрокинув на спину, среди многоцветных ковров,
Мнет лисицу беркут, сладострастно когтя под собой,
Словно жаркое тело подруги любовных пиров.
А покончив с лисой, на хозяина смотрит в упор
И гордится победой над рыжей царицей лесов.
Мол, она обладала шестьюдесятью и двумя
Утонченными хитростями, но орлиных бросков
Избежать не смогла и охотничий радует взор
Цветом красного меха и блеском его завитков.
Малахай надеваешь, кладешь насыбай под язык
И с добычей торопишься к дыму родимых шатров
Если часто, как ягоды, ты добываешь лисиц,
Наслаждаясь удачей, ты счастлив всегда и здоров.
Записные охотники речи ведут меж собой
Лишь про ловли обильные, лишь про коней и орлов.
Нет забавы, невинней охоты с беркутом, и нет
Мне забавы милей в самом бренном из бренных миров!
Пусть значение этих бесхитростно-искренних слов

Станет ясным для всех пронизательных душ и умов.
Не постичь верхогляду вселенной безмерный объем,
Лишь с высокой горы открывается весь окоем.
Ослепительный образ возникнет в сознании твоём,
Стоит вдуматься в слово, в значенье, сокрытое в нём.
Пусть жигиты читают и судят меня поделом;
Ты меня не поймешь, коль не любишь охоты с орлом!

СОДЕРЖАНИЕ

1. М. МАДАНОВА. Предисловие.	3
2. Жорж БУЙОН. Абай и Ауэзов. <i>Перевод М. Мадановой.</i>	11
3. Луи АРАГОН. К 60-летию Ауэзова. <i>Перевод М. Мадановой.</i>	16
4. Луи АРАГОН. Предисловие. <i>Перевод М. Мадановой, Р. Усвяцовой, О. Вишневской.</i>	17
5. Мухтар АУЭЗОВ. Абай. <i>Перевод Г. Амандьковой.</i>	26
6. Юрий ПУХОВ. Обращение Мухтара Ауэзова. <i>Перевод К. Адиповый.</i>	27
7. Жан СПАНГАРО. Юность Абая. <i>Перевод М. Мадановой.</i>	30
8. Арман ГАТТИ. Встреча с Абаем. <i>Перевод Р. Усвяцовой, М. Мадановой.</i>	34
9. Юрий КАЗАКОВ. Предисловие. <i>Перевод Г. Бажановой.</i>	36
10. Кристиан ОДЕЖАН. О романе А. Нурпеисова "Сумерки". <i>Перевод Р. Башировой.</i>	38
11. А. Нурпеисов. "Мытарства"(аннотация). <i>Перевод Р. Усвяцовой, М. Мадановой.</i>	39
12. Тристан РЕНО. А. Нурпеисов. "Мытарства". <i>Перевод Р. Усвяцовой.</i>	41
13. Нелли СТЕФАН. А. Нурпеисов. "Крушение". <i>Перевод М. Мадановой.</i>	44
14. Андре СТИЛЬ. Солнце бедных. <i>Перевод Р. Усвяцовой.</i>	45
15. Клод БОННФУА. Нурпеисов, Скорца. Дыхание народной эпопеи. <i>Перевод З. Шаймардановой.</i>	47
16. Анн ФИЛИП. В краю барымтачей. <i>Перевод О. Людиной.</i>	49
17. Анн ФИЛИП. Туркменские легенды и истории. <i>Перевод З. Танабаевой.</i>	52
18. Лили ДЕНИ. В бесконечности времени и надежды. <i>Перевод М. Мадановой.</i>	55
19. Андре СТИЛЬ. От прошлого к будущему. <i>Перевод И. Софиева.</i>	59
20. Ги ЛЕ КЛЕШ. Первое красное знамя. <i>Перевод М. Мадановой.</i>	62
21. Ален БОСКЕ. Искус Эпопеи. <i>Перевод Ерохиной.</i>	63

22. **Об Олжасе Сулейменове**
Перевод Л. Тусупбековой
23. **Анн ФИЛИП.** Прагматизм мешает поэзии.
Перевод Г. Амандыковой.
24. **Леон РОБЕЛЬ** Минута молчания на краю света.
Перевод А. Габдуллиной.
25. **Франсуа САЛЬВЕНЬ.** Поэзия.
Перевод М. Мадановой.
26. **Ален БОСКЕ** Житель Азии - Сулейменов.
Перевод А. Габдуллиной.
27. **Лионель РЕЙ.** Олжас Сулейменов. Трансформация огня.
Перевод М. Мадановой.
28. **Кристиан МУЗ.** "Трансформация огня" О Сулейменова
Перевод А. Габдуллиной.
29. **Альберт и Мадлен ФИШЛЕР.** Давайте читать Абая!
Перевод М. Мадановой.
30. **Кристиан ВИСАНТИ.** Абай, или парабола "Как ты сумел распорядиться своим талантом?"
Перевод К. Фаизовой.

**ABAI
ET SES SUCCESEURS
LITTERAIRES
EN FRANCE**
(Regards d`auteurs français
sur la littérature du
Kazakhstan)

INTRODUCTION

Cette année 1995, est largement célébré le 150-ème anniversaire du poète kazakh Abaï (1845-1904), philosophe éclairé et démocrate, dont les oeuvres, écrites au XIX-ème siècle n'ont rien perdu de leurs valeurs humanistes, morales et esthétiques. Au contraire, comme toute création remarquable de l'esprit humain son héritage artistique prend aujourd'hui un sens nouveau, plus profond et continue à servir les grands idéaux du monde civilisé. En même temps, il faut noter que c'est précisément de nos jours, que l'oeuvre d'Abaï devient une valeur nationale authentique, un symbole spirituel, ainsi qu'une carte de visite originale du peuple kazakh dans le monde entier.

Issu de l'aristocratie de la steppe, Abaï fut élevé dans les traditions spirituelles de la culture populaire et reçut une éducation diversifiée: d'abord à la maison, puis à l'école musulmane, puis à l'école russe. En même temps, il se perfectionnait tel un autodidacte dans ces domaines les plus variés. Dôté d'un esprit vif, curieux et analytique, et possédant un large cercle de connaissances, il était chaque jour témoin des problèmes nombreux de la vie quotidienne de ses compatriotes et partageait leurs soucis, leurs peines et leurs aspirations. Il insuffla à ses oeuvres poétiques et à son traité "*Réflexions en prose*" d'une manière forte et imagée les idéaux de son peuple.

Le grand mérite d'Abaï est d'avoir compris l'esprit de son temps et tel Goethe, Byron, Pouchkine et d'autres génies du siècle passé, il a remarquablement incarné dans son oeuvre la synthèse Orient-Occident. De cette considération découle l'universalité de sa poésie et de sa prose didactique. L'importance mondiale de l'oeuvre d'Abaï ayant été apprécié à sa juste valeur, ce n'est pas un hasard si l'UNESCO a pris la décision de fêter solennellement la date de sa naissance.

Comme cette célébration aura lieu non seulement au Kazakhstan, mais dans d'autres pays et, en particulier, en France, il est intéressant de suivre comment sont perçues Abaï et la littérature contemporaine du Kazakhstan par des lecteurs français.

D'autant plus, que le caractère de cette perception reflète des tendances générales qui président de la reconnaissance de la culture spirituelle et du peuple kazakh pour la majorité des pays de l'Europe occidentale et du monde entier.

Les oeuvres d'Abaï sont restées pendant très longtemps inconnues pour le public français et francophone. La personnalité d'Abaï a commencé à retenir l'attention véritablement dans les années 50 de

notre siècle, lorsque Louis Aragon a fondé sa collection célèbre, intitulée "*Littératures soviétiques*". Et parmi les premières oeuvres qui ont été choisies, il publia le roman de Moukhtar Aouézov "*Abaï*", dans une traduction française, que l'on doit au célèbre maître du mot, acteur culturel Antoine Vitez.

On peut remarquer qu'à travers ce roman, les lecteurs étrangers ont découvert en même temps le talent de l'écrivain Aouézov et la personnalité extraordinaire d'Abaï.

Il en est à l'origine, lorsqu'il souligne la signification internationale de l'oeuvre d'Aouézov et le génie poétique d'Abaï dans une préface conséquente qu'il écrit au roman et dans une série d'articles qu'il publie dans les pages de la presse parisienne.

Les propos de Louis Aragon sont devenus déjà classiques, lorsqu'il remarque que: "le roman épique sur Abaï est ... l'une des plus hautes oeuvres du vingtième siècle... on cherche assez vainement dans le reste du monde les oeuvres à lui comparer".

On peut imaginer l'impatience et l'intérêt avec lesquels les lecteurs francophones ayant lu ce livre et ayant fait connaissance avec Abaï, attendent une rencontre avec son oeuvre et ses poésies propres.

Dès lors, l'idée qu'ils se font de la culture spirituelle des Kazakh est étroitement liée à son oeuvre. Comme le remarquait Georges Bouillon: "Hélas, ses oeuvres traduites en français tardent toujours à paraître ... En attendant, nous avons, Dieu merci, "*La jeunesse d'Abaï*" et "*Le chemin d'Abaï*" par Moukhtar Aouézov, qui mi-romances, mi-historique, suffisent à nous faire comprendre et admirer cette sorte d'abaïsme national qui règne dans tout le Kazakhstan. ... Heureux le poète qui a su incarner la conscience d'un peuple et heureux ce peuple qui glorifie si ostensiblement son poète!"

Selon l'opinion largement répandue "la poésie est intraduisible". Et il y a sans doute une logique propre à cette attente si longue et si épuisante qui précède la rencontre avec l'oeuvre d'un des plus grands maîtres d'une littérature, qui comporte en elle tout un monde spirituel. Outre les difficultés linguistiques et littéraires que pose la traduction de la poésie kazakh du siècle passé dans une langue européenne, la structure psychologique de la culture des nomades rend la situation encore plus complexe. Sans doute, l'inspiration principale de sa poésie et les thèmes essentiels de ses "*Réflexions en prose*" sont universels, ils sont à l'unisson des oeuvres de la littérature classique mondiale dans le genre lyrique, élégiaque, philosophique, civique, didactique. En même temps, il y a tant de nuances insaisissables, de teintes, d'images originales qui, non seulement différencient l'Orient de l'Occident, mais en Orient - la civilisation des nomades de la steppe et l'univers des civilisations sédentaires.

Il est difficile de restituer au lecteur européen toute cette richesse d'images et de subtilités, qui justement, se réalisent dans toute leur intensité dans l'oeuvre d'Abaï. La rencontre des Français avec Abaï et la

prise en compte de son rôle de fondateur de la littérature écrite kazakh contemporaine est à la base de l'intérêt qu'ils peuvent développer avec des écrivains et des poètes du Kazakhstan, qui sont les héritiers spirituels et littéraires de célèbre Abaï.

L'intérêt grandissant des lecteurs étrangers envers Abaï et envers Moukhtar Aouézov a stimulé la traduction en français des oeuvres des autres écrivains du Kazakhstan. A la fin des années 50 paraît en France le roman de Gabit Mousrépov "*Le soldat du Kazakhstan*", qui suscite une série de réactions positives de la part des écrivains et des critiques.

Dans les années 60 la traductrice expérimentée Lily Denis se met à traduire en français la trilogie d'Abdèjamil Nourpéïssov "*Sang et sueur*". La première partie du roman "*Le Crépuscule*" parut avec une préface de Youri Kazakov, qui remarque, que: "après Abaï et le très grand écrivain Moukhtar Aouézov, il fallait beaucoup de talent et de hardiesse pour aborder de nouveau le roman historique", - et plus loin il écrivait, - "La France est le premier pays d'Occident, qui va découvrir à la fois l'oeuvre et l'écrivain".

Par l'analyse des nombreux articles critiques qui ont paru dans la presse, suite à la publication de la première partie du roman on peut dire que ce livre a connu un grand succès dans le public français, comme au Kazakhstan. Après la publication des roman qui ont suivi, Tristan Renaud écrivit: "Il est beau de suivre à travers ce roman les premiers frémissements d'une conscience, puis la nécessité de plus en plus impérieuse de donner aux autres leur propre liberté. Mais il est beau surtout de retrouver dans "*La saison des épreuves*" un roman aussi grand que "*Le Crépuscule*".

Un autre critique exprimait son assurance que le lecteur "aimera ce livre pour sa chaleur humaine, son sens de la justice, on sera fasciné par les merveilleuses évocations de la steppe sans limites et des fiers cavaliers qui l'habitent".

Le roman de Nourpéïssov a suscité des remarques enthousiastes de la part de Louis Aragon, d'André Stil et d'autres écrivains renommés.

Il serait juste de dire que le véritable succès de toute oeuvre éditée à l'étranger, dépend beaucoup du talent et du travail plein d'abnégation du traducteur. Sur ce plan nos écrivains ont eu de la chance, car leurs oeuvres ont été traduites en France par des experts de la traduction artistique tels Antoine Vitez, Lily Denis et Léon Robel.

Pour donner suite à la tâche qu'elle s'était fixée de populariser parmi ses compatriotes la littérature du Kazakhstan, Lily Denis a également traduit en français les oeuvres du célèbre écrivain Maurice Simachko, en particulier, ces romans historiques "*Mazdak*", "*Les sables rouges et les sables noirs*", "*La Sémiramide du nord*".

Tout en louant la production artistique de Maurice Simachko, les critiques ont aussi apprécié hautement les qualités et le niveau de la traduction. Dans une des nombreuses critiques qui ont paru sur le roman "*Mazdak*" on peut lire les lignes suivantes: "Il est rare qu'une telle

érudition s'accorde avec cette beauté d'écriture, sans l'alourdir ni la ternir. ... Impossible de dire si tel ou tel détail révèle d'une science étonnante ou d'une imagination juste... A ce niveau, la traduction elle-même exige à la fois érudition et poésie. Ce n'est pas la moindre réussite de Lily Denis”.

Le poète et critique Alain Bosquet a publié dans le journal “*Le Figaro*” une opinion intéressante à propos du roman “*Sémiramide du nord*”, paru en 1992. Caractérisant l'oeuvre de Simachko, Bosquet écrit, que “il ne correspond en rien aux autres romanciers préssoviétiques ou soviétiques proprement dit, comme Gorki ou Cholokhov... On a publié de lui, en traduction française, deux livres superbes qui traduisent cet état d'esprit, plus proche des “*Mille et Une Nuits*” que les diktats de Marx et d'Engels.”.

Pour continuer le renseignement des traducteurs des oeuvres de la littérature contemporaine du Kazakhstan en français ainsi que des critiques les concernant on se doit de noter l'article de la journaliste Anne Philipe, l'épouse du célèbre acteur Gérard Philipe, qui deux fois a séjourné au Kazakhstan et en Asie Centrale, et, ayant fait connaissance avec Abdéjamil Nourpéïssov, Maurice Simachko, Oljas Souléïménov et Tchinguiz Aïtmatov, a publié son reportage, concernant leurs oeuvres dans les pages du journal “*Le Monde*”.

Les lecteurs francophones ont commencé à faire connaissance avec la poésie d'Oljas Souléïménov dans les années 70, quand ses poèmes ont été publiés dans plusieurs revues et ensuite dans le recueil poétique, intitulé “*Mais la poésie...*”.

Dans ce recueil de poésies on peut lire à propos du jeune poète kazakh, dont l'oeuvre se présente comme “Merveilleux alliage de traduction poétique kazakh et de la poésie russe moderne, son oeuvre est aussi passionnante qu'originale.... Modernisme aigu des conceptions et vieille sagesse orientale, pudeur des sentiments et franchise sexuelle, le brillant des paradoxes voilant la profondeur de la pensée, l'humanisme sous couvert d'une féroce ironie...”.

En 1976 paraît le recueil poétique “*Livre de glaise*” et en 1981 - “*Transformation du feu*”. Ces deux recueils ont été traduits par Léon Robel, qui a noté: “Oljas Souléïménov - je n'hésite pas à l'affirmer - un des plus importants poètes d'aujourd'hui....Ce qui frappe dans l'oeuvre de Souléïménov, c'est l'ampleur et la souveraine liberté, à la fois thématique et formelle. Son continent poétique, c'est le monde entier...”

Enfin, le grand poète contemporain Alain Bosquet, donnant son avis sur les oeuvres de Souléïménov, appelle son collègue kazakh “le poète le plus remuant de l'Union Soviétique”,- et précise que,- “il faut entendre par-là, qu'il se comporte en homme qui s'arroge le droit de tout remettre en cause, aussi bien les rapports du communisme avec le Coran que la structure sociale ou la constitution même du langage poétique....”

Oljas Souléïménov est géologue de métier. Il a des réflexions de spécialiste, qui compte par strates et par millions d'années: la vie lui

apparaît comme un phénomène que le réalisme socialiste ne suffit pas à contenir....

La grande originalité d'Oljas Souléiménov est dans l'alliance qu'il veut réaliser entre l'Asie mythique et l'Europe d'aujourd'hui. Il peut parler des troupeaux de yaks, de la toundra, de Genguiz khan, mais également dans le même souffle, citer Marx, Lénine, Sartre ou vanter les "vertus explosives du jazz."

Les jugements cités ici montrent à l'évidence que la poésie d'Oljas Souléiménov, ainsi que les romans historiques de Maurice Simachko ont définitivement détruit les stéréotypes sur la production sans saveur du "réalisme socialiste" dans la littérature soviétique.

En nous permettant une petite digression lyrique, on peut noter par les diverses opinions sur l'oeuvre des écrivains précédents, nous pouvons compter sur l'esprit lumineux et analytique, et la compréhension du lecteur moderne, qui fera, sans doute, la correction en ce qui concerne le temps et les circonstances de cette période.

Ainsi en prenant en considération le fait que les oeuvres de Mousrépov, d'Aouézov et d'autres écrivains ont été élaborées au plus fort du développement de la société socialiste, il est tout à fait évident, qu'ils *ne pouvaient être officiellement présentés par la critique soviétique* autrement que comme des manifestations de triomphe de la méthode de réalisme socialiste, et cette présentation officielle d'une façon ou d'une autre s'est reflétée dans la critique étrangère.

La plupart des grands maîtres de la littérature et de la culture ont emprunté mécaniquement ou ont partagé sincèrement les recherches spirituelles ou idéologiques de leur temps; ils ont laissé des notes qui pour certains ont perdu de leur actualité, on peut les considérer uniquement comme documents d'époque. Cependant, nous n'avons ni le droit de les corriger, ni de les cacher avec honte derrière des points de suspension. Nous avons traduit ces phrases, en voulant démontrer à l'évidence que cette méthode pouvait susciter de la sympathie, mais qu'elle n'avait jamais été cultivé. La plupart des articles étrangers témoignent: ce sont les oeuvres elles-mêmes et les auteurs qui présentaient pour des lecteurs et des critiques la plus grande valeur. leurs aspirations humanistes, leurs spiritualité, et non pas l'idéologie qu'elles contenaient.

Pour revenir à notre propos, nous concluons, en disant que les traductions des oeuvres et les articles critiques des auteurs français, au commencement des années 50 et jusqu'à nos jours, présentent en France et dans les pays francophones, une panorama de la littérature moderne du Kazakhstan, en traçant ses étapes essentielles, ses oeuvres les plus connues et ses représentants les plus illustres: Moukhtar Aouézov, Abdéjamil Nourpéissov, Maurice Simachko et Oljas Souléiménov.

En même temps, ayant une image juste du développement de la littérature moderne du Kazakhstan, le lecteur français continue à attendre

sa rencontre avec l'oeuvre d'Abai. Son intérêt pour celui-ci augmente de nos jours, alors que justement les relations entre nos deux pays s'animent tant dans le domaine culturel et littéraire, que politique et économique.

A l'autre côté, la célébration internationale de l'anniversaire du poète kazakh en France est une manifestation supplémentaire de l'amitié grandissante entre les deux peuples. En prenant en considération le fait, que le nom d'Abai pendant la période de préparation et de la célébration de la fête, sera prononcé plusieurs fois parmi l'auditoire français, on peut dire que le lecteur français est déjà bien préparé pour ressentir dans toute sa profondeur l'oeuvre d'Abai.

C'est ainsi, que nous avons reçue la grande nouvelle et juissante dans le domaine des relations littéraires. Répondant aux exigences de la réalité actuelle, le publiciste kazakh, le poète et traducteur Galimjan Moukanov s'est attelé avec courage à la tâche de traduire en français "*Réflexions en prose*" et les poèmes "*Iskander*" et "*Masgoud*" d'Abai. Ce fait a une importance considérable, puisque Moukanov a traduit directement de la langue originale, sans passer par l'intermédiaire de la traduction russe, comme on le fait d'habitude à l'étranger pour la littérature kazakh.

Soulignons encore que notre lecteur se souvient du poème de Claire Clermont "*Vladimir et Zara*" sur la vie des Kazakh, créé en 1836. Cet oeuvre unique s'est largement répandue dans les milieux de notre pays grâce aux recherches infatigables de l'académicienne Chamchia Satpaeva et du travail de traduction de Galimjan Moukanov. Il fut publié à Almaty en 1990 en kazakh.

Les lecteurs et les critiques qui ont chaleureusement accueilli ce poème, saluaient aussi avec un grand intérêt l'édition des oeuvres d'Abai en français.

Publié récemment, ce livre a déjà reçu un certain nombre d'opinions positives dans la presse kazakhstanaise; nous espérons que ce travail sera aussi bien apprécié par les lecteurs francophones. Poursuivant les tâches très concrètes du présent recueil, nous y avons mis une préface du livre d'Abai, écrite par Madeleine et Albert Fichler.

Le recueil se termine par l'article de Christian Vicenty, qui a répondu avec enthousiasme à notre proposition d'écrire un court essai sur sa perception de l'oeuvre d'Abai. Dans ses réflexions l'auteur énonce ses pensées et les associations intéressantes, qui lui évoque la lecture d'Abai. Il y expose également la haute idée qu'il se fait du service de l'état et du devoir de citoyen. De plus, il propose au jugement des lecteurs sa version des poèmes d'Abai, intitulés "*L'été*" et "*La chasse*". De cette façon, il est symbolique de constater, que le recueil, consacré à l'anniversaire d'Abai, se termine par des poésies, à la fin desquelles on pourrait s'exclamer, comme les époux Fichler: "Allons lire Abai!".

Enfin, avant de donner la parole aux auteurs français, il est important de dire quelques mots sur le fait, que pendant le travail, effectué sur ce livre, nous avons eu devant nous pour modèle le recueil

remarquable, intitulé "La littérature kazakh à travers la critique étrangère" (Kazakhskaya literatura v ozsenkah zaroubejnoï kritiki), signé par Ch. Satpaéva et O. Moussinov et édité à Almaty en 1971.

Ce recueil était unique par son contenu, et en fait pour la première fois a démontré avec quelle amplitude était reçue la littérature kazakh dans les pays occidentaux. Il a véritablement assis la reconnaissance internationale des oeuvres de la littérature kazakh et nous a fait connaître "ce travail remarquable, qui était fait et se fait dans les autres pays sur la popularisation de la littérature kazakh et sur le renforcement de ses relations mondiales".

Donc, notre recueil est en quelque sorte la suite, mais ses prétentions sont plus modestes; le corpus des documents rassemblés est limité uniquement aux pays francophones. En même temps la récolte des matériaux a permis de découvrir une grande quantité de documents littéraires, à tel point que nous avons été obligé de renoncer à tous ces articles sur l'oeuvre d'Aouézov, de Nourpéissov et de Mousrépov, qui étaient déjà traduits et publiés dans le recueil cité ci-dessus; on n'a laissé que les articles originaux les plus importants dans la partie française du livre.

Dans la partie russe, l'exception a été fait pour l'article d'Armand Gatti, traduit en partie dans le recueil de 1971 par R. Ousvyatseva et proposé en traduction complète par l'auteur de ces lignes, ainsi que pour l'avant-propos de Louis Aragon à l'édition du roman "Abai", dont une petite partie, fondamentale toutefois, avait déjà été traduite par O. Vichnevskaya et R. Ousvyatseva, dans le présent recueil cet avant-propos est reproduit intégralement. En outre, sont présentés deux ou trois traductions d'articles sur Simachko, qui auparavant n'avait paru que dans la presse. La plupart des critiques sur les oeuvres de M. Aouézov, A. Nourpéissov, M. Simachko et l'ensemble des articles sur O. Souléïmenov sont publiées en russe pour la première fois.

En général, le matériau journalistique a bien sûr le côté positif de la simultanéité, de l'actualité, de la réaction directe des lecteurs; en même temps son côté négatif est la courte durée de l'information et la superficialité relative de la réception de l'auditoire. C'est bien dommage, car souvent le matériau des périodiques contient des pensées profondes, des observations fines et des jugements incisifs, surtout quand ils sont signés de la plume des maîtres du mot.

Donc, ce recueil-ci a pour but de ressusciter un grand nombre de documents intéressants, d'élargir l'audience des lecteurs en France, ce qui suppose bien sûr, aussi des pays francophones. En même temps, à travers les traductions en russe, faire connaissance des critiques des années passées au public de notre pays.

De tels témoignages de l'intérêt pour la littérature et la culture du Kazakhstan en Europe sont toujours d'actualité, mais pas uniquement en cette année de commémoration. Ces liens entre les littératures et les

peuples de différents pays du monde entier deviennent une condition nécessaire pour l'épanouissement moral et spirituel de toute l'humanité.

Margarita MADANOVA

ABAÏ ET AOUÉSOV

*Qu'y a-t-il au monde de
plus fort que les mots?*
Abai

Au commencement était le Verbe... Et puis Malherbe vint...

Voilà le type même d'expressions bien connues que l'on pourrait appliquer à cet Abaï Kounanbaév (1845-1904) qui ouvre la littérature kazakhe et lui donne, dès sa naissance, ses plus belles lettres de noblesse. Hélas! ses oeuvres traduites en français tardent toujours à paraître aux Editions du Progrès à Moscou. En attendant, nous avons, Dieu merci, "*La jeunesse d'Abai*" et "*Le chemin d'Abai*" par Moukhtar Aouézov (1897-1961) qui, mi-historiques mi-romances, suffisent à nous faire comprendre et admirer cette sorte d'Abaïsme national qui règne dans tout le Kazakhstan. Dans la capitale Alma-Ata, il n'est que de voir l'Opéra Abaï et la statue d'Abai pour se dire: heureux le poète qui a su incarner la conscience d'un peuple et heureux ce peuple qui glorifie si ostensiblement son poète!

Il est vrai que depuis toujours ce peuple immense d'entre la Caspienne et l'Irtych s'est complu à la magie de ses akyns, ces bardes à la fois autodidactes, nomades et improvisateurs. Encore bien vivantes aujourd'hui sont les joutes poétiques qu'accompagne la dombra, l'instrument à cordes le plus populaire. Moi qui, dans le Sud, ai visité le musée-tombeau de Djamboul (1846-1945), puis la maison-musée d'Aouézov, moi qui ai eu la chance de découvrir en avion, en auto, en barque-même, la steppe et la montagne autour de Kokchétav, dans le Nord, je me sens relativement mieux préparé que quiconque ici à entrer dans les efforts et dans le décor d'Abai comme de ses émules.

D'Aouézov, qu'est-ce que je connais? Sa fille, sa maison, sa pièce *Aiman-Cholpan* que j'ai vue en août 1970 au Théâtre dramatique kazakh, *La vengeance de Bakhtigoul* qui a été son dernier récit (publié en français dans *Oeuvres et Opinions* de septembre 1961), *La jeunesse d'Abai* et *Abai* publiés par Gallimard dans la collection "*Littératures soviétiques*" d'Aragon en 1958 et 1960, sa brève autobiographie qui précède *La vengeance de Bakhtigoul* et qui est sans doute à peu près celle que j'ai pu lire dans le numéro d'octobre-novembre 1957 de la revue *Europe*. C'est peu quand on pense aux nombreuses oeuvres théâtrales d'Aouézov, à tous ses contes, à ses romans sur la période de son pays en marche vers le socialisme. Et c'est encore peu quand on pense en outre à sa vie multiple, à ses titres et à ses grades, lui, qui fut auteur, traducteur et historien, membre de l'Académie des sciences de Tachkent, professeur de l'Université d'Alma-Ata, député au Soviet Suprême de la

République, membre du Présidium de l'Union des écrivains soviétiques, lauréat du Prix Lénine et du Prix d'Etat.

Mais –encore que j'aurais beaucoup à dire sur l'émouvant musée Aouèzov visité en compagnie de sa propre fille et de la fille de l'écrivain Moustafine toujours vivant, sur l'atmosphère du théâtre kazakh où s'établit la connivence la plus chaleureuse entre la scène et le public, sur l'action de Bakhtigoul préludant aux événements de la veille de la Révolution– c'est au roman-épopée d'Abai que je veux m'attacher pour l'instant. Non sans avoir précisé que son auteur, issu du clan d'où sortait son héros, avait appris à lire avec les poèmes d'Abai avant d'aller beaucoup plus tard à l'Université de Leningrad, ce qui explique sa double appartenance russe et kazakhe, sa double ferveur slave et orientale. Et sans oublier ceci, anecdotiquement: son buste que m'a offert l'Union des écrivains du Kazakhstan, orne le bureau où je compose ces quelques propos sur un Moyen Age relativement proche et sur un cycle romanesque qui pourrait bien être pour le Kazakhstan moderne ce que furent pour maint peuples les plus illustres épopées d'autrefois.

“En ce temps-là, il y a environ un siècle, en pleine Asie centrale, un enfant de la steppe kazakhe, sorte de Wilhelm Meister ou de Till Eulenspiegel, mais plus profondément original, découvrit son peuple et lui offrit le langage de sa libération”. C'est de cette manière que j'aurais pu commencer le résumé de cette histoire racontant les années d'apprentissage d'un homme (d'un homme socialiste, pourrais-je ajouter, et d'un poète). Mais je pouvais également, dès l'abord, répéter les paroles d'Aragon: “Abai est, à mon sens, l'une des plus hautes oeuvres du vingtième siècle... Il ne suffit pas de dire qu'elle s'inscrit au premier rang des littératures soviétiques, on cherche assez vainement dans le reste du monde des oeuvres à lui comparer... Aux heures où les sociétés changent, il y a ainsi de grands livres, comme fut *Don Quichotte* au déclin du monde féodal, comme *Robinson Crusoé* quand la suprématie économique anglaise prit la forme mondiale... A cette heure, je ne sais vraiment quel équivalent chercher à notre petit cap de l'Europe. “Et je pourrais maintenant m'en aller comme La Fontaine claironnant à tous les échos: “Avez-vous lu Baruch?” Ou vous interroger plus directement “Saviez-vous que, dans cette littérature multinationale que vous méconnaissez ou dont vous n'écrivez parfois que du mal, il existait en langue kazakhe, au moins ce chef-d'oeuvre-là aux visages, aux images, aux paysages gigantesques, né dans le Sturm und Drang et se prolongeant loin dans la nuit et dans le jour?”

Puisqu'il me faut malheureusement être sommaire, contentons-nous d'esquisser les thèmes fondamentaux de ce roman-fleuve qui charrie prose et poésie, histoire et géographie, idylles et violences, études ethnographiques et folkloriques; où se mêlent scènes de chasse

et de bataille, rapt de troupeaux et jeunes filles, banquets d'hyménées et de funérailles; luttés contre les hommes et contre la nature; défis homériques et tournois de musique; où la véritable éloquence judiciaire succède aux palabres interminables, où le printemps succède au vent et à la neige; où les aouls, ces villages itinérants, déplacent sans cesse leurs yourtes des pâturages d'été aux hivernages (car c'est encore l'époque du nomadisme et de la transhumance); où alternent la vie pastorale et la guerre des clans – guerre des baïs (gros propriétaires ou riches marchands) dont l'appétit de puissance s'exerce, bien entendu, sur le dos du peuple.

L'aga-sultan, ou chef de la région des monts Tchinguis qui voit se dérouler grands et petits drames, est le redoutable Kounanbaï. Tous les moyens lui sont bons pour asseoir son omnipotence sur les siens, les clans alliés ou les clans adverses. Musulman, polygame, il ne lui manque que la charité, ou pour mieux dire, il lui manque ce qu'il y a de plus important au monde: le respect de l'homme. Jamais de sa vie il ne déclarà: je pardonne. ("L'homme, oserait-il rétorquer, est l'esclave de Dieu; un esclave peut-il être sans défaut?"). Même à la fin de sa vie, lorsqu'il sera revenu de son pèlerinage à La Mecque et atteindra une pseudo-sainteté sénile, lui qui n'a jamais suivi le chemin de Dieu, mais uniquement le sien, s'entendra reprocher de façon saisissante qu'il a Dieu sur les lèvres, mais du sang sur les mains.

Un seul de ses fils ne lui ressemblera pas: Ibrahim, qui sera humaniste indépendant et un démocrate grandissant (Ibrahim étant le nom musulman d'Abai et Abai, le nom de tendresse que lui a donné sa mère). Dans l'éternel, donc toujours actuel combat entre les faucons et les colombes, celui-ci est né colombe: en d'autres termes, il ne sera jamais solidaire de ceux qui, corbeaux ou chacals, plument le peuple et lui sucent le sang. Outre sa bonté foncière, il va, en effet, acquérir peu à peu le sens de la justice par une lente et souvent douloureuse prise de conscience – prise de conscience qui, de sentimentale, se fera politique, puis sociale. Cela s'éclaircira notamment sous l'influence d'un exilé russe antitsariste à Sémipalatinsk, Mikhaïlov, lequel lui communiquera surtout la pensée de Tchernychevski, lui apprenant, par exemple, la différence entre l'inutile terrorisme individuel et l'action révolutionnaire qui doit être d'essence prolétarienne et communiste. Sans l'instruction, comprendra-t-il de mieux en mieux au fur et à mesure que deviendra plus ferme son combat contre l'absolutisme, le soulèvement populaire se transformerait en révolte, non en révolution.

Par ailleurs, se greffant sur ses dons innés d'akyn kazakh, c'est-à-dire de poète populaire oral, la lecture de Pouchkine hissera Abai jusqu'à la grande poésie, puis à l'écriture. Pour lui, et dans l'optique d'Aouezov lui-même sûrement, c'est par la pratique de la langue russe, des poètes

et des penseurs russes, que le Kazakh pourra s'échapper de la féodalité et participer au concert universel des nations. A ses yeux, il était indiscutable que son temps exigeait qu'on ne s'enfermât pas dans le petit monde de la steppe. En élargissant sa connaissance de la littérature russe, Abaï réfléchissait et concluait que tout était semblable: "Des hommes différents, parlant des langues différentes, habitant loin les uns des autres, agissaient de la même façon, comme des frères, pour se défendre contre l'injustice, pour se venger des offenses trop amères. Des hommes différents, des peuples différents rejetaient également la contrainte et l'injustice. Ce n'étaient pas les caractères de clans, d'appartenance à telle ou telle race ou tribu qui conduisaient les hommes. La même colère avait partout la même cause: le joug de l'oppression". – "Nous avons besoin, se répétait-il, d'un art qui lutte contre la vie sombre et routinière de la steppe, qui donne des forces aux hommes courageux". Selon lui, la vérité de l'art devait s'unir à la cruelle vérité de la vie. Et il allait jusqu'à dire de la Bibliothèque Gogol de Sémipalatinsk: "Voici l'endroit le plus précieux de la ville". Il était vraiment persuadé que d'une nouvelle éducation devait sortir un homme nouveau. Le roman russe, poussant en lui de profondes racines, lui donnerait des fruits de pureté et d'humanité. Déjà, bien auparavant, se rappelant qu'un rusé Kazakh lui avait dit qu'un mot peu transpercer les entrailles d'un homme, il lui avait semblé qu'il venait de découvrir la grande force qui pouvait ébranler le monde. Et que de monde se heurtaient dans l'étroit Karkaralinsk! pensait-il déjà alors. "L'un était le pouvoir, l'autre l'art, le troisième le coeur... Que se passerait-il si ces hommes s'assemblaient et agissaient ensemble?" Puissance, gloire et dignité ne pouvaient-elles coexister? Par son cheminement spirituel et par de nombreux actes de justice et de révolte qu'il est impossible d'évoquer en si peu de place, Abaï: conduit à la foi révolutionnaire, devient ainsi de moins en moins le fil de son père, devient de plus en plus le fils de son peuple.

Il faut noter que, comme chez Gorki, sa grand-mère, sensible et douce aux besoins du peuple, lui avait fourni un mode de vraie noblesse. "C'est une bonne chose, mon fils, lui avait un jour confié sa grand-peine à propos de la fonction de livres. Il y a beaucoup de gens sur terre qui ne pensent à rien d'autre qu'à manger et dormir. Ils s'agitent toute leur vie pour rien et restent des fainéants à la tête vide. Ne leur ressemble pas, ne quitte pas ces pages pleines de sagesse!" A sa grande mère mourante, lui-même ne pourra s'empêcher de laisser un touchant adieu suprême. "Tout ce qu'il y a de meilleur, de plus pur en mon coeur est pour toi, sainte mère".

Une autre femme – peut être parce qu'elle ne deviendra jamais sa femme – jouera un rôle important dans sa vie. Togjane Nouvelle Laure, nouvelle Beatrice, elle le fera monter d'épreuve en épreuve aux sommets de la plus haute souffrance comme de l'amour le plus sublime. Cette passion de deux êtres que le destin finira par rendre coupable,

forme un incomparable chant interrompu et continu qui équilibre plus d'une fois le monde sordide et sanglant des clans. La grand-mère étant l'incarnation de la sagesse togjane, elle sera l'incarnation de la beauté et le rêve de toute sa vie. (Sur un plan non moins admirable se situe son amitié avec Erbol.)

En somme, le chemin d'Abai apparaît essentiellement double: vers la justice, vers le peuple, et vers les paroles qui aident à faire tomber les chaînes. Rempli d'amour, il brise deux chaînes: celle du féodalisme et celle de l'âme. Ne pouvant se taire devant la violence et l'arbitraire, il a compris qu'un homme sincère montre sa dignité dans le respect qu'il porte aux autres et que ce n'est pas le pouvoir qui fait la dignité de l'homme, le pouvoir ne servant trop souvent qu'à corrompre l'homme et la corruption étant le plus grave des péchés. Il me paraît hautement significatif que tout un peuple se sente tellement symbolisé par un pareil héros, surtout lorsqu'on en voit d'autres adopter d'autres dieux dans leurs romans ou dans leurs films. "Notre peuple dit: ne croit pas en la force, mais en justice, ne te soumets pas à l'indignité, reste de coté du droit, même s'il doit t'en coûter la tête". Et il dit encore: "Il y a une force qui dépasse celle des armes et celle des ordres, c'est la force de l'honneur". Et nous revoilà aux côtés d'Antigone et de quelques autres, n'est-il pas vrai?

Je renonce à citer tant de pages d'anthologie: la première rencontre d'Abai et de Togjane, l'hymne à la vie triomphante, par exemple, pour ne rien dire de tant de pages documentaires sur les rites ancestraux ou de tant d'images dont L'Orient seul semble avoir le secret. Comme c'est la coutume là-bas, le récit est émaillé de mille proverbes, tel celui-ci: "Le chameau fait ses preuves dans le désert, l'homme courageux dans l'adversité". Si l'on voulait, on pourrait en extraire tout un recueil de maximes comme on l'a fait pour le petit *Livre rouge* de Mao: "Ceux qui cherchent le mai ne le cherchent pas par excès d'esprit". -"Apprenez dans ce seul dessein: devenir un homme"- "Apprenez pour être utiles à votre pays, pour être défenseurs de votre peuple". Nous devons servir l'art, mais seulement l'art authentique, l'art élevé, celui qui montre l'avenir". "Comment pouvez-vous croire qu'un seul sentier étroit mène à la science?"

A travers tout ce livre-clé d'initiation à l'humanisme, c'est la connaissance par le livre qui triomphe au total. Contrairement à ce que pensent les mollahs dans ce pays soumis à l'influence musulmane (les gestes et les termes musulmans sont fréquents dans le livre), non, ce n'est pas un péché que de s'instruire à l'arbre de la science! "Depuis le temps d'Adam, tout ce que les peuples ont fait de meilleur est devenu le bien commun". "Le chemin de toute pensée humaine qui s'éveille était ouvert devant le peuple kazakh: instruction". -"Les biens les plus précieuses pour le peuple et pour moi sont le savoir et la lumière, et les Russes les possèdent". "Grâce aux livres russes, je me suis éloigné des fondements séculaires de cette vie qui nous entoure".

Et il est vrai que si le livre est le compagnon le plus constant d'Abai, son confident le plus sûr et si la chanson lui semble ce que l'homme peut créer de plus beau, il est non moins vrai que c'est en le faisant évoluer qu'on est le plus fidèle à l'esprit des aïeux. Un homme nouveau ne peut l'être qu'à condition de rompre avec les vieilles traditions pour en créer de nouvelles qui aillent dans le sens du progrès. A nouveau temps nouvelles mœurs et à la société nouvelle justice nouvelle.

Ainsi Abai chanta à la jeune génération ce qui était devenu la raison de son existence: la beauté qui élève les âmes, force à méditer, à sentir sincèrement.

Georges Bouillon.
J'ai vu l'aurore se lever sur le Kazakhstan
Edition de la Dryade; Vieux-Virton,
1974, p.225-231.

* * *

POUR LE 60ème ANNIVERSAIRE D'AOUEZOV

Le 28 septembre 1897, dans un aoul des Kazakhs nomades de la région de Sémipalatinsk, naissait celui qui devint l'écrivain kazakh Moukhtar Aouézov. Les *Lettres françaises* publient le télégramme adressé par leur directeur à celui qu'au Congrès des Ecrivains à Moscou, en 1954, Mikhaïl Cholokhov désignait comme l'un des plus grands écrivains soviétiques. Elles s'associent à son message et souhaitent longue vie à l'auteur d'Abai.

Moukhtar AOUEZOV – ALMA-ATA. KAZAKHSTAN

SOUHAITS CORDIAUX POUR SOIXANTIEME ANNIVERSAIRE
STOP SUIIS HEUREUX. A CETTE OCCASION VOUS ANNONCER
PUBLICATION PROCHAINE PARIS PREMIERE PARTIE D'ABAI SOUS
TITRE JEUNESSE D'ABAI TRADUIT SOUS MA REDACTION AVEC
PREFACE STOP PLUSIEURS MOIS INTIMITE VOTRE OEUVRE ONT
AUGMENTE MON ADMIRATION POUR VOUS.

ARAGON
Les lettres françaises. 1957, 26 sept.-2 oct.,
N° 689, p.1

PREAMBULE

Abai, de Moukhtar Aouézov, est la première oeuvre kazakh traduite en français. On vient de célébrer le soixantième anniversaire de son auteur, membre actif de l'Académie des Sciences du Kazakhstan, dramaturge, romancier et historien de la littérature, professeur à l'Université d'Alma-Ata.

Abai, héros du roman, est un personnage réel, Abai Kounanbaev (1845-1904), fondateur de la littérature kazakh écrite, akyne, c'est à dire barde improvisateur, devenu poète au sens moderne du terme, fils de Kounanbaï, atkaminer, du clan Irguisbaï dans la tribu des Tobykty, agasultan du district de Karkaralinsk en 1957-58. L'auteur du roman, Moukhtar Aouézov, est né dans la même tribu en 1897, et comme Abai (déformation du prénom musulman d'Ibrahim, due à sa mère Ouljane, Abai signifiant en kazakh prudent, réfléchi), portait un nom de famille tiré du nom de son père (Kounanbaï, Kounanbaev), Mouhtar Aouézov doit son nom de famille à son grand-père, Aouez, qui fut un ami et un admirateur d'Abai Kounanbaev.

Il est sans doute nécessaire au lecteur français d'avoir quelques données sur le pays kazakh et les moeurs de ses habitants pour entrer plus aisément dans le roman d'Aouézov. La scène est en Asie Centrale, dans cette part de l'actuelle République du Kazakhstan, au sud de la Sibérie occidentale, où, du temps d'Abai comme dans l'enfance de Moukhtar Aouézov, les Tobykty auxquels ils appartenaient, étaient une tribu nomade musulmane, soumise à un régime patriarcho-féodal, où régnait la polygamie. Le territoire des Tobykty s'étendait dans ce qui est aujourd'hui la région de Sémipalatinsk, sur les Monts Tchiguis et la steppe qui est située au nord de cette chaîne montagneuse, avec, pour centre administratif dans la jeunesse d'Abai, la ville de Karkaralinsk, et plus tard Sémipalatinsk même.

Le peuple kazakh était un peuple nomade, formé en trois hordes, la Horde Majeure, la Horde du Milieu, et la Horde Cadette, elles-mêmes constituées par des tribus, subdivisées en clans.

Les Tobykty étaient la plus importante des tribus de la horde appelée la Horde du Milieu. Dans la chaîne des Tchinguïs et la steppe qui s'étend au nord de ces montagnes, au début de la seconde moitié du dix-neuvième siècle, à l'époque où débute le roman, ils se trouvaient voisiner au nord avec la tribu des Ouak, à l'ouest avec celle des Karakéssek, à l'est avec celle des Sybane, et avec celle des Kéréï au sud. Les Tobykty avaient de plus lointains rapports avec les tribus Mamaï, Naïmane, etc.

Les tribus se divisaient en clans. Les Tobykty formaient le clan Irguisbaï, Jiguitek, Bokenchi, Torgaï, Topaï, Karabatyr, Kokché, Tontai, Jouantaiak, Anet, Kotibak, etc...

Chaque clan était formé d'un certain nombre d'aouls, les aouls étant des villages nomades formés eux-mêmes de yourtes (tentes). A vrai dire, les aouls, se déplaçant avec les saisons, avaient des emplacements fixes pour chacune d'entre elles: mais l'emplacement d'hiver ou kstaou comportait des constructions permanentes de bois ou d'argile que l'on abandonnait dans les autres saisons, les laissant à la garde d'un certain nombre de jatak, parents pauvres ou ouvriers agricoles, qui ne se déplaçaient pas avec l'aoul. Entre kstaou d'hiver et le jaïliaou ou emplacement d'été, la transhumance se faisait en passant par les pâturages de printemps (kaktéou) et les pâturages d'automne (kouzéou). Ces emplacements désignés d'un commun accord par les doyens des clans, sous l'autorité du doyen de la tribu ou de l'aga-sultan, étaient le constant objet de convoitises et des querelles entre les aouls et les clans. Ces querelles étaient souvent réglées par la force. Il n'était pas rare non plus que leurs territoires fussent l'objet de contestations entre les tribus voisines.

Mais demeurons pour l'instant au niveau de l'aoul.

Pour expliquer ce qu'est l'aoul, je me permets de transcrire à peu près deux notes que l'auteur d'Abai pour l'une, et son traducteur russe pour la seconde, ont placées en bas de la page dans le cours du roman et qui me semblent, pour l'édition française, avoir mieux leur place ici.

L'aoul est un groupe de yourtes, réunies pour des raisons de famille et de vie en commun. Nous avons vu comment il a ses emplacements saisonniers. Le chef de l'aoul ou aksakal (barbe blanche) était un homme à son aise, doyen ou bai (c'est-à-dire gros propriétaire) et l'aoul portait son nom. Sa "grande yourte" s'établissait à la limite de l'aoul, derrière elle, en arc, se disposaient les otaou ("jeunes yourtes") des fils mariés puis celles des parents les plus proches, des "yourtes d'hôtes" spécialement destinées aux voyageurs, et, au-delà, les "yourtes de voisins". le mot voisin désignant les employés et domestiques de l'aoul et leurs familles. A cette extrémité distale de l'aoul, on disposait l'enclos ouvert pour les moutons (kotane), le lieu d'attache des poulains ou jéli, les yourtes pour la préparation des fromages, etc. Fils et proches parents se déplaçaient avec l'aksakal tant que le cheptel ne dépassait point la quantité fixée à partir de laquelle l'abreuvoir commun, l'abattoir, etc., et le déplacement du bétail, devenaient incommodes. C'est ainsi qu'un seul troupeau ne pouvait dépasser le nombre de mille moutons.

Au delà de la limite prévue, des membres de la famille se séparaient du "Grand aoul" du père, avec leur bétail, leurs yourtes et leurs "voisins", pour constituer un aoul indépendant, se déplaçant et hivernant à part, mais en général dans le voisinage de l'aoul paternel.

Tout le travail de l'aoul était le fait des "voisins", parents pauvres ou ouvriers agricoles embauchés, qui recévaient un salaire en nature, lait, laine, tête de bétail à abattre. C'étaient des gardiens de chevaux, des pâtres et bergers, des trayeurs, des cuisiniers, des porteurs d'eau, etc.

Lors des migrations saisonnières, les yourtes de l'aoul se transportaient diversement, à dos de chameaux ou sur des chevaux de bât. Monter une yourte demandait plusieurs heures. Le montage débutait par la pose en cercle d'éléments de soutènement en grillage, appelés kérégué. Puis on y fixait de longues perches courbes, appelées ouyk, s'unissant en une coupole maintenue au sommet par un anneau, le chanrak. Sur cette carcasse, avec des cordes de renforcement, on appliquait soit de simples feutres, ou bien de riches feutres blancs, parfois décorés d'application de drap de couleur. La dimension de la yourte dépendait de la dimension et du nombre de soutènements (kérégué). La plus petite espèce de yourte avait trois kérégué, les yourtes riches six ou huit. Parfois à l'occasion d'une célébration (mariage, visite d'un chef, élections) on montait deux ou trois yourtes ensemble; alors, pour le passage intérieur, on enlevait une partie des kérégué, en formant un arc.

Ajoutons que la polygamie étant la règle chez les Kazakhs nomades, il pouvait arriver que les aouls fussent ceux, non de l'aksakal, mais de l'une de ses femmes précédentes ou "épouses aînées". L'aksakal vivant alors dans son aoul avec un femme cadette (tokal).

Aux rivalités de tribus, de clans et d'aouls, venaient s'ajouter dans un même aoul ou des aouls parents les rivalités créées par la concurrence entre les femmes d'un même époux, et leurs enfants. Cela est si vrai qu'on appelait l'une par rapport à l'autre les femmes d'un même homme "épouses rivales".

Les aouls forment le clan, constitué de familles alliées, de leurs serviteurs et employés, et parfois d'étrangers adoptés, qui peuvent être frères d'élection d'un aksakal, par exemple. Les chefs d'aoul reconnaissent l'un d'entre eux comme chef de clan ou atkaminer.

Mais pour tout un district, parmi les chefs de clan, est choisi un chef de département, qui est confirmé dans son emploi par le général-gouverneur ou fonctionnaire russe de la ville d'où dépend administrativement le district. C'est ainsi que le chef du clan Irguizbaï des Tobykty, l'atkaminer Kounanbaï, père d'Abai, fut élu aga-sultan du district de Karkaralinsk en 1857, et le demeura les années 1857 et 1858.

L'aga-sultan est secondé par un "intendant cantonal", exécuteur de ses ordres pour la tribu. Pendant l'aga-sultanat de Kounanbaï, celui-ci s'était choisi comme intendant cantonal des Tobykty son demi-frère Maïbassar. Par la suite, il devait lui-même assurer ces fonctions et les repasser à son second fils, Takéjane.

Le roman de Moukhtar Aouézov a pour centre la vie des Tobykty, et parmi eux du clan Irguizbaï, qui porte le nom de son ancêtre, et est le plus riche et le plus puissant des clans de la tribu des Tobykty. On y voit figurer d'autre part des personnages appartenant surtout aux clans

Jiguitek, Bokenčni, Borsak, Topaï, Jouantaïak, Kokché, Bochane et Kötibak. Nous avons pensé qu'un tableau des personnages d'après les clans et les familles aiderait à la lecture du livre, et on le trouvera séparément après cette introduction de caractère générale. En fin du volume, indépendamment des explications données ici, à titre d'aide-mémoire, un lexique des principaux mots kazakhs, arabes ou mongols qu'on peut y rencontrer.

Sans doute le lecteur français apprendra-t-il avec quelque surprise que dans les années 80 et 90 du siècle passé, dans les steppes et les montagnes d'Asie Centrale, jusqu'aux confins du Pamir d'un côté et du Caucase de l'autre, les populations nomades écoutaient leurs bardes, hommes et femmes, qui en plus des poèmes traditionnels de leur peuple, de leurs improvisations et des romans et épopées en vers des grands poètes ouzbeks, tadjiks, persans et arabes, leur racontaient, dans une version kazakh, notamment une histoire qui s'appelait *Le Français boiteux*, en réalité une transposition du *Diable boiteux* d'Alain-René Le Sage. De même, sous le nom du *Roi Henri de Navarre*, une version de *La Reine Margot* alternait dans les Monts Tchinguis, à Sémirétchié ou à Karkaralinsk, avec *Les Trois Mousquetaires*, *Eugène Oniéguine* et les romans de la prairie de Mayne Reid ou Fenimore Cooper.

Tout cela était l'oeuvre d'Abai Kounanbaev que transmettaient ses disciples à ce peuple primitif, encore formé en clans et tribus, la proie de divisions infinies, attisées par les représentants des Tzars qui pratiquaient la politique du *Diviser pour régner*, où la cupidité des chefs s'ajoutait à la colonisation étrangère pour faire payer aux plus pauvres les frais de leur domination. Fils lui-même de l'un de ces tyranneaux, formé d'abord à l'école musulmane, mais surtout influencé par la sagesse de sa mère, Ouljane, et de sa grand-mère, Zéré, puis entraîné par le goût de la poésie, le désir de connaître, Abai avait cherché auprès des Russes l'enseignement qu'il ne pouvait trouver ailleurs. *La Jeunesse d'Abai* qui est la première partie du roman de Moukhtar Aouézov, que nous publions aujourd'hui, ne dépasse pas cette période, c'est-à-dire quelques mois après la naissance de son troisième enfant, son second fils, Abdрахмане, qui est de l'été 1868 (il devait mourir de la tuberculose à l'âge de vingt-sept ans en 1895, lieutenant dans l'artillerie russe). Le livre commence au retour de la médresse de Karkaralinsk, d'où Kounanbaï rappelle son fils à son campement de printemps, où vivent alors la mère d'Abai, Ouljane, deuxième femme de Kounanbaï et sa "rivale", la troisième épouse, Aïguiz. Nous sommes alors en 1857, Kounanbaï vient d'être nommé aga-sultan et Abai, sortant de cinq années d'école musulmane, a tout juste douze ans. Nous l'accompagnerons donc cette fois de 1857 à 1868, de douze à vingt-trois ans, dans un véritable "roman d'apprentissage", dont le héros n'est ni le *Jouvencel* du Sire de Buell, formé pour être un chevalier des guerres d'Italie, ni le *Wilhelm Meister* de Goethe, qui doit devenir une de ces *Pléiades* dont parle

Gobineau, un des *happy few* stendhaliens, mais le poète qui puisera dans le monde entier de la poésie les armes de l'affranchissement de son peuple nomade, qui va apprendre notamment au contact des révolutionnaires russes envoyés en déportation à Sémipalatinsk la signification et l'espoir de cette amitié des peuples, qui commence par la suppression des tyrans.

C'est ce même Abaï qui, seulement en 1886, vingt-deux ans après la fin de ce volume, se résolvant à signer de son nom et à publier ses poèmes, dira dans l'un des premiers qu'il a cru bon d'avouer:

O mes Kazakhs! Mon pauvre peuple! -D'une dure moustache non taillée tu as masqué ta bouche. -Du sang sur la joue droite, sur la gauche de la graisse... -Où est la vérité? Ta raison s'y perd.

Tu n'es pas de mauvaise race, et tu es grand par le nombre. -Tu ne veux pas écouter un conseil de bon coeur. -Ta langue-faucille fauche tout le monde sans distinction.

Tu ne peux prouver ton pouvoir sur ton propre bien. -Tu dors d'un somme inquiet et t'inquiètes le jour, -Tantôt tu as l'air arrogant, et tantôt outragé, -Constamment, dans une même inconstance.

Toute canaille vile, hautaine et mesquine -A mutilé ton âme, peuple -Je n'ai pas d'espoir que tu t'amendes -Si le peuple ne prend pas en main son destin.

Le parent avec le parent se dispute pour des bêtises. -C'est par Dieu que leur est ôtée la raison, tel est leur partage! -Ni unité, ni honnêteté, partout la discorde. -Dans la steppe a diminué le nombre des troupeaux, des chevaux.

C'est pour l'argent et le pouvoir que bout la haine. -Tu es impuissant, et ce sont les seigneurs qui mènent la dispute. -Si tu ne peux arracher de toi cette écume, -Tu seras toujours dans l'humiliation et la crainte.

Est-ce que tu peux avoir l'âme coite, -Si tu n'as pas la force de prendre un petit terre? -S'il n'y a en toi fermeté, ni assurance, -Est-ce que tu peux être content de toi? -Si quelqu'un de sûr te montre le chemin -Tu te flétris par un blâme insensé.

La parole d'Abaï Kounanbaev a traversé la steppe, et elle est revenue aux Tchinguis, elle est entrée dans l'âme d'un enfant qui pleurait d'épuisement quand son grand-père Aouez, lui ayant à peine appris les noms si difficiles des lettres arabes, lui faisait déchiffrer dans un manuscrit les vers d'Abaï en guise d'alphabet, et le forçait d'apprendre par coeur ces poésie si compliquées où surgissaient, nous confiera Moukhtar Aouézov, des noms inconnus et bizarres, comme Fochkine, Lermonyp, Krylop, et je ne sais quels Tatiane et Anégui!

Et c'est de cet enfant, qui est né tout juste cinq jours avant moi, dans quelque kouzéou d'automne où les siens venaient tout juste de planter les kérégué et les ouyk de la yourte où sa mère accouchait sous un dai de feutre, dans ce monde si différent du Paris qui déjà se préparait à l'Exposition Universelle où j'ouvris les yeux, -c'est de cet enfant qui

devait sortir du Séminaire de Sémipalatinsk à l'époque où, moi, revenant des bords du Rhin, démobilisé en 1919, je reprenais à contrecoeur mes études de médecine, la tête pleine de Rimbaud et d'Apollinaire... c'est de ce Moukhtar Aouézov que nous tenons aujourd'hui, non seulement l'histoire d'Abai, mais l'édition de ses oeuvres; de ce Moukhtar Aouézov, qui venait de si loin, dans la société de clans patriarcho-féodal, et trouvait comme Abai auprès des déportés politiques russes des années soixante-dix, la pensée progressive de l'humanité tout de suite apportée sur son chemin, lui qui dès 1919 travaillait au Comité Exécutif des Soviets du district de Sémipalatinsk. A cette heure où nous, ici, je veux dire des jeunes gens de son âge, comme lui épris des poètes qu'on nous avait cachés, nous conspirions pour introduire à Paris le dadaïsme...

Excusez, tout d'un coup, ce ton personnel où il n'y a que faire. Mais il faut bien que chaque lecteur mesure le temps et les distances à la vitesse de ses jambes et au barème de sa petite aventure personnelle. Et moi comme vous...

Mais c'est assez prétendre, à la façon du *Français boiteux*, soulever pour vous le toit du monde, et vous faire regarder dans le secret des yourtes au Kazakhstan, et les moeurs patriarcales, et les passions heurtées, et la naissance hâtée d'un monde nouveau, auquel les poètes ouvrent la voie. Peut-être faudrait-il moins parler d'Abai Kounanbaev, c'est l'affaire ici du romancier, que de l'auteur du roman, notre contemporain Moukhtar Aouézov.

Je tiens pour un grand honneur de pouvoir être dans mon pays l'introducteur de son oeuvre. Le roman épique d'Abai est à mon sens l'une des plus hautes oeuvres du vingtième siècle. Elle charrie un monde d'images et de pensées, elle se prolonge loin dans la nuit et dans le jour. Il ne suffit pas de dire qu'elle s'inscrit au premier rang les littératures soviétiques, on cherche assez vainement dans le reste du monde les oeuvres à lui comparer. Ou bien puis-je me permettre de déborder notre temps? Aux heures où les sociétés changent, il y a ainsi de grands livres, comme fut *Don Quichotte* au déclin du monde féodal, comme *Robinson Crusoé* quand la suprématie économique anglaise prit la forme mondiale... Vous ne voudriez pas que je compare le monde kazakh d'Aouézov à la société décrite par Marcel Proust? Où avons-nous dans le roman ce paysage gigantesque? Mais peut-être ce qui nous manque le plus dans notre prose, c'est ce plain-pied de la vie et de la poésie. Et pour le sens de l'amour, qui embaume ce livre non seulement des parfums anciens des poètes orientaux, mais d'une ivresse nouvelle, moderne, où la vieille histoire des amants se hausse à la taille de l'histoire, incarne à nouveau comme aux grands jours de Provence l'identité du bien de tous et de la passion de deux êtres, pour ce chant de l'amour qui le pénètre et nous entraîne, je ne sais vraiment quel équivalent chercher à notre petit cap de l'Europe, à cette heure de campings et de vespas...

A tout prendre, c'est en vain que je tenterais de situer Moukhtar Aouézov dans l'échelle des valeurs courantes, et je ne rêve pas écrire un guide bleu de la littérature. Dieu merci, notre art n'a point de marché comme la peinture, et l'on ne peut chiffrer comparativement à coup de millions Tolstoï et Balzac, comme Gauguin et Renoir!

Il faudrait parler de l'art d'Aouézov: mais n'est-ce pas là le métier des critiques, et je leur laisserai la parole. Pourtant n'est-ce pas lui-même qui a attiré notre attention sur le caractère du roman historique d'Abai?

"La réunion des matériaux sur Abai, écrit-il dans son Autobiographie, a présenté de curieuses particularités, inconnues à la plupart des auteurs de romans historiques. Le fait est que sur la vie, le travail, l'extérieur et le caractère d'Abai, il n'y a aucune donnée écrites, ni imprimées: ni archives personnelles, ni journal intime, ni mémoires. ni simplement des souvenirs fixés sur le papier concernant le poète. Toutes les données de sa biographie, tous les événements du roman, j'ai dû les réunir longuement par l'interrogatoire oral des gens qui ont connu Abai, par des conversations avec eux. La plupart de ces gens, naturellement étaient déjà des vieillards, dans leur mémoire s'étaient déjà assombrés et les jours de longtemps passés, et l'image des hommes, et les conversations, et les événements..."

Soit dit en passant, il résulte de ces lignes que le portrait placé à la tête des oeuvres choisies d'Abai Kounanbaev traduites en russe, dans l'édition de 1954 au Goslitizdat, et qui est un dessin du peintre A. M. Martova, représente un Abai Kounanbaev vieilli en khalat, la barbe grise, avec une tibiteka sur la tête, assis dans un fauteuil, semble-t-il, Louis XV, un cahier ouvert dans la main gauche, et une plume dans la droite, est une pure imagination de l'artiste. Il est loin d'en être de même de l'oeuvre de l'écrivain, qui s'est attaché à retrouver et décrire avant tout la réalité. Et c'est le travail de toute sa vie, puisque les premières données qu'il avait d'Abai, il les a reçues enfant de son grand-père, Aouez, ami personnel du poète, et que bien qu'il n'ait eu l'idée de son roman que vers 1940, il avait anxieusement interrogé sur son futur héros un élève d'Abai, Kokpai, mort en 1927. Et par malheur, trop jeune pour cela, Kokpai n'avait pu lui donner aucun renseignement de première main sur l'enfance du poète. Aouézov avait également connu et écouté la femme d'Abai, Aïguérim, morte en 1914, à soixante ans environ: alors le jeune Moukhtar n'avait que seize ou dix-sept ans. Et quel âge avait-il quand il rencontra la première femme d'Abai, Dilda, la mère d'Abdrakhmane, elle-même beaucoup plus âgée qu'Aïguérim? Quand vint le temps de la documentation scientifique, on imagine le travail patient, contradictoire, que dut être cette longue quête que nous décrit Aouézov: "J'ai parlé et avec des amis et des admirateurs d'Abai, et avec d'anciens ennemis à lui, et de ses jaloux: ou avec ses contemporains, ou avec leurs fils et petits-fils. Au bout de ces recherches, j'avais accumulé une telle quantité de témoignages sur mon futur héros que je me suis souvent rendu un des grands conseils de Gorki: "Ecris sur ce que tu n'as pas le droit de

taire". Même aujourd'hui que le roman de l'adolescence et la jeunesse d'Abai est terminé, je vois qu'il m'est resté une telle quantité de matériaux qui n'y ont pas trouvé place que, sur la base de ceux-ci, il serait possible d'écrire encore un livre de même taille sur cette même période de la vie de mon héros".

Pourtant, et Aouézov le reconnaît, la reconstitution de l'image d'Abai n'est pas seulement un travail d'historien, mais à proprement parler une imagination de romancier. Il compare l'effort d'imagination qu'il avait à partir du matériel ramassé à celui qui lui était nécessaire pour se représenter, d'après Aiguérîm fanée, vers soixante ans, la beauté virginale qui avait charmé Abai plus de quarante ans plus tôt. Pour entendre encore mieux l'écart entre la photographie ou l'histoire, et le réalisme romanesque d'Aouézov, peut-être est-il bon de rapprocher de ceci une note que l'auteur a ajouté à une édition récente de son roman. Il s'agit ici du rôle des akynes, ces poètes populaires improvisateurs, qui ont grandement influé sur le jeune Abai, et de leur représentation dans le livre. Aouézov écrit:

Dans les premières éditions de ce roman, au lieu de l'akyne Barlas, on parlait de l'akyne Doulat. Mais il est apparu ces derniers temps que l'akyne Doulat, qui vivait au milieu du siècle dernier, était un poète de tendance féodale et réactionnaire; ainsi sa figure ne correspond-elle pas du tout à celle de l'akyne vraiment populaire présenté ici. Corrigeant mon erreur, je donne maintenant à ce personnage qui n'avait aucun rapport avec le Doulat historique, le nom imaginaire de Barlas. Pour la même raison, j'ai supprimé du livre le nom de l'akyne Chortanbaï et j'ai changé les noms de certaines autres figures imaginées d'akynes: Jañak est devenu Sadak; Sabyrbaï, Kadyrbaï; Toubek, Choumek.

J'ai retiré cette note du roman où, pour le lecteur français à qui Barlas ou Doulat c'est un tout, elle n'a pas grande signification, pour la donner ici, comme une vue sur la nature de l'art aouézovien. Il est remarquable qu'ayant décrit un akyne, comme il en avait besoin d'un, il ait préféré le personnage imaginaire au Doulat véritable, et choisi Barlas de préférence au personnage historique. On pensera peut-être qu'il y a là une démarche politique, nécessaire pour des raisons extérieures à l'auteur, dans la lutte contre le nationalisme bourgeois au Kazakhstan, nationalisme duquel, dans son *Autobiographie*, Aouézov, reconnaît que durant sa jeunesse il a mis longtemps à se défaire. Cela serait s'il avait donné le nom d'un akyne "vraiment populaire" à l'image faite par lui d'un Doulat, et non le contraire. Car ce qui importait à l'écrivain c'était de souligner la signification "vraiment populaire" du personnage historique d'Abai par sa liaison avec un akyne tel qu'il l'a décrit, et non tel qu'un Doulat a pu être. Et sans doute, le changement de nom de Doulat en Barlas, est-il bien une démarche politique, mais analogue à celle de Stendhal transcrivant (pour des raisons au but du compte politiques) une histoire du seizième siècle italien dans la *Chartreuse de Parme*, au temps de Napoléon

Cette conjonction d'une scrupuleuse exactitude historique et de l'imagination romanesque conforme aux idées nouvelles avancées, de l'auteur, c'est la caractéristique de sa méthode, et le nom de cette méthode l'*Autobiographie* nous le livre quand on lit: ... Mais les véritables auxiliaires de l'écrivain soviétique, –la méthode du réalisme socialiste, une attitude critique claire à l'égard du passé, les grandes traditions réalistes des classiques russes– m'ont permis de me tirer de la plupart des impasses...

C'est par quoi je terminerai ce trop long préambule à un livre qui est une preuve et un accomplissement de cette méthode, étrangement décriée chez nous, et qu'apparemment on y prend pour tout autre chose que ce qu'elle est.

Aragon. Préambule
Moukhtar Aouézov. *La Jeunesse d'Abai*.
Paris; Gallimard, 1958, p. 7-18.

* * *

Moukhtar Aouézov ABAI

L'histoire se passe en pleine Asie centrale, il y a un peu moins de cent ans. Elle est vraie.

L'enfant de la steppe kazakhe que "*La Jeunesse d'Abai*" montre épris de justice et de liberté, l'adolescent arraché à son amour par les lois figées du clan, le jeune chanteur compagnon des akynes, qui seuls maintiennent et perpétuent la culture orale du peuple kazakh, devient, au cours de ce livre, un poète, un linguiste, un homme politique. Il fonde la littérature écrite de son peuple; il traduit Pouchkine dans la langue méprisée des nomades et leur révèle ainsi la culture occidentale; il exhorte les pauvres à oublier les barrières que les différences de clans dressent entre eux pour s'unir contre l'oppression des nobles musulmans, solidaire de l'oppression coloniale; il passe pour cela, quelque temps en prison à la ville et là, avec les Russes déportés, il découvre une Russie qui n'est pas celle de la bureaucratie concussionnaire, tyrannique et ignorante.

Philosophe, homme sage à la manière des Anciens, Abai n'en est pas moins fait de chair et de sang, faillible, et certaine mauvaise action sentimentale, en ce temps de filles vendues où l'amour est toujours malheureux, empoisonnera sa vie. On aurait tort de croire que ce livre le montre parfait. Plus qu'un poète en effet, c'est la poésie qu'il glorifie.

L'auteur, Moukhtar Aouzenov, qui naquit le 30 septembre 1897 dans le clan de son héros, est membre de l'Académie des Sciences de Tachkent, professeur à l'Université d'Alma-Ata. Savant, historien,

romancier, dramaturge, il est considéré comme l'un des plus grands écrivains soviétiques.

Ce livre, qui est la deuxième partie du "cycle" d'Abai, est traduit du kazakh par Léonie Sobolev et Antoine Vitez.

Moukhtar Aouezov. *Abai* – Paris; Gallimard, 1960 (annotation à la fin du livre)

* * *

Iouri Poukhov

LE MESSAGE DE MOUKHTAR AOUEZOV.

Le roman-épopée de Moukhtar Aouézov "*Le Chemin d' Abai*" ("*Abai*" et "*Le Chemin d'Abai*") évoque la vie du grand poète et éducateur kazakh Abai Kounanbaiev. Ce n'est pas seulement une biographie de cet écrivain dont la personnalité est connue; c'est aussi le tableau à plusieurs volets de l'histoire du peuple kazakh, de l'histoire de ses relations avec le peuple russe.

Aouézov a travaillé quinze ans pour faire revivre le poète démocrate Abai. Certes, Abai était connu depuis longtemps; mais à travers l'épopée, c'est la première fois qu'on le découvre tel quel. Tout ce qui n'avait pas été dit par la poésie d'Abai, remarqué par les contemporains du poète, interprété dans les discussions sur son héritage littéraire, revit et est rendu au peuple sous un jour nouveau.

Dans son oeuvre poétique, Abai avait réussi à briser l'étroitesse du clan et l'horizon borné des féodaux dont il est issu. Fidèle aux meilleurs traditions classiques de la littérature russe, il créa des oeuvres excellentes, une poésie vraiment populaire, réaliste et nationale. Ses vers qui sont le reflet véridique de la vie de son peuple, contiennent de larges généralisations sociales. Abai a préconisé la lutte contre les classes dominantes et il a réveillé la conscience de classe des masses opprimées. Ayant diffusé la littérature russe parmi les Kazakhs, il lui a attaché son nom.

"Abai amena dans la steppe la Tatiana de Pouchkine, fit connaître à son peuple la littérature russe, a dit l'écrivain Léonide Sobolev, le traducteur du roman; maintenant l'un de ses descendant fait connaître Abai aux millions de lecteurs russes. Abai avait affirmé inlassablement que c'est seulement dans l'amitié avec la grande culture russe, que le talent inné du peuple kazakh s'épanouit entièrement; le succès du roman confirme à présent la profonde justesse de ses pensées. Car c'est seulement dans cette amitié avec les oeuvres de la littérature russe

classique, véridique, réaliste, fidèle à la cause du peuple, que la jeune prose kazakhe a pu grandir et s'épanouir.

L'action du roman se situe entre la deuxième moitié du XIXème siècle et le début du XXème siècle. Au début du premier livre, le lecteur fait connaissance avec un rêveur de 13 ans, un adolescent enthousiaste. Il se sépare d'un homme d'âge avancé, un philosophe sage, un tribun hardi, un poète de génie. "*Le Chemin d'Abai*" reflète la lutte et la vie du peuple kazakh pour sa libération du joug féodal, des prédicateurs de l'Islam, la lutte contre les traditions séculaires, les lois non écrites qui oppriment la conscience et la personnalité.

Dans son autobiographie publiée récemment, Aouèzov parle dans les termes suivants de son épopée: "Abai est un oeil qui voit, Abai est un cœur compatissant, Abai est la sagesse du peuple; il incarne les sentiments, les pensées, les élans séculaires du peuple, il est son âme. Voilà la raison pour laquelle j'ai évoqué ce personnage".

Aouèzov n'a pas inventé les qualités d'Abai, il n'a pas enjolivé ses personnages, il en dénonçait implacablement tout ce qui est obscur, périmé, cruel dans sa résistance; il a indiqué ce qui est nouveau, ce qui naissait, ce qui est révolutionnaire, ce qui n'a triomphé définitivement qu'après la Grande Révolution d'Octobre. En relatant le passé, l'épopée est en elle-même le témoignage de la renaissance nationale et culturelle du peuple kazakh dans les conditions du socialisme. Voilà pourquoi l'importance de cette oeuvre est énorme notamment pour le lecteur de nombreux pays étrangers de l'Orient où les peuples luttent avec opiniâtreté pour l'indépendance nationale.

Le brillant écrivain kazakh Moukhtar Aouèzov a oeuvré toute sa vie aux deux volumes de cette épopée.

Moukhtar Aouèzov est né en 1897. Son enfance s'est passé dans l'ambiance qu'il a reproduite avec brio dans les deux romans. Ayant terminé l'école normale de Sémipalatinsk, il écrivit en 1917 sa première oeuvre: "*Enlik Kébek*". C'était la première pièce de dramaturgie kazakhe, et la première de l'oeuvre théâtrale d'Aouèzov, qui comprend plus de vingt pièces.

Aouèzov aimait la poésie d'Abai dès son enfance. Il a consacré nombre d'articles et d'études, à la vie et à l'oeuvre de ce dernier. En coopération avec Léonide Sobolev, il a écrit la pièce "*Abai*" (1941), le livret de l'opéra du même nom et le scénario d'un film sur la vie du poète. Le premier roman d'Aouèzov "*Abai*" a été publié en traduction russe en 1945. Le deuxième roman "*Le Chemin d'Abai*" a été achevé en 1958.

Oeuvre artistique représentative du réalisme socialiste, l'épopée d'Aouèzov est aussi un ouvrage fondamental sur l'histoire, l'ethnographie, l'économie et le droit de la nation kazakhe. L'ampleur avec laquelle est évoquée la vie populaire, l'analyse psychologique magistrale des caractères, le destin dramatique des principaux protagonistes, les paysages, la langue riche et nuancée, tout a contribué au succès du roman d'Aouèzov. Cette oeuvre a élevé d'un nouveau degré la maîtrise de la littérature soviétique kazakhe, elle est un jalon dans le développement du réalisme socialiste dans cette littérature. Consacrée à l'histoire, elle pose dans le domaine littéraire des problèmes actuels: l'idée de l'amitié des peuples, une conception historiquement juste du passé du peuple kazakh.

L'oeuvre de Moukhtar Aouèzov a grandi en même temps que la littérature kazakhe. Elle se situe sur la large voie du développement de l'art soviétique réaliste et progressiste. *"Le Chemin d'Abai"* a été traduit en 25 langues et publié dans beaucoup de pays? On le lit même au Cameroun. Partout, ce roman captive le coeur du lecteur.

L'attribution du Prix Lénine à Moukhtar Aouèzov, auteur qui a apporté une immense contribution précieuse au trésor de la littérature soviétique multinationale, est une nouvelle preuve irréfutable de l'influence vivifiante de l'amitié des peuples soviétiques sur le développement de la culture nationale, de l'incontestable succès de la politique de l'Etat soviétique à l'égard des nationalités.

Moukhtar Aouèzov dit de ses projets:

- Je voudrais écrire maintenant un livre sur les hommes d'aujourd'hui, sur les hommes dont rêvait Abai et qui l'ont maintenant compris et aimé. Je voudrais composer une oeuvre à plusieurs plans où le sort de collectifs entiers, de familles, d'individus s'entrelace pour fusionner et retentisse comme un chant de triomphe de notre époque. Mon projet le plus cher est de décrire les héros de notre temps afin que le lecteur les aime comme les héros des romans consacrés à Abai. Incarner ce rêve est le but de ma vie.

Nouvelles des Lettres Soviétiques. (Bruxelles). 1959, n°2, p. 21-23.

LA JEUNESSE D'ABAÏ

Que sait-on de ce pays lointain, deux fois et demi grand comme la France, s'étendant des frontières de la Chine aux rives de la mer Caspienne, le Kazakhstan?

Quelle autre image ce nom éveille-t-il en nous, sinon celle aux contours imprécis d'une République socialiste soviétique?

Et si ce nom parle au présent, que sait-on du peuple qu'il désigne? De son histoire?

*Hélas les siècles passés dorment,
recouverts de brume.*

Qui dira ce qui se cache en eux?

psalmodiait à l'enfant Abaï, sa grand-mère...

Voici qu'aujourd'hui, avec un livre qui n'est ni d'histoire, ni de géographie, mais un roman ce peuple nous est révélé.

*

C'est une rare aventure que l'origine de ce livre.

La grand-mère Zéré, chantant, vers 1857, ces vers qu'on vient de lire, ignorait que son petit-fils, le poète Abaï Kounanbaév, allait fonder la littérature kazakh écrite

Abaï appartenait à la tribu des Tobykty. Dans cette tribu témoin d'un Kazakhstan patriarcal, il se lia d'amitié avec Aouéz, un homme qui admirait tant ses oeuvres qu'elles servirent d'abécédaire à son petit-fils, Moukhtar. Nous sommes alors à l'orée de ce siècle.

Quarante années plus tard, l'écrivain soviétique Moukhtar Aouézov allait écrire le roman d'Abaï, son frère de tribu.

Ce livre n'est pas qu'un simple hommage à la mémoire d'un grand homme. C'est la preuve vivante que la pensée du poète d'hier, dans les conditions soviétiques, a trouvé son aboutissement.

Écoutons Aouézov:

Le roman d'Abaï fait partie de la série de romans que j'ai projetés qui devront montrer la vie du peuple kazakh pendant cent années du milieu du siècle passé jusqu'à la fin du quatrième plan quinquennal. Abaï est le premier roman de cette série "

Abaï qui vécut de 1845 à 1904, nous allons faire sa connaissance à douze ans quand, après avoir fréquenté l'école musulmane de la ville, il retourne à l'aoul, le village, et nous le quitterons au terme de sa jeunesse, à vingt-cinq ans, alors qu'il s'appête à retourner aux études, en ville mais cette fois à l'école russe.

Non, vous ne pouvez pas imaginer ce que furent, entre ces deux dates, 1857-1870, la vie et l'expérience du fils de l'aga-sultan Kounanbaï. Les raisons de ce retour à l'école...

Cette période-là, tout de suite, pour un Français, elle évoque le Second Empire; les réseaux de chemins de fer, la création des grands magasins, le florissement des banques, les débuts du pétrole, la fondation de l'Internationale des Travailleurs, le droit de grève gagné, les expéditions coloniales, la veille de la Commune, mille autres événements de la marche d'une société proche, perceptible, familière dans ses moindres combats à nos yeux contemporains.

Et bien, ce temps si proche, ouvrez "*La jeunesse d'Abai*", c'est le fond des âges...

*

Des steppes, des montagnes, des tribus, des clans Kounanbaï, chef du clan Irguizbaï, règne en maître. On le craint, on l'admire, on le maudit, on le respecte toujours.

La vie des nomades est réglée sur les saisons; chaque saison, on transhume. Les yourtes, ou tentes qui composent un aoul sont démontées, et c'est le voyage des femmes, des enfants, des hommes et des bêtes vers les pâturages, toujours fixés, propres à chaque clan.

Kounanbaï a les meilleurs pâturages. Ceux de Bojeï, chef du clan Jiguitek, de Souïoundik, chef du clan Bokenchi sont riches aussi. Kounanbaï est rusé et a beaucoup d'appétit. Au sommet des monts Tchinguis, les pâturages d'hiver des clans Bokenchi et Barsak ne le laissent pas indifférent. Peu importe les liens de parenté. Un matin, les Irguisbaï, Kounanbaï en tête, installent dans les Tchinguis leurs aouls et leurs troupes.

On ne résiste pas à l'aga-sultan. Du moins, c'est ce que chacun s'imagine. Mais la coupe est pleine, et Bojeï tient tête. C'est alors la bataille. Avec ses cris de guerre, ses coups de *soïl* et de *chokpar*, le claquement du fouet mêlé au hennissement des chevaux. Kounanbaï, comment pourrait-il ne pas être vainqueur?

Mais Bojeï dépose une plainte au district. Voici donc la ville, Karkaralinsk. On respecte beaucoup Kounanbaï à la ville. Il est aga-sultan et fait construire une mosquée qui doit lui valoir la reconnaissance et l'admiration du peuple. Riche, il sait distribuer sa part à qui le soutient, à qui est prêt à le soutenir. Il sait aussi obtenir des cadeaux. Pourtant cette fois, l'affaire risque de se retourner contre lui. L'administration tsariste n'est pas insensible aux pots-de-vin; on arrange la réconciliation. Pour sceller la paix, Kounanbaï offre au plaignant sa petite Kamchat, fille de sa femme "cadette", car dans ce règne polygame il faut bien distinguer entre elles les "épouses-rivales". Mais la paix n'est qu'apparente. La preuve, c'est que chez Bojeï on laisse mourir l'enfant. Nouveaux préparatifs de guerre, interrompus par la mort brusque du chef du clan Jiguitek. C'est l'enterrement, avec ses rites. ses

processions, ses chants funèbres, ses lamentations, ses pleureuses. Le mort est de qualité, sa mémoire sera honorée durant tout un an, au bout duquel sera organisé l'as, le festin du souvenir.

On méprise si bien l'aga-soultan que l'offense va jusqu'à ne pas l'inviter aux funérailles. La trêve est de courte durée. Couvant sous la cendre, la lutte attend pour reprendre. Un incident, elle renaît....

*

J'en ai assez dit. Il n'est pas question de résumer ce livre aux péripéties multiples, toujours rebondissantes, à la fois roman d'aventures et geste de tout un peuple, récit des exactions de Kounanbaï, de la lutte des clans entre eux, de la haine des chefs, et description haute en couleurs des moeurs et des coutumes d'un peuple misérable.

*

Ce monde cruel est l'horizon quotidien d'Abai.

D'abord subjugué par le prestige de son père, l'enfant sensible, ouvert à la bonté, à la justice, découvre avec le temps la rapacité de l'aga-soultan. Puis il ne va pas tarder à comprendre que cette rivalité guerrière qui oppose les clans entre eux ne profite pas à celui qu'une victime de Kounanbaï définit comme "une force quand on a besoin de lui dans une querelle, un peu de boue quand il est dans le besoin", le peuple.

Bojeï et tout autre contre Kounanbaï, non, ce n'est pas la justice contre l'injustice:

Auparavant quand ces hommes traitaient son père d'agresseur, Abai croyaient qu'ils pensaient réellement au peuple. "Kounanbaï plume les pauvres gens, arrache les terres au peuple, fait verser des larmes à ceux qui n'ont rien", affirmaient-ils. Mais pourquoi maintenant que la force est dans leurs mains trompent-ils eux aussi le peuple, pourquoi, au lieu de lui rendre ce que lui a pris Kounanbaï cherchent-ils eux-mêmes à le piller encore plus?

A partir de cette interrogation fondamentale, et à la faveur des événements dont il est le témoin lucide, la pensée d'Abai se précise, le sens de l'avenir se dégage du chaos: "ce n'est pas parmi de tels chefs que se dressera le véritable intercesseur du peuple".

A cette découverte s'ajoute, au long des ans, celle du pouvoir des mots. Abai, au plus profond de son âme, en perçoit la puissance exaltante à chaque rencontre avec ces bardes que les Kazakhs nomment akynes.

La chanson de l'akyne est comme l'eau du ciel.

Celui qui l'écoute est un sable avide.

Comme un sable avide, l'enfant puis le jeune homme, dans ces chansons improvisées, retrouve ses préoccupations et celle de son peuple. Comme ces chanteurs savent aller à l'essentiel! Comme ils savent en quelques mots, traduire ce que chacun ressent confusément!

Mais aussi comme ces paroles fières, mordantes contre les maîtres, douces dans l'évocation des choses aimées, sont teintées de résignation! N'y aurait-il pas d'issue aux malheurs du peuple? Une autre rencontre et le but à atteindre se fait plus clair dans l'esprit du jeune homme il lui faut d'abord étudier, s'éduquer, apprendre auprès des autres peuples Pour lui et pour son peuple.

Kounanbaï ne s'était pas trompé sur son fils, s'écriant quand celui-ci revint de l'école musulmane: "S'il y en a un qui promet, c'est ce petit noiraud-là!".

Mais le petit noiraud n'allait pas marcher dans le sillon du père, mais "jeter un regard neuf sur les choses".

Abaï au terme du livre, part, contre la volonté de Kounanbaï, à la ville pour l'école russe.

Nous attendons son retour.

*

Tel est, sommairement tracé, l'itinéraire de la jeunesse d'Abai. Il vous reste maintenant tout à découvrir, l'âpre beauté des steppes, l'odeur des saisons, le terrible djout des hivers rigoureux, la douceur d'Ouljane, la noblesse de Zéré, l'amour d'Abai et de Togjane, les étonnantes fêtes du mariage forcé du jeune homme et de Dilda, l'amitié.... Il vous reste maintenant tout à découvrir et d'Abai et de son peuple.

Parfum amer et envoûtant des temps révolus, le roman historique de Moukhtar Aouézov est tout entier tourné vers l'avenir. "Cette conjonction d'une scrupuleuse exactitude historique et de l'imagination romanesque conforme aux idées nouvelles avancées de l'auteur", écrit Aragon dans son préambule, –"c'est la caractéristique de sa méthode".

La méthode du réalisme socialiste.

Riche année pour le rayonnement de cette méthode, puisque cette saison aura vu paraître "*La Semaine Sainte*" et traduire "*La jeunesse d'Abai*".

FRANCE NOUVELLE . 1959, n°714,
2 juillet, pp.30-31.

* * *

Régis Bergeron

MOUKHTAR AOUEZOV, écrivain kazakh

Il n'y a pas plus de quatre ans que le nom de Moukhtar Aouezov a été prononcé en France –sans doute pour la première fois– et voici qu'est publiée la première partie de son grand roman "*Abai*", écrit de 1942 à 1947, publication qui coïncide avec l'attribution à son auteur d'un des prix Lénine internationaux, précisément pour ce livre.

C'est Aragon qui, en 1955, au lendemain du deuxième congrès des écrivains de l'U.R.S.S., dans "Littératures soviétiques" cet ouvrage dont on ne dira jamais assez combien il aura contribué à la connaissance en France de cette littérature multinationale née depuis Octobre, comme "Le Roman russe" de Melchior de Vogüé fut l'instrument décisif de la découverte, dans cette partie du monde, des grands classiques russes, c'est Aragon qui présenta le premier cet écrivain kazakh au public français. C'est lui encore qui renouvelle cette présentation en un préambule plus étendu à la traduction qu'on faite de "La Jeunesse d'Abai" Léonide Sobolev et Antoine Vitez.

Nous lui emprunterons donc les éléments qui permettront aux futurs lecteurs de "La Jeunesse d'Abai", au-delà de ce livre, de connaître son auteur et de le situer dans le riche éventail constitué par les membres de cette famille littéraire qui parle soixante langues.

Moukhtar Aouézov, âgé de 62 ans écrit depuis 1917 (théâtre, contes, romans, scénarii, livrets d'opéra, traductions de Gogol et Shakespeare). C'est avec lui qu'apparaît le roman du Kazakhstan, aussi grand que l'ensemble des quatorze autres républiques soviétiques, la République de Russie exceptée, et qui possédait, avant la Révolution, une très riche littérature orale enrichie et colportée par ces "akynes", ces bardes de la steppe et de la montagne comme on en rencontre dans "Abai"; et dont Djamboul Djabaev (1846-1945) fut le type.

"Traduire "Abai" et "Le chemin d'Abai" en français, écrivait donc Aragon, dans "Littératures soviétiques", me semble une des tâches les plus pressantes qui soient devant nous, et pour le tableau que ces deux romans donnent de la seconde moitié du XIXe siècle, au Kazakhstan, et les liens avec toute l'histoire progressive de l'humanité de cette affaire (au premier plan l'histoire des penseurs démocrates de Russie), mais aussi pour l'image du grand penseur et du grand poète que fut Abai Kounanbaev, dont l'oeuvre personnelle est plus difficile à faire passer dans notre langue, sans la connaissance du pays, de la société d'alors, que donnent les romans d'Aouézov."

Le héros du roman de l'écrivain kazakh est, en effet, le fondateur de la littérature écrite de ce pays où il vécut de 1845 à 1904, contemporain du grand-père de l'auteur né dans la même tribu.

Aragon, dans la préambule à "La Jeunesse d'Abai", explique la filiation de l'un à l'autre, fournit au lecteur quelques données sur le pays kazakh et les moeurs de ses habitants et nous éclaire sur le méthode d'Aouézov. alliant la réalité à la fiction, son imagination devant souvent pallier l'absence de témoignages et de documents écrits sur l'"akyne"

dont il dut reconstituer la haute figure à partir de conversations avec ses contemporains, amis ou ennemis, ce qui n'allait naturellement pas sans lacunes.

À propos de cette méthode d'Aouézov, Aragon cite l'écrivain kazakh lui-même lorsqu'il dit :

“Mais les véritables auxiliaires de l'écrivain soviétique, la méthode du réalisme socialiste, une attitude critique claire à l'égard du passé, les grandes traditions réalistes des classiques russes, m'ont permis de me tirer de la plupart des impasses”, et Aragon souligne qu'il voit en “*Abai*” “une preuve et un accomplissement de cette méthode étrangement décriée chez nous, et qu'apparemment on y prend pour tout autre chose que ce qu'elle est”.

En vérité, après les dizaines de romans soviétiques que nous avons pu lire ces dernières années du fait des efforts des Editeurs Français Réunis et de cette collection “*Littératures soviétiques*” où paraît aujourd'hui “*Abai*”, ce livre est une preuve éclatante de ce que la méthode invoquée peut aboutir à l'opposé même de la standardisation en littérature, “*Le Don paisible*” dont le premier tome paraît cette semaine chez Julliard, “*Djamilia*” dont nous parlerons ces jours-ci, “*Tariel Goulba*” que nous présentions l'autre saison et bien d'autres, et à présent le roman d'Aouézov...

Celui-ci tient parfaitement les promesses que faisait, à son propos Aragon en 1955. Nous suivons *Abai* de sa douzième à sa vingt-troisième année, soit, historiquement, de 1857 à 1868, en ce temps où le pays kazakh, divisé en clans et en tribus et placé sous l'autorité tsariste, en était encore une société féodale et patriarcale.

Aux époques de transhumance, les villages de tentes se transportaient avec les troupeaux sur leurs pâturages respectifs. Ceux-ci donnaient lieu à de multiples querelles, à des expéditions de brigandage, les plus forts accaparant ceux des plus faibles. Elles se succèdent dans “*La Jeunesse d'Abai*” où l'on voit le père du héros, aga-sultan, tyranniser les tribus inférieures en nombre ou les moins riches, fort de l'impunité qu'il s'est acquise en arrosant copieusement de pots de vin le représentant du pouvoir de Moscou.

Le jeune *Abai*, qui a grandi dans l'administration de son père, se révolte bientôt contre ses méthodes d'arbitraire et de violence. L'injustice, en particulier, le voit se dresser, pitoyable “pour les morts innocents, pour les victimes insultées”.

Se séparer de l'image première qu'il a reçue de son père ne va pas sans déchirement; pourtant, il doit bien l'associer à l'idée de crime et de cruauté, crime et cruauté qui vont contre son tempérament et qu'il aime entendre condamner et dénoncer par les "akynes" dans les chants qu'ils colportent à travers le pays, improvisant sur les plus récents événements, oreilles et voix du peuple dont l'une des victimes de l'agassultan lui rappelle que, si le seigneur est son maître, lui est maître de la terre.

Ainsi grandit celui qui allait devenir l'un des meilleurs bardes kazakhs, suivant, loin des "sentiers frayés de toute éternité", un "sentier nouveau, un sentier à lui". Sur cette voie, il rencontre bien des obstacles: ceux que j'ai dits et d'autres qui tiennent à la forme de la société d'alors. et il s'emploie à les surmonter, patiemment, courageusement, devenant peu à peu l'ami de tous, quand tous en étaient arrivés à détester son père.

Lorsque nous le quittons, au seuil de sa vingt-cinquième année, "ni l'hiver, ni les gelées, ni les ouragans sauvages de la montagne ne lui font plus peur".

Moukhtar Aouézov est un poète; c'est en poète qu'il évoque sa steppe et ses montagnes, les hommes de son pays, en grand poète épique les luttes qui les opposent les uns aux autres, en vigoureux peintre de moeurs, celle du Kazakhstan de ces années féodales dont il brosse à fresque la vie contrastée, de la paix des bergers au tumultes des chevauchées djiguites, s'arrêtant sur les scènes de cérémonies traditionnelles: funérailles, fiançailles dont il nous offre des images hautes en couleurs. Heureux les peuples qui ont pour les chanter avec autant de grandeur et d'amour une voix comme celle d'Aouézov.

Humanité, 1959, 11 juin

***

Mireille Boris

ABAÏ **(un livre pour rêver)**

"ABAÏ", second livre du "cycle d'Abai" de Moukhtar Aouézov, a paru récemment chez Gallimard, dans la collection "Littérature soviétique". L'histoire se passe en pays kazakh, il y a près de cent ans; c'est une histoire vraie.

Le héros de "*la Jeunesse d'Abai*" (le premier livre), arraché à son amour par les lois figées du clan, le jeune chanteur, compagnons des

J'ai passé tout un hiver au col de Médéo, dans les environs d'Alma-Ata. Sur les pentes exposées au midi, la neige ne tient guère et, tout l'hiver, la montagne gorgée de soleil et de silence sent le printemps. Les merles noirs et gris ont fui nos régions et sautillent ici sur la terre réchauffée, volent parmi les défilés et les épines-vinettes. Il arrive que la neige tombe plusieurs jours de suite en gros flocons, les routes deviennent impraticables, les arbres s'engourdissent sous leur lourd fardeau et, si un oiseau hérissé de froid se décroche d'une branche, la neige choit lentement comme un long rideau de mousseline blanche. On dirait que le monde est devenu muet, seule à vos pieds l'Alma-Atinka murmure et emporte ses flocons d'écume et ses volutes de buée.

Parfois, Nourpéïssov montait me voir, nous quittions ma tiède et calme maison pour nous plonger dans le froid et la neige, et il me disait combien la steppe est odorante et verte au printemps, comme l'arôme de l'absinthe est amer et succulent aux abords de l'Aral et comme les alouettes y carillonnent à l'infini.

Nourpéïssov appartient à la jeune génération des écrivains kazakh venus à la littérature vers 1950 (année où parut son premier roman: Courlande). Je pense qu'il est inutile de rappeler ici les changements qui ont marqué notre société à cette époque. Je voudrais dire aussi que la floraison de la littérature kazakh depuis une quinzaine d'années est un fait trop significatif et trop important pour qu'on puisse l'aborder brièvement et à la légère. Je me bornerai simplement à noter qu'après Abaï, du très grand écrivain Moukhtar Aouezov, il fallait beaucoup de talent et de hardiesse pour aborder de nouveau le roman historique. Abaï est devenu une sorte d'aune à laquelle le lecteur kazakh mesure désormais toute nouvelle épopée qui lui est proposée¹.

La France est le premier pays d'Occident qui va découvrir à la fois l'oeuvre et l'écrivain. C'est pour l'auteur un grand événement et il le guette avec un anxiété que son adaptateur partage. J'espère que l'amour qu'il porte aux hommes de son pays, leur lente vie entrecoupée d'explosions de haine, les coutumes des tribus, leurs fêtes et leurs combats gravés avec tant de relief, et le contenu profondément humain du livre sauront toucher le lecteur français comme ils ont touché le lecteur kazakh.

Le Crépuscule Abdéjamil Nourpéïssov
Paris; Gallimard, 1967.

---

¹ La jeunesse d'Abaï a paru dans cette collection.

La Saison des épreuves

D'Abdėjamil Nourpėjssov, écrivain de langue kazakh, on connaît déjà *Le Crépuscule*, ici même publié, qui nous révélait le monde des steppes d'Asie Centrale, tel qu'il était encore aux environs de 1915: réglé par des moeurs strictement tribales, faisant bon marché des vies et du bonheur humain.

Au *Crépuscule* succède, tant pour la chronologie que pour le destin des hommes, un second roman: *La Saison des épreuves*. L'aliénation la plus sombre nous y paraît d'abord dans le sort des femmes, entièrement dépendantes d'un père ou d'un mari, et qui doivent se plier à la révoltante promiscuité de la polygamie pratiquée à découvert dans le cercle étroit du nomadisme. Malheur à l'épouse délaissée et à sa descendance! Elles ne sont plus que bêtes de somme et objets de dérision. C'est ce qui advient de l'attachante et versatile Akbala et de Kenjéjeï, épouse prématurément vieillie de Toléou, l'éleveur ruiné.

Le sujet dominant est ici la prise de conscience de l'injustice et les premiers balbutiements de l'esprit révolutionnaire. Nous allons le voir naître chez l'un des héros les plus humbles du *Crépuscule*, Elaman, pêcheur pauvre, timide, que ses puissants ennemis des tribus riches ont fait envoyer dans un bataillon de travailleurs sur le front de Turquie. Jamais sûr de lui, pas plus qu'il ne brandira de drapeau, il ne scandra de slogans: simplement, il s'est d'expérience convaincu que la Turquie n'est pas la Terre Promise dont les vieillards entretiennent aveuglément le mythe. Si frustrés que soient ses pensées, il se refuse désormais à "n'être qu'un ballon entre les mains d'Allah". D'instinct, il va se joindre aux cheminots de Tchelkhar, la ville de son enfance. Le monde révolutionnaire est sans concessions, à peine né et déjà divisé. Comment choisir entre Mulhausen, partisan de l'action immédiate, et Sélivanov, l'intellectuel plus calculateur, mais plus faible aussi, peut-être? L'action se déchaîne: c'est un échec, mais d'où Elaman sort aguerri, moins hésitant. Il ira poursuivre dans son village de pêcheurs sa quête de liberté.

Le grand mérite de *La Saison des épreuves* est de "donner à voir" par les destinées individuelles dont l'intérêt nous maintient en haleine, l'enfantement de l'idée révolutionnaire, et de le faire sans fard. Intelligence ou habileté y apparaissent souvent du côté des féodaux, eux-mêmes affaiblis par leurs zizanies ou des indolences de fin de race, comme chez ce Jassanjàn, le seul intellectuel de l'aoul des riches. Jeune homme maladif sur lequel, lisant *Le Crépuscule*, on aurait cru pouvoir fonder quelque espoir. Les absurdités de la vie n'épargnent aucun camp,

simplement l'un s'effiloche cependant que l'autre construit, où sans doute la lucidité manque encore, mais la générosité éclate. La lucidité... autre Terre Promise dans le piège de laquelle l'auteur ne semble pas devoir tomber.

La Saison des Epreuves
par Abdéjamil Nourpéïssov. - Paris; Gallimard, 1969 (annotation à la fin du livre)

* * *

Christian Audejean

Sur le roman de Nourpéïssov

Le Crépuscule d'Abdéjamil Nourpéïssov nous entraîne en d'autres lieux et à travers d'autres espaces. Il illustre la recherche que tend actuellement à faire la littérature russe aux sources de tous ses langages, de tous ses idiomes et de toutes ses diverses nationalités. Traduit du kazakh et préfacé par Iouri Kazakov, le récit se déroule, au seuil de la guerre de 1914, sur les rives de la mer d'Aral où vivent dans un semi servage, sous la coupe de seigneurs locaux et de quelques riches marchands russes, des tribus de nomades d'éleveurs et de misérables collectivités de pêcheurs. Nous pénétrons sur les pas de Nourpéïssov dans un monde inconnu, aux confins de steppes rongées par des vents amers et salés; la description de la terre et des hommes nous séduit plus par son étrangeté que par son exotisme. Nous imaginons difficilement, dans notre histoire occidentale, datée, chiffrée et mille fois racontée, alors que l'Europe se déchirait de la Prusse orientale aux Flandres, un peuple pour lequel ce conflit n'était qu'une lointaine querelle d'étrangers. Les personnages de Nourpéïssov évoluent dans un univers d'usages et de traditions, un champ clos que se partagent les coutumes tribales, les rivalités, les haines rituelles et les crimes. La violence et la force font la loi dans leur existence précaire que rythment le pas des chevaux, les ressacs et les tempêtes. Il faudra que le Tsar vienne recruter des troupes dans ce royaume en marge du sien pour que naisse, au cœur d'Elaman le pêcheur et de Khalen le voleur de bétail, une profonde et véritable révolte qui sera sauvagement réprimée. C'est de ce crépuscule des clans kazakhs que nous entretient l'auteur. Cette absurde injustice ne restera pas sans conséquences; à travers le bruit des chaînes qui accompagnent les forçats sur les routes de la Sibérie et au-delà de la mort des intrépides cavaliers djighites, Nourpéïssov nous laisse pressentir l'aube de la Révolution.

Esprit. 1967, n°359, avril, p 966-967

Abdejamil Nourpéissov
LA SAISON DES EPREUVES

Le premier volume du cycle de Nourpéissov, *Le Crépuscule*, dont l'action se déroulait vers 1915, alors que grondaient au loin les rumeurs des canons et des batailles de la Première Guerre Mondiale, retraçait, par le biais d'un certain nombre de personnages que pour la plupart nous retrouvons ici, la vie du peuple kazakh, étudiant ainsi à travers les fils de plusieurs récits, soigneusement assemblés en une trame commune, les moeurs de ces nomades soumis à d'ancestrales traditions, et tentait, au-delà de l'immobilisme qu'elles leur imposaient, de déchiffrer le destin même du peuple kazakh. A cet égard, *La Saison des épreuves* qui succède au premier livre dans une chronologie immédiate, marque une progression certaine: si la fin du *Crépuscule*, avec la mort des pêcheurs, tout comme avec la tentative de révolte fomentée par Elamàn, indiquait que dans les steppes d'Asie centrale et sur les rivages de la mer d'Aral une fissure (au moins au niveau de la psychologie de certains personnages) se dessinait *La Saison des épreuves*-- qui se passe en 1917, au moment de l'écroulement du pouvoir tsariste --montre que ce qui n'était auparavant qu'une ébauche encore au niveau de l'inconscient, va s'approfondir, que la lézarde devinée deviendra fêlure, que la révolte d'Elamàn qui lui a valu d'être déporté en Sibérie, puis envoyé, après son retour, sur le front de Turquie, arrive à un niveau de réflexion qui porte en elle les germes d'une action authentiquement révolutionnaire.

Sans doute, quand se clôt *La Saison des épreuves* (et il est probable qu'il faudra attendre la publication du livre ultime de ce cycle kazakh pour qu'apparaisse, entre autres, la véritable dimension du personnage d'Elamàn) la révolution n'est pas encore là: les privilèges des nantis --tel Tanirberghen-- ne semblent guère être menacés par le nouveau pouvoir qui est installé en Russie: Moscou, Saint-Pétersbourg et ce qui s'y passe-- c'est encore (et, est-il besoin de le préciser comme toujours, c'est-à-dire comme avant) une autre planète. Que les Turkmènes, pour se venger du vol de leurs chevaux sauvages, anéantissent les aouls (villages) kazakhs, fait en quelques sortes partie de la règle du jeu, tout comme les voleurs (et le tout puissant Tanirberghen à leur tête) ont, à ce jeu même, pris, en toute connaissance de cause, leurs risques. Si cette razzia mortelle, comme l'a écrit Nourpéissov, est un symbole, ce qui n'est certes pas celui de la révolution qui commence à s'étendre à travers la Russie, mais bien son contraire: les aouls incendiés le sont sans distinction et l'on ne voit guère dans ces représailles que les coupables y sont châtiés plus que les

autres. Il appartiendra même aux innocents – par rapport à cette affaire de chevaux volés – je veux dire aux pêcheurs, Elamàn et son vieux compagnon Mounké à leur tête, de tenter d'arrêter les Turkmènes. Ainsi le symbole est bien celui, dans sa violence, d'un ordre établi depuis les temps ancestraux. Quant la Révolution de 1917 renverse le tsar, on peut se demander, à la lecture de *La Saison des épreuves*, si le nouveau gouvernement pourra infléchir un tel ordre. Et quand Elamàn qui, au contact des ouvriers de Tchelkhar, la ville de sa jeunesse, a pressenti la nécessité de cet ordre nouveau, dit à l'un de ses ennemis: "tu ne sais pas que le temps des tsars est passé?", celui-ci réplique " Nous sommes au temps de Tanirberghen". Elamàn pose alors la question essentielle: "Ce ne sera donc jamais celui de notre liberté?"

Car c'est bien de cela qu'il s'agit et, roman d'apprentissage de la révolution, *La Saison des épreuves* nous décrit une société entièrement asservie, mais, à la différence de celle du *Crépuscule* (encore qu'il s'agisse pratiquement des mêmes gens) qui était écrasée par des conditions de vie souvent effroyables, elles-mêmes déterminées par la cupidité de quelques uns qui n'avaient d'autres ambitions que d'exploiter (au sens le plus juste) le travail des pêcheurs des aouls pauvres, nous nous trouvons cette fois en présence d'un avertissement psychologique. S'ils ne se superposent pas dans le temps (encore que Nourpéissov ait, pour renforcer cette impression d'écrasement et d'immobilité, renoncé à introduire, hormis, banale, celle du cycle des saisons, toute notion de durée) les deux romans se complètent ainsi et donnent, en profondeur, une vision globale de la vie et de la manière de vivre des Kazakhs. Mais en se demandant (et y répondant) ce qui, chez ces êtres, est, par essence, contraire à la liberté, Nourpéissov introduit une notion critique qui marque, par rapport au *Crépuscule*, une progression très nette et qui, dans le même temps, impose sinon une certaine distance, du moins un recul appréciable par rapport au roman initial: le mouvement qui anime au moins les deux premiers volets de ce cycle est celui de l'éloignement (mais non du détachement) qui entraîne nécessairement un élargissement de l'horizon

La Saison des épreuves se termine ainsi sur une rupture. Pour Elamàn, le monde ne saurait plus se limiter au seul monde kazakh, replié sur lui-même, enfermé dans ses moeurs tribales, prisonnier de lui-même: son peuple (celui d'Elamàn), en somme peu nombreux, avait conquis des terres, mais qu'y avait-il gagné? Oui, vastes étaient les terres, mais les pensées et les actes de son peuple étaient-ils à leur mesure? (...) Il avait compris que son peuple ne pouvait pas continuer à vivre sans faire sa propre révolution. Et la révolution, ça s'apprenait chez les Russes. Mais si, au terme du roman, marqué comme dans *le Crépuscule*, au niveau de l'individu, par une suite d'échecs, pour Elamàn qui est, ne l'oublions pas, l'un des rares Kazakhs à être sorti (même contraint) de son vaste pays, et

à y être revenu en ayant appris ailleurs quelque chose – au moins le début d'un révolution – le problème peut paraître simple qui consiste enfin à demander aux Russes la façon dont on peut bouleverser un ordre solidement établi (mais le pouvoir tsariste l'était-il moins?) Nourpéïssov a pris soin ainsi, tout au long de *La Saison des épreuves*, de nous donner à voir, dans la mentalité kazakh, ce qui avait miné ses forces, donné naissance à des guerres intestines qui livraient le peuple kazakh tout entier au mépris et à l'oppression de quiconque voulait s'en donner la peine. A tel point que l'entreprise d'Elamàn, à tout le moins son projet, peut sembler, à la réflexion, quelque peu utopique.

Ainsi, *La Saison des épreuves* nous montre-t-il le plus souvent, ponctué de récits qui ne sont jamais donnés comme tels mais comme des épisodes plus ou moins marquants, plus ou moins chargés de conséquences (quand ils ne sont pas l'écho ou le rappel d'événements *rapportés* – dans *Le Crépuscule* s'insérant parfaitement dans la trame des jours, la vie quotidienne des Kazakhs et, partant, leur manière de vivre. Pour mieux faire ressortir ce qu'a d'absurde, d'humiliant et, au bout du compte de paralysant, cette existence, Nourpéïssov s'attardera longtemps sur les femmes kazakhs, celles que l'on oblige à vivre avec une première épouse, femmes-objets soumises à la volonté de leurs époux, bêtes de somme aussi, n'ayant rien à décider ou à choisir, ni d'autres fonctions que celle de perpétuer la race, mais ne songeant guère à se révolter contre une condition qu'ont déjà connue, vécue, leurs ancêtres. Femmes aussi que l'on répudie, brusquement, pour une autre et qui sont contraintes de quitter l'aoul, d'abandonner leurs enfants, et qui errent, comme des épaves, rejetées de tous. Ainsi en sera-t-il de la femme d'Elamàn Abkala, que Tanirberghen, dans *Le Crépuscule*, avait enlevée à son mari, et qui, chassée de l'aoul des riches, ne trouve refuge à Tchelkhar (où elle retrouve son ancien époux) et ne parvient à subsister que dans une affreuse détresse physique et morale. Mais si les femmes éclairent bien certaines réalités de la mentalité kazakh, il est un autre aspect non moins important qui est celui de la religion. *Musulmans* les Kazakhs ont leur Terre Promise: la Turquie. C'est le lieu de l'utopie, le territoire des rêveries paresseuses, l'image inventée d'un paradis dont nul ne songeait à aller vérifier la merveilleuse réalité. Il suffit qu'il soit la Terre Promise – une possibilité de vivre en attendant la mort.

Et pourtant la Turquie ça existe. Elamàn le sait. Il y a travaillé pendant la guerre, dans le froid, la faim, la peur. Il y a, à la sauvette, enterre son frère. Mais de retour au pays, comment dire à ceux de l'aoul des pêcheurs, aux vieillards, aux enfants, ce qu'il en est d'une Terre Promise qui ne l'est plus que dans leurs songes? Que pourrait-il leur raconter? Des villages, des petites villes, il en avait vu beaucoup en Turquie – mais la Terre Promise, non. Il n'avait trouvé que des paysans épuisés par leur dure besogne, comme partout ( ) De toutes façons les

pêcheurs ne le croiraient pas` Elaman ne s'attaquera pas aux mythes qui permettent -mais dans quelles conditions- à ses compagnons de vivre. Et l'on comprend mieux pourquoi, après avoir revu Abkala, retrouve son aoul perçu la nécessité de l'action il ira seul ailleurs apprendre la révolution qui sera leur délivrance. Il est beau de suivre à travers ce roman (et davantage encore quand on se souvient quel modeste pêcheur était Elaman au début du *Crépuscule*) les premiers frémissements d'une conscience puis la nécessité de plus en plus impérieuse de donner aux autres leur propre liberté. Mais il est beau surtout de retrouver dans *La Saison des épreuves* un roman aussi grand que *Le Crépuscule*. Ce qui n'est pas peu dire.

Les Lettres Françaises 1969, 24-30 dec, n° 1314

* * *

Nelly Stephan

Abdémil Nourpéïsov LES CENDRES DE L'ÉTÉ

La lutte des Rouges et des Blancs, la victoire des communistes est depuis longtemps entrée dans l'histoire. Et nombre de ses péripéties ont trouvé un narrateur, sont entrées dans l'histoire, ainsi des combats du Kazakhstan. Après *Le Crépuscule* et *La saison des épreuves*, ce troisième volume nous conte l'épilogue, la déroute des Blancs à la bataille d'Aralsk. L'armée rouge y reçoit le renfort des pêcheurs et des plus pauvres parmi les nomades dans la steppe, l'opposition des propriétaires de troupeaux et des gardiens à leur service est bien l'opposition de deux classes sociales. L'auteur peint avec amour les hommes et les terres de son pays kazakh, la vie sous la *iourte* de feutre, les cérémonies de noces ou d'enterrements, les chevauchées. Nous partageons le sort du courageux Elaman et de ses frères d'armes, nous nous indignons lorsqu'il est lâchement assassiné. Son dénonciateur, le *miza* qui l'employait jadis, subit la lente agonie de l'armée blanche défaite et sait mourir en Orient. Avec lui, c'est tout un monde qui meurt, celui des Mille et Une Nuits. On aimera ce livre pour sa chaleur humaine, son sens de la justice, on sera fasciné par les merveilleuses évocations de la steppe sans limites et des fiers cavaliers qui l'habitent.

Europe 1969 n° 564-565 p 247

Le soleil des pauvres

Prenons les distances: la littérature soviétique est à l'image du pays. "*Les Cendres de l'été*", d'Abdémamil Nourpéïssov est le troisième volume d'un roman dont le premier, "*Le Crépuscule*" nous a été donné en France il y a neuf ans, et le deuxième, "*Le Temps des épreuves*", il y a six ans. Il atteint ainsi ses mille grandes pages. En U.R.S.S. aussi, la publication du livre s'est étendue sur plusieurs années; cette dernière partie a paru en revue à Moscou à la fin de 1972. Il s'agissait, pour le lecteur russe comme pour nous, d'une adaptation ou d'une traduction, le livre ayant été écrit en kazakh. Et c'est d'un petit endroit situé à quelques deux mille kilomètres de Moscou qu'il nous parle d'abord, et surtout: au nord de la mer d'Aral, un village de pêcheurs, en 1914, et nous suivons pendant les cinq ou six ans d'un grand tournant du monde une poignée d'hommes, au fond, rencontrés là dès le premier volume.

Des hommes dans l'histoire: l'histoire est celle de l'"écroulement" – c'est à peu près le titre russe de cette troisième partie– du pouvoir des Blancs et des "riches": 1919-1920, Koltchak vaincu, l'hetman Dourov refoulé en Chine; l'événement du livre, la bataille décisive sous Aralsk. Mais entre les pages de cette histoire, il y a ces hommes surtout, et qui sont-ils, pour nous venus de si loin ? Tout le contraire de "grands personnages": ils tiennent plus de place ici que Koltchak, Dourov, justement, ou le général Tchernov, ou même que les commandants de l'Armée rouge, mais qu'ils s'appelle Elaman, Khalen ou Taniberghen, nous perdriions beaucoup si nous ne les avions pas suivis depuis l'aoul des riches et l'aoul des pauvres, les deux villages ou groupes de tentes, entre lesquels tout se passait dans "*Le Crépuscule*" une vie d'avant Moyen Age, dont le souvenir, si peu d'années après, donne toute sa profondeur à ce qui gagne ainsi, à deux ans d'Octobre, l'Asie après le plus grand pays d'Europe.

Pauvre Elaman, pêcheur, et Khalen comme lui: "Été comme hiver, les pêcheurs demeuraient dans leurs huttes humides, au-dessus de la mer. En été, ils étaient dévorés par les moustiques. Le dernier des miséreux pourvu qu'il possédât au moins deux têtes de bétail, partait aux djailiaou (pâturages d'été) où l'air était pur et l'herbe verte. Mais les pêcheurs ne pouvaient même pas s'offrir cela. Ils ne pouvaient pas quitter la mer. Ils étaient comme un équipage qui n'abandonne jamais son navire." Tout de même, aux pires moments, le mouvement peut se faire dans l'autre sens: "Cette année-là, l'hiver de la steppe fut des plus rigoureux, si rigoureux que dans quelques aouls il faucha tout le bétail. Par campements entiers, les Kazakh dévalèrent vers la mer. Ils ne

faisaient que répéter la même chose sur tous les modes: "Au bord de la mer, on ne meurt jamais de faim". Et ils tournaient autour des entrepôts. Ils ne demandaient pas à être payés, pourvu qu'on leur prêtât un filet, qu'ils eussent du poisson à manger, c'était assez".

Entre les riches et les pauvres, et entre les pauvres eux-mêmes, des rapports d'une violence infinie. Etre batyr, brigand, voleur de chevaux, comme Khalen le géant, est un premier pas vers la dignité d'homme. Payé de l'exil en Sibérie, pour lui comme pour Elaman. Et la dignité des femmes? C'est sur elle que tout retombe, misère totale, insultes, coups. Ce que le talent de Lily Denis sait traduire dans ce troisième volume par "la grand-pitié des femmes". A vrai dire, le premier disait "la grand-pitié" de tous. Taniberghen lui-même, le mrza, noble, sur qui s'achèvera significativement "*Les Cendres de l'été*", peut paraître souvent plus victime que bourreau, et près de lui on voit bien les raisons qui poussent son frère, Jassanjan, à rejoindre l'armée révolutionnaire, et d'abord tous ceux des rivages ou des steppes à refuser de servir "le tzar blanc". C'est tout cela –à travers le dernier mot de Khalen, à la fin du "*Crépuscule*": "Vous m'avez battu, tout va mal... Mais un jour le soleil se lèvera aussi pour nous!" –qui se prolonge sous la victoire et la défaite des uns et des autres, y compris ceux pour qui c'est à la fois victoire et défaite, dans ce dernier livre, qui à son tour éclaire tout ce qui précède.

Un mot pour chacun? Elaman, qui rejoint un détachement ouvrier, au noeud ferroviaire de Tchakhar, s'acquitte de missions diverses, recrutant hommes et chevaux, se faisant passer pour un mrza afin d'espionner les Blancs; Khalen, capable à lui seul de faire mourir de soif une armée dans les sables; Taniberghen devenu "guide" de cette armée des Blancs, et en subissant la honte et le châtement, Jassanjan plus hésitant de jour en jour... Des hommes, et leur flottement dans la tourmente "C'est quand même curieusement fait, un homme. Quelquefois, l'angoisse vous tord à tel point que votre cœur se recroqueville comme une peau d'animal flambée. Et alors, le monde immense, le monde sans entraves s'amenuise à tel point que, pour un peu, il vous tiendrait dans le creux de la main. Le noir destin vous attrape, vous serre dans ses fers, vous prend à la gorge... Et si l'on ne le supporte pas, c'est la fin, il vous étouffe, il vous brise".

Et autour d'eux, tous sont comme eux, pour le bien ou pour le mal, objets eux-mêmes d'un grand combat, ces commandants révolutionnaires venus de l'armée du tzar: celui-ci qui se bat pour le peuple sans l'aimer; ce commissaire politique faible et énergique à la fois, et aussi ce général russe que tout trahit et abandonne, sauf le sens de l'honneur et du devoir tels qu'il les entend", ce jeune officier qui valait mieux que sa mort, seuls ou ensemble, comme ce régiment Piastounski, qui change de camp

Des hommes, un pays, riches de toute leur particularité, et ce qui nous touche en eux est bien autre chose qu'un dépaysement, un exotisme, dans ce grand roman qui émerge à peine de l'épopée ancienne, écrite ou non. Ces chevaux –la plus grande présence dans le livre après les hommes–ces chevaux menacés par les loups ou jetés à l'assaut, ces chameaux, comme l'eau ou les sables, ces pêcheurs perdus sur les glaces en débâcle, ces puits asséchés, pour l'équivalent là-bas de la "terre brûlée", ce qu'ils nous disent, c'est que tout, partout, et tout homme et tout peuple a cette complexité respectable, et qui peut être portée au meilleur comme au pire. "Bien des fois Elaman avait vu des gars de Russie, ses camarades de combat, s'attrister dans les tranchées à l'époque des semailles, des foins, de la moisson, repenser à leur maison, à leur famille. Alors, d'étranges pensées lui venaient à l'esprit. Bien des choses de ce monde échappaient à son entendement, à son intelligence...".

Ce qu'il en saisit cependant, lui permet déjà, malgré tout un passé d'ignorance et l'incertitude de l'avenir, de faire ce qu'il peut pour que soit tenu ce serment de Khalen, que commence à luire ce soleil des pauvres.

Humanité. 1976, 12 février, p. 8.

* * *

Anne Philipe

AU PAYS DES VOLEURS DES CHEVAUX

Au Kazakhstan. –Nous sommes arrivés à Alma-Ata à la fin de la nuit. Simachko et Nourpéïssov nous attendaient. Nous avons traversé la ville endormie. Je reconnaissais les avenues très larges, les petites maisons russes, puis les immeubles modernes, les allées et contre-allées d'arbres qui font d'Alma-Ata une des villes les plus vertes du monde. Les nuages et la nuit dérobaient les montagnes.

"Chez nous, dit Nourpéïssov, quand un cavalier arrive près d'une "iourte", il dit: "Khaverlass", "Viens au devant de mes paroles". Et il ne descend pas de cheval avant qu'on lui ait répondu... La réponse n'est pas nécessairement un mot, mais quelqu'un apparaît sur le seuil et alors seulement le cavalier descend de sa monture".

Lorand Gaspar évoque le rite d'accueil au Moyen-Orient: quand un homme poursuivi arrive près d'une tente, il touche simplement un des cordages, cela signifie qu'il demande aide, et cette aide lui est toujours accordée. Et je fais remarquer que ce sont là les mœurs de nomades à travers le monde.

"Nous n'avons pas toujours été nomades, répond Nourpéïssov, nous avons connu une grande civilisation, notre pays, à une époque, fut

plein de vastes villes: Otar, par exemple, qui a été rasée par le fils de Gengis Khan, en 1232. Elle possédait une remarquable bibliothèque, la deuxième au monde, juste après celle d'Alexandrie. Nous travaillons avec passion pour retrouver les traces de notre civilisation... Nous les retrouverons...

- *“Pourquoi écrivez-vous?*

- Ce genre de chose n'est pas du ressort de la volonté d'un homme ni de ses désirs. Pour moi le talent est un don de Dieu, c'est tout ce que je puis répondre.

- *Un événement a-t-il suscité ce don de Dieu?*

- Dès l'école j'ai eu envie d'écrire. C'était la guerre, un oncle m'avait recueilli, je lui dis que je voulais devenir écrivain. J'avais commencé un récit sur un personnage qui m'enthousiasmait, voleur de chevaux, révolté et chanteur populaire. Il s'appelait Sary Batak, il est mort à vingt-cinq ans, abattu par la police tsariste.

- *Vous vous en êtes inspiré pour Khalen dans le Crépuscule? Mais le voleur de chevaux est un personnage important dans le pays, Aïtmatov aussi en parle.*

- Oui. Ils ont disparu maintenant. Ils étaient respectés pour leur courage et leur habileté. Je me souviens de l'un d'eux, dans son aoul (village); dès qu'il arrivait nous nous rassemblions autour de lui et nous l'écoutions chanter; il chantait très bien...

- *N'y a-t-il pas chez vous, plus fort que tout, le désir de raconter l'histoire du peuple kazakh?*

- Je suis né dans un aoul très pauvre, au bord de la mer d'Aral, on y vivait de la pêche. Ces quelques mètres de steppe où, les pieds nus, j'ai fait mes premiers pas puis poursuivi les agneaux, où le soleil m'a brûlé, sont le lieu du monde que j'aime le plus...

Grâce à la force de nos coutumes et de nos traditions, notre sagesse est préservée et survit dans la vie moderne. Mon peuple est un peuple intellectuel, je vous dis cela catégoriquement, et je sais que certains ne sont pas d'accord avec moi. Habituellement on appelle intellectuel, un homme qui a fait des études, mais il faut savoir que les études sont une chose, et les dons naturels de l'esprit, une autre. Dans ce sens-là Dieu n'a pas oublié mon peuple.

- *Dieu ?*

- Quand je dis Dieu, je pense la Nature.

Les gens de ma famille vivent maintenant dans une maison moderne, mais à côté du frigidaire existent les éléments d'une vie presque féodale. Quand le premier avion à réaction de la ligne Tachkent-Moskou a survolé le village en 1958, cette trace dans le ciel, ce bruit

cette rapidité, les habitants y avaient vu l'apparition d'un dragon; petits et grands s'étaient précipités dehors en frappant sur des casseroles et des seaux, ainsi pensaient-ils avoir chassé et vaincu le dragon.

J'ai fait mes premières années d'études dans mon aoul et, là, on ne m'a jamais parlé de la littérature russe, européenne ou même kazakhe. Notre patrimoine culturel, c'était les vieux, dans le cercle de famille, qui nous le faisait découvrir. Aujourd'hui encore, ils sont les plus éloquents.

- *Que savez-vous de vos propres ancêtres ?*

– Jusqu'à la septième génération, ce que je sais d'eux, c'est par ouï-dire, par des légendes en somme. Des poèmes chantent la puissance de leur race, de leur tribu, de leurs troupeaux, de leurs pâturages, de leur générosité et de leurs exploits pleins de bravoure.

Mon père, Karim, devint très tôt orphelin et, de ce fait, perdit sa fortune. En ce temps-là, on appelait les enfants de riches des "mourzas", on dirait aujourd'hui des "gandins". Ils étaient soignés de leur personne, élégants, des aristocrates... Ils montaient des chevaux superbes et rétifs, chargés d'ornements d'argent; ils s'efforçaient de se choisir une suite de beaux jeunes gens; entre leurs mains tout devenait clinquant, miroitait. Leur parents ne lésinaient pas sur les têtes de bétail pour marier leurs fils aux plus belles filles du district. Ils étaient les enfants chéris du destin et vivaient, ainsi que la plupart des enfants chéris, dans l'insouciance et l'irréflexion.

Mais la nature, parfois, ou les circonstances anéantissent en un hiver les troupeaux et les richesses... Et les "mourzas", alors souffraient plus que les autres dans leur chair et leur amour propre. Par bonheur, mon père trouva la force et le courage de s'adapter à ses nouvelles conditions de vie. C'était un chasseur invétéré; il possédait un bon cheval, un bon chien, et souvent, il nous a nourrit du simple produit de sa chasse. Vint la collectivisation. Il entra dans un artel de la pêche (pêcherie collective). Il fut tué pendant la guerre dans un combat nocturne, à Ternopol, le 21 avril 1944. Ma mère, Balkenji, était une ménagère analphabète, chargée des interminables soucis d'une grande maisonnée réduite à la portion congrue. J'étais encore un petit garçon, mais, avec la tortuante lucidité enfantine, je me rendais compte à quel point sa vie était douloureuse. Bien qu'elle fût la première épouse de mon père, sa jeune rivale, plus belle et plus douée pour le succès, l'emporta sur ma mère et la fit chasser de la maison. Ma mère ne supporta pas le chagrin, tomba malade, dépérit et mourut sous mes yeux, quand j'étais encore tout jeune.

J'ai grandi dans l'ère soviétique. A cette époque, la steppe vivait en état de rupture. Sur les ruines du vieux monde abattu, commençait à naître une nouvelle époque. Dans les aouls les plus éloignés, on voyait

apparaître des hommes d'un tempérament extraordinaire, au visage hâlé et décidé. C'est dans ce climat que mon esprit s'est formé.

• *Parlez-moi de votre trilogie.*

- Imaginez le chaud été de 1947, la steppe d'absinthe brûlée de soleil, au Kazakhstan, quelque part au bord de la mer d'Aral. J'étais un garçon de vingt-trois ans, encore imberbe; je revenais de la guerre dans un vieux chariot grinçant. L'homme qui conduisait se taisait; je m'ennuyais. Je me suis mis à marcher à côté de la charrette; j'ai enlevé mes souliers, et, en sentant le sable chaud, je ne sais pourquoi, une tristesse et une angoisse profonde me saisirent... Je voyais la steppe inhabitée, sans vie elle semblait morte et brûlée. Mais cette terre silencieuse, je savais que des hommes l'avaient habitée, s'y étaient animés, haïs, que des troupes l'avaient parcourue, que le sang y avait coulé, et des larmes et combien de sueur. Et ces deux mots, sang et sueur, ont provoqués en moi une sorte de cristallisation; je me suis dit que le plus précieux, dans l'homme, est la sueur et son sang et qu'on ne leur accorde jamais leur juste prix. Le titre et le thème ont surgi en même temps. Très vite j'ai su que l'action se passerait entre 1916 et 1920; ce sont les années les plus dures et les plus significatives.

J'ai constitué un matériel d'archives historiques. Pendant des jours, des semaines, j'ai parlé avec les vieillards des villages de mon enfance. Chacun de mes personnages est inspiré par des hommes et des femmes que j'ai connus, qui ont vécu.

La compassion, la compassion pour les êtres et pour les peuples... C'est la qualité la plus noble et la plus élevée de l'homme. Peut-être est-ce pour cela que les grands livres sont rarement gais. A vrai dire, la vie est dure, parfois atroce, et nous la traversons grâce à la compassion. J'en arrive à aimer souffrir, et je me plonge alors dans la tristesse, car, en elle, je réfléchis, je comprends davantage, je vis plus totalement. "

Le Monde. 1973, 29 mai, p.18.

* * *

Anne Philipe

Légendes et histoires turkmènes

Achkhabad est à la frontière de l'Iran, à l'autre bout de l'Asie centrale. Il fait chaud, 30 ou 35 degrés, et le ciel est pur. L'air y a un autre parfum: on y retrouve l'Orient.

C'est dans un des calmes jardins publics d'Achkabad, sous les hauts arbres aux feuilles grises de poussière, au milieu des tourterelles familières qui marchent autant qu'elles volent et vous entourent de leurs

roucoulements, que j'ai eu la première longue conversation avec Simachko. Nous nous tenions au pied d'une étrange statue de Lénine, debout, le bras et la main tendus vers l'horizon, dressée sur un socle en mosaïques multicolores imitant un tapis.

• *Expliquez-moi votre titre Sables rouges et Sables noirs.*

– Géographiquement, l'Amou-Daria partage le désert en deux parties: au nord, le Kizil-Koum, les Sables rouges; au sud, vers l'Iran, le Kara-Koum, les sables noirs. Ici, nous sommes dans les Sables noirs. Quand nous remontrons vers le nord pour aller à Khiva, nous survolerons le fleuve et entrerons dans les Sables rouges.

• *Vos nouvelles, sauf la dernière, se passent entre le dixième et le douzième siècle; votre prochain livre, Mazdak, au cinquième siècle. Qu'est-ce qui a déterminé votre passion pur le passé et l'histoire?*

– Dès l'enfance, j'ai aimé l'histoire. A dix-sept ans, j'avais lu tous les livres parus en russe. Le plus beau reste celui de Tinianov, *la Mort du vizir Mouktar*. Cette passion de l'histoire, je l'observe aussi chez les enfants de mes amis. Je trouve ou retrouve dans la haut époque quelque chose qui me plaît, m'influence, avec quoi je coïncide, dans le style, la formulation, autant que la pensée. Psychologiquement, les personnages historiques vivent autour de moi, dans les gens que je rencontre ici, dans cette région d'Asie centrale. Quand je dis Asie centrale, il ne faut pas en dissocier l'Iran, ni sa culture, ni ses légendes. Le complexe irano-touranien ne peut être séparé¹.

Nulla vie humaine ne s'écoule pour rien; chacune dépose sa couche; c'est là un fait biologique et génétique connu. De même, aucun événement historique ne se produit sans déposer son limon, et la moindre conquête exerce son influence sur la culture profonde du pays occupé, et le vainqueur à son tour, même encore plus profondément, est influencé par le vaincu.

La partie où nous sommes a été envahie par Alexandre de Macédoine, les Arabes, les Mongols; les populations ont été exterminées, les villes rasées, reconstruites ou abandonnées. La terre est pleine de sang. L'histoire du monde s'est concentrée ici précisément, car ce lieu était le noeud des relations entre l'Orient et l'Occident. Les grandes conquêtes, les grandes migrations, c'est ici qu'elles commencent. Ensuite seulement, elles vont déferler sur l'Europe. En lisant la Bible, on

---

¹ Le Touran: royaume d'Asie centrale qui comprenait le Turkestan, les steppes de l'Oural et la région sibérienne. C'était un territoire fluctuant qui commençait au nord de l'Iran et se perdait vers la Sibérie.

découvre que les personnages importants de Judée étaient liés à l'Iran, et ce n'est pas un hasard si Alexandre de Macédoine y transporta sa capitale.

J'ai longtemps vécu ici, j'y ai comme on dit en Russie, "*mangé beaucoup de pain et de sel*". J'y ai passé une partie de la guerre comme soldat, j'ai survolé le pays comme pilote de chasse, j'y ai été journaliste dans un quotidien; c'est un métier où l'on va au plus secret des êtres, j'ai suivi les crimes, les vengeances, les événements. Cette vérité de l'homme que j'approchais ou découvrait en tant que journaliste, j'ai essayé de l'atteindre dans mes romans. C'est la même.

- *Parlez-moi des héros de vos nouvelles.*

– Emchan, la première nouvelle, qui raconte la fin du sultan Baybars, qui fut un personnage historique très important; s'il n'avait pas arrêté les Huns, la civilisation égyptienne aurait été noyée. Authentique mamelouk, il avait été emmené d'ici comme esclave en Egypte. J'ai voulu voir clair dans les sentiments les plus primitifs d'un Oriental qui fut un grand meneur d'hommes, alors qu'il n'était pas un dynaste mais un esclave.

- *Et la deuxième, la Tentation de Fraghi ?*

– Fraghi est un poète, il s'appelait en réalité Mhahtûm Kûli, il ne connaît pas les pensées ornementées, en cela il est un véritable Turkmène. On ignore sa date de naissance exacte. Ses poèmes sont une sorte de méditation. Je me suis passionné pour son oeuvre et l'ai lue dans les bibliothèques, j'ai entendu ses chansons sur tout le territoire de l'Asie centrale. et j'ai regardé les yeux de ceux qui l'écoutaient... Il a assumé le rôle du poète, il en a le courage et la grandeur, il est prêt à donner sa vie.

La troisième nouvelle relate *le Pèlerinage d'Omar Khayyam*. Cent cinquante ans après sa mort, Al Qefti a écrit: "*Il a pris dans ses mains les rênes de sa raison et accompli le pèlerinage, poussé par la peur des hommes et non par la crainte de Dieu*". On sait aujourd'hui que c'est exact. Il vécut sous l'empereur Sandjam, de la dynastie des Seldjoukides. Au début, ces barbares respectaient les savants; dès qu'ils eurent appris le Coran, ils prétendirent conduire les hommes. Omar Khayyam fait partie, avec Ferdoussi et Avicenne, de cette renaissance iranienne qui refléurit quatre siècles après la conquête arabe. Plus tard, l'Iran fut envahi par les Mongols, et la pensée fut à nouveau étouffée. Omar Khayyam connaissait si bien le Coran qu'il pouvait le réciter, dans les deux sens, et cependant il n'acceptait pas le dogmatisme. C'était un

homme taciturne, renfermé, à l'époque dont je parle il établissait ses tables astronomiques et écrivait son livre sur la théorie des nombres.

• *Et la dernière nouvelle, Sables noirs?*

– Ce fut ma première oeuvre vraiment littéraire, je subissais encore diverses influences. Mais le sujet, “la vendetta”, je le connais bien. Autrefois c'était la loi, il en reste encore des séquelles.

C'est la seule de mes nouvelles qui se passe dans les temps modernes. Je n'avais pas encore lu Platonov, sinon j'aurais écrit d'une façon différente. Personne parmi les Russes n'a su comme lui parler de l'Asie centrale. Il y fut envoyé par Maxime Gorki et s'attacha tellement au pays qu'il y resta deux ans. J'ai adressé cette nouvelle à la revue *Novy Mir*. Elle fut acceptée. C'était le moment où Tvardovski en devenait directeur... Un homme étonnant qui fut la conscience de la littérature soviétique...

• *Soljenitsyne sur la tombe, le jour de son enterrement, lui rendit hommage, n'est-ce pas ?*

•
– Oui, il le fit.

L'idée de *Sables noirs* m'a été inspiré par le pays lui-même et la psychologie turkmène, qui est directe, rectiligne. Dans le désert le regard n'a pas le droit de s'égarer ni de se tromper, il n'y a pas de place pour la fantaisie, voyez le Coran... Quand on connaît un peuple par le coeur, son histoire vous apparaît toujours comme évidente.

• *Et Mazdak, votre prochain livre?*

– Encore un livre historique! C'est un personnage à moitié légendaire. Il était zoroastrien, croyait donc à l'égalité des hommes... Vous savez comme cette religion a influencé le christianisme d'Orient. Il fut le premier à tenter d'introduire une idéologie communiste. C'est avec lui que naquit le drapeau rouge. Pour la première fois l'Asie voyait un mouvement révolutionnaire de masse.

Aujourd'hui, dans les erreurs de mouvements “gauchistes”, on retrouve un écho des événements dont je parle. Je montre dans Mazdak un communisme mystique et idéaliste ne tenant aucun compte de la nature et des passions humaines ni des lois de l'histoire, mais qui est sincère et veut la justice et la vérité. Au bout du compte, ce mouvement révolutionnaire ramène l'humanité en arrière. Mais ne fût-ce que par l'ébranlement qu'il provoque, il a une fonction à assurer.

18-224

•Pensez-vous que le socialisme a changé les rapports humains?

– Seules changent les formes. Le coeur, les sentiments, restent les mêmes, sinon nous deviendrions des fourmis”.

Le Monde, 1973. 29 mars, p. 18

* * *

Lily Denis

A l'infini du temps et de l'espoir

Dans ce *Mazdak* fourmillant d'hommes et bousculé d'événements, deux conducteurs nous sont donnés: la petite silhouette modeste d'un scribe royal qui sera, de la première à la dernière page, le témoin de l'Histoire, et une grande ombre rouge faite de flammes, de sang et de soleil, forme versatile parfois réduite au fil tranchant du glaive, parfois dansante de joie, parfois étendue sur un pays entier ou reculant devant la nuit boiteuse des basses oeuvres: son rouge mêle l'écarlate des Adorateurs du Feu, la pourpre et la cruauté aryennes et le premier grand rêve communautaire des hommes. Tous les historiens s'accordent à le dire: survenue en Perse au VIe siècle de notre ère, la révolution mazdakite fut le premier mouvement communiste du monde.

Mazdak est donc un roman historique au sens le plus véridique de ces deux termes contradictoires, car enfin qui dit roman dit fiction, qui dit histoire dit (ou voudrait dire) réalité. Ici, la fiction touche les personnages secondaires, la précipitation de l'aventure, l'évocation des passions et de leurs mobiles. La réalité va aux personnages principaux, grands ou petits, aux faits, au cérémonial, aux détails coutumiers aussi. Il n'en est pas un qui soit inventé, tous ont leur référence dans un ouvrage moderne ou dans quelques vêtements papyrus iranien. L'érudition qui donne à Simakchko une assise très solide n'entrave en rien le rythme d'une oeuvre faite de mouvement, d'aventure, mais aussi de cette réflexion approfondie qui est la marque des grands romans.

Beaucoup ignorent, ou ont oublié, ce qu'était l'Histoire d'Orient à cette époque. Pour nous autres, latins, c'est celle de Byzance –nouvelle Rome– et du Bas-Empire. Pour l'Iran, lieu principal des événements, c'est la période Sassânide où s'affrontent l'absolutisme traditionnel et les visées humanitaires, où coexistent trois religions: le zoroatisme (culte du feu) –religion d'Etat– le christianisme et le judaïsme, et où descendent du trône des vagues alternées de cruauté et de tolérance.

Pour parachever le décor, il faut ajouter le Touran, l'empire le plus mal connu de l'époque, et pour cause: sa population est partiellement nomade, ses frontières sont flottantes. Au nord-est, elles s'étalent sans

limites vers la Mongolie et la Sibérie, au sud-ouest, elles jouxtent l'Iran; mais il suffirait au Seigneur du Touran, franchissant les passes du Caucase, d'envahir le sud de la mer Noire pour déferler sur le monde byzantin. Pour fixer un peu plus les idées, rappelons encore que le Touran est peuplé de Huns Blancs, de Huns Jaunes et de divers groupes turciques; enfin, que ses sites les plus vivants correspondent à l'Asie centrale soviétique actuelle. C'est cela qu'explique la naissance du présent livre, écrit par un auteur de langue russe résidant au Kazakhstan et passionné de culture iranienne. L'action se déroule principalement à Nisibis, ville frontière proche de l'empire byzantin, puis le long du Tigre et à Ctésiphon, capitale du Roi des Rois, proche de la défunte Babylone; enfin à Merv et à Nisa, capitales parthes qui ne sont plus aujourd'hui que d'immenses dunes de poussière humaine, un poussière qu'il m'a été donné de laisser couler entre mes doigts.

Byzance, la Perse, le Touran –trois puissances, et déjà pour chacune d'elles le jeu louvoyant de la troisième force, les impondérables qui entraînent doucement le fléau des balances, l'intelligence de quelques hommes, infléchie, cependant, par leur caractère. Quel fut Kavâdh Ier sous le règne duquel se déroule le roman? Un homme dissimulé à la démarche lourde, qui détestait de verser le sang et de châtier, comme l'assure Moukhtar ibn Tahir el-Maqdisi? Faut-il penser, avec Hamza, historien arabe de Hira, que le royaume de Kavâdh tomba en ruines parce qu'il était préoccupé de vie future? Ou bien voir en lui, avec Simachko, le Clair Visage à la fois distant, rêveur et volontaire, partagé entre la morgue aryenne et l'idéalisme, puis peu à peu muré par les déceptions: Tel il était sur les drachmes frappées à son effigie. Et son regard était devenu lent: un regard de monnaie. Tel, hiératique et muet, il incarne la pensée rectiligne, la rectitude, la raideur iraniennes. Tel, à son côté, est son ami le guerrier Syavûch. Autre, son compagnon le mage Mazdak. Lui, il émerge du rituel et des préjugés du zoroastrisme, le lourd appareil des interdits ne le satisfait pas, il ne voit que la peine des hommes, l'injustice des puissants, la bêtise et la médiocrité de leurs séides. Et il prêche la mise en commun des richesses et des femmes. Kavâdh le favorise, alors que déjà les féodaux sapent son autorité, que ses frontières sont menacées par Byzance et que ses rapports avec le Seigneur du Touran auquel il paye tribut, basculent sans cesse. Étrange révolutionnaire, d'ailleurs, que ce Mazdak qui prétend "rétablir la vérité", c'est-à-dire affirme en termes propres qu'il revient en arrière, à des moeurs primitives. Serait-ce qu'il a peur de bondir en avant? Serait-ce qu'il est poussé par une générosité sentimentale sans assise idéologique? Est-il mû par une utopie égalitaire?

Autant de questions que se pose implicitement Avraam, le scribe royale à travers qui se fait toute cette chronique et auxquelles un simple potier apporte la réponse... Qui n'est qu'ouverture sur la question des questions:

- C'est simplement que tu n'as jamais travaillé de tes mains dit le potier. Moi, dès que je suis venu au monde, j'ai commencé à pétrir l'argile. Une argile pure et sans mélange. Moi, je ne peux pas douter. Si j'ai cru à cela, c'est que c'est la vérité (...).

La foi de ces gens était consciente, mais ce n'est pas cela qui frappait Avraam: le potier avait le sens de l'infini, mais il n'en voulait pas. Lucidement, implacablement, il balayait tous les autres systèmes possibles. C'est donc que sous le vaste front du mage était née la vérité dont les hommes avaient besoin précisément aujourd'hui. Elle seule. Aucune autre (...).

Et sans doute chaque vérité oubliée du passé avait-elle été nécessaire aux hommes. Ils la choisissent eux-mêmes et l'adaptent à leur temps. Alors, qu'est-ce donc que la vérité?

Toujours est-il que l'image de Mazdak devient de plus en plus floue à mesure que son mouvement dégénère, qu'un, puis deux, puis dix faux-Mazdak apparaissent un peu partout pour sombrer dans le féroce ou le dérisoire. De l'ardente lave rouge qui devait apporter la justice parmi les hommes ne restent que scorées. Les faux-Mazdak se perdent dans l'Histoire comme les fleuves hésitants dans les sables du désert.

Pris entre les grands brassages des civilisations, la résistance des féodaux, les subtiles pesées des puissances rivales, que deviennent, chez Simachko, les hommes, les petits hommes et leur vie quotidienne? Ils sont là, à chaque page, humbles ou notables, artisans ou chefs de communautés hétérodoxes dont l'Iran tolère l'existence. Simachko reconstruit tout ce monde, celui des écoles, celui du négoce, celui des poètes, des prisons, de la guerre, de la foi. Avraam les traverse d'un esprit tour à tour étonnement naïf ou avisé, porté par une intelligence dont l'instinct compense les défaillances. Jeune lettré particulièrement doué, ce n'est pas en intellectuel au corps débile et sans exigences qu'il se comporte. Sa chair a des appétits, des indécisions et des ignorances que la vie se charge de lui faire découvrir, et satisfaire parfois. Ce ne sont pas seulement celles du sexe: le plaisir de bien monter et de galoper à bride abattue à travers la steppe est riche de sensualité, et celui de tenir à deux mains les poignées d'une charrue qui éventre la terre.

Avraam est curieux de vie, aime les hommes, il sait s'associer à leur action comme à leurs jeux certains jours, se tenir à l'écart certains autres: il est un témoin idéal. D'autant plus que devenu historiographe du Roi des Rois, il sera le premier à établir la relation des légendes d'Iran et l'histoire des Sassânides, rédigeant l'ouvrage d'origine qui permettra cinq siècles plus tard à Firdôûsi d'écrire son célèbre *Livre des Rois* (*Chah-Nameh*), source de la plus belle tradition persane légendaire et historique.

Témoin idéal, Avraam sera loin d'avoir été un témoin heureux: une grande passion impossible, le massacre de tous ses amis, la déception

d'un songe humanitaire, et au bout de tout cela, la solitude... Une telle destinée pourrait paraître bien lourde si, de la lucidité des illusions défaites ne subsistait, plus fort que tout, le nimbe d'un rêve de justice.

Préambule – Maurice Simachko. *Mazdak* – Paris; Galimard, 1973, p. 9-13.

* * *

André Stil.

DU PASSE A L'AVENIR

Il est rare qu'une telle érudition s'accorde avec cette beauté d'écriture, sans l'alourdir ni la ternir.

Maurice Simachko, assez peu connu en Union Soviétique, et dont c'est le second livre traduit en français, grâce à Lily Denis, rend comme personne présent le passé le plus lointain. On dirait que pour lui il n'est jamais assez lointain ni étrange, comme pour un pari à tenir: tout ce qui a existé ou existe en ce monde nous concerne toujours, vous allez voir, est toujours capable de nous toucher au vif.

Dans la premier livre, *Sables rouges et sables noirs*, nous connaissons de l'intérieur le sultan Baybars 1er, au XIIIe siècle. Plus proche de nous, dans le temps, mais non dans l'espace, ni par quelque ressemblance des situations, dans ce qui est aujourd'hui le Turkmenistan soviétique, une autre nouvelle du livre nous faisait côtoyer le poète Fraghi. Une autre, un autre poète, l'auteur célèbre des *Rubaïyyat*, Omar Khâyyâm, dans la Perse des XIe-XIIe siècles. La moins ancienne nous disait le temps des "rêves de révolution" dans le désert du Karakoum. Aucune au présent, et pourtant, lecteurs actuels, pieux de ce présent, rien de cette lecture ne nous éloignait de nous-mêmes, au contraire.

Avec ce second livre, *Mazdak*, la gageure est poussée à l'extrême. C'est du VIe siècle qu'il s'agit, en Eran, qui sera l'Iran, et à propos de communisme... Imaginez un roman sur la Neustrie et le Chilpéric, grand-père de Dagobert, et encore n'y serait-on qu'à deux cents kilomètres de Paris. *Mazdak*, qui n'est plus une nouvelle mais un grand roman, rayonne, autour de Ctésiphon, près de Babylone, jusqu'à Samarcande et Constantinople. Et malgré ces distances, dans le temps et l'espace, tout y apparaît comme vu de près, avec cette présence de vie quotidienne, cette surprise des formes, couleurs, saveurs, sons, odeurs offertes à tout instant aux sensibilités les plus vivantes. Impossible de dire si tel détail relÈve d'une science étonnante ou d'une imagination juste. "On aurait dit qu'ils étaient peints, les longs melons sonnante qui s'élevaient en pyramide au bazar", cela pourrait aussi bien venir d'un texte ancien,

comme le goût du Roi des Rois, Kavâdh, pour le "châb mât", ancêtre des échecs, pourrait être inventé à coup sûr. A ce niveau, la traduction elle-même exige à la fois érudition et poésie. Ce n'est pas la moindre réussite de Lily Denis.

La Perse d'alors, c'est d'abord un contraste extraordinaire, saisi dans les choses mêmes, entre un ordre d'apparat –palais revêtu de plaques d'argent pour multiplier le soleil, trompes immenses, garde de lions enchaînés, lourds tapis et secrets– et une faiblesse réelle: "Rien n'est sûr dans l'Etat".

La raison principale: "C'est la septième année de la grand-faim en Iran". Vue d'abord par un ambassadeur de Zenon, empereur d'Orient, puis par le scribe Avraam, la grand-faim dépeuple les villages, mine le royaume. Le pauvre n'a ni nourriture, ni femme. Aux riches, harems et réserves de blé. Alors un mage apparaît, sauveur du peuple et du roi. Mazdak: "Il dit tout: et la plainte, et une amertume sans bornes, et l'espoir. Les chevaux eux-mêmes gardent la tête droite". Son prêche répond aux aspirations des foules qui l'acclament: "Appartiennent-ils donc à quiconque, le feu, l'eau, la terre dont est fait le monde ? Est-il juste que les uns possèdent plus que les autres ? Le mal est le fait du hasard. Il disparaîtra lorsque tout, sur terre, aura été distribué en parts égales".

Mazdak est un personnage réel, comme le roi Kavâdh, qui permet un début de mise en pratique de ces idées. Les malheureux envahissent les palais et se partagent plus ou moins proprement ce qui s'y trouve. Communisme est un grand mot, que l'auteur n'emploie pas, pour désigner ce qui ressemble encore à une révolte d'esclaves. Personnage réel aussi, Avraam, auteur de *Livre des seigneurs*, par qui Maurice Simachko se fait guider et nous fait guider ici, comme il l'avait fait ailleurs par ces autres hommes d'écriture, Fraghi ou Omar Khâyyâm. C'est grâce à lui, à ce qui passe de lui en nous comme à la première personne, que tout nous devient si proche, des petits moments des vies privées, les jeux, les plaisirs, les amours, les amours, jusqu'aux cataclysmes naturels ou non, qui sont images d'une terrible histoire: migration de rats dans le désert, trombes d'eau ou de poussière, hommes écrasés par des éléphants... "Les rats fuyaient l'Eranchâr, les écluses célestes se déchiraient, des sauterelles sans visage envahissaient la terre, des sages suppliciaient un enfant. Le monde sentait le sang et la fumée".

Car la répression des puissants contre les adeptes de Mazdak aux tuniques rouges se doublent bientôt de la folie meurtrière de "faux Mazdak", qui érigent en dogme la violence appelée par la violence. Débat entre Mazdak et Rôzbeh, comme entre Cimourdain et Gauvain

dans Quatrevingt-Treize, de V. Hugo, débat qui peut sembler également abstrait et contenir des leçons pour d'autres temps: "Souviens-toi, Rôzbeh, que la contrainte attire toujours les hommes de mensonge, si bonnes soient leurs intentions premières". Mais ce n'est pas sans malaise qu'on croit trouver là comme un clin d'oeil vers ce qui s'est passé en U.R.S.S. à la fin de la vie de Staline. Aussi grave que cela ait été, comparaison n'est pas raison, et l'Union Soviétique vraie est assez loin, en avant, du vrai Mazdak lui-même, pour pouvoir se regarder dans d'autres miroirs. A l'opposé, par exemple, d'une antiquité à grand spectacle, ce petit miroir, seul luxe de la chambre de Lénine et Krupskaja, dont il est question dans le beau et bon petit livre de Martine Monod, si sensible et juste, modeste et courageux, livre d'écrivain aussi en même temps que de militante, et où l'on voit –dans le petit miroir? dans le petit livre?– la sixième partie du globe mettre "l'avenir en chantier".

En dépit de tout, à la dernière ligne du livre, Mazdak "avait les yeux gris et purs et le front démesurément vaste", et le livre de Mazdak est beau comme une reconstitution éclatante d'une des plus anciennes tentatives de libération des hommes. Reconstitution par un chercheur passionné et un prosateur de grand talent, non exempt parfois de "cette tristesse" qu'on peut voir "à ceux qui on beaucoup lu", mais qui est convaincu qu'avec les vieilles chroniques, les relations plus ou moins vraies de ce qui a été, "les fables et les légendes impossibles sont aussi inséparables de la vie que l'esprit de la chair".

L'Humanité, 1973, 15 novembre, p. 10

* * *

Guy LE CLECH

Le premier drapeau rouge

Comment peut-on être Persan? Avec *Mazdak*, l'ironique question de Montesquieu retentit du fond des âges. Au sixième siècle avant Jésus-Christ, la Perse –sensiblement l'Iran actuel– est en proie à de profonds bouleversements. Maurice Simachko, en archéologue averti –ce qu'il s'était déjà montré avec un recueil de nouvelles, *Sables rouges et sables noirs*, dont j'ai parlé ici – se retrouve aisément dans un imbroglio géographique, historique, religieux, politique et social où le lecteur français a quelque mal à le suivre.

Un petit cours préliminaire à la lecture de ce roman s'impose donc. La dynastie des Sassanides, investie d'une majesté divine, règne sur un Etat fortement centralisé. La société se divise en quatre classes: paysans

et artisans, prêtres, guerriers et fonctionnaires, qui maintiennent la cohésion du pays. Le mazdéisme est la religion officielle et tous les dogmes sont transcrits dans *l'Avesta*.

A la fin du cinquième siècle, Mazdak, grand prêtre de cette religion, entreprend une réforme doctrinale dirigée contre la noblesse. Elle implique une révolution sociale, la mise en commun des biens et des femmes. C'est une sorte de communisme et Mazdak est le premier dans l'histoire à brandir le drapeau rouge. La situation extérieure du royaume n'est pas brillante. La Perse est menacée par les Romains en Mésopotamie, en Syrie et en Arménie, ainsi que par les Huns.

Sur cette toile de fond se nouent et se dénouent des intrigues en tout genre. Le roi Kavâdh sera déposé par son frère, un incapable, assisté de féodaux hostiles aux projets de Mazdak. Avraam, fonctionnaire et chroniqueur des événements rapportés dans ce roman, aidé de la touchante Blanche Faranghis, délivre Kavâdh. Mazdak poursuit son prêche en faveur d'une révolution qui prend un tour mystique, fondée sur la justice et la vérité immédiatement réalisées sur cette terre. Ce qui vous a des accents "gauchistes". Il enflamme, au sens propre du mot –car le mazdéisme est la religion du feu– le pays sur lequel s'est abattu par ailleurs une atroce famine.

De vastes espaces, couverts de sauterelles sans visage, parcourus par des troupes de rats pendant trois jours, dévastés par d'immenses incendies donnent à ce roman une dimension épique, que rehaussent encore des prodiges qui sollicitent vivement l'imagination. Ce qu'Avraam résume fort bien ainsi "Il est de plus en plus convaincu que les fables et les légendes impossibles sont aussi inséparables de la vie que l'esprit de la chair. Les actes réels s'entrecroisent avec les mythes et finissent par ressembler eux-mêmes à des contes."

Ce qui rappelle les beaux vers de Patrice de La Tour du Pin:
*"Tous les pays, qui n'ont plus de légende
Seront condamnés à mourir de froid..."*

Telle est, sans doute, la vraie cause de l'effondrement du royaume des Perses.

Le Figaro. 1974, 23 mars.

LA TENTATION DE L'EPOPEE

Maurice Simachko est un écrivain russe qui ne ressemble à aucun autre. On ne peut le situer dans la lignée des grands classiques, genre Pouchkine, Dostoïevski ou Tolstoï. Il ne correspond en rien aux romanciers présoviétiques ou soviétiques proprement dits, comme Gorki ou Cholokhov. Il n'est pas davantage un dissident dans le voisinage de Soljenitsyne ou de Siniavski. On verrait plutôt en lui un descendant de l'ésotérique Remizov, pour qui l'éclat valait plus que la chose contée, ou de Boulgakov qui, Freud aidant, cherchait dans toute clarté l'annonce d'une ombre trouble. Né à Odessa en 1924, pilote de guerre dans son adolescence, il s'installe en Asie, à Alma-Ata, et choisit de se faire le chantre des grands espaces où les épopées mongoles trouvent encore des échos. On a publié de lui, en traduction française, deux livres superbes qui traduisent cet état d'esprit, plus proche des Mille et Une Nuits que des diktats de Marx et d'Engels: en 1970, *Sables rouges et sables noirs*, où se déploient les fantasmagories et les splendeurs des déserts turkmènes et ouzbeks, en de longues litanies sur la vie et la mort; puis, en 1973, *Mazdak*, qui est l'histoire d'un prophète conquérant, au Ve siècle de notre ère. Ce personnage mythique, Maurice Simachko en fait à la fois une sorte de Mahomet, doublé d'un Raspoutine, la grandeur humaine étant, à ses yeux, un mélange de terreur et d'éblouissement.

Aujourd'hui, comme le titre l'indique, *La Sémiramis du Nord* ambitionne de tracer de Catherine II une image aussi lointaine que possible de la tradition, telle que l'on voulue les historiens du XIXe siècle et du XXe siècle. Maurice Simachko ne se veut pas un archiviste, et encore moins un chroniqueur à la manière allemande ou française. Il préfère, sur la base de connaissances détaillées et méticuleuses, donner de la tsarine un portrait plus intériorisé et, en même temps, plus lyrique. Le recul lui permet ce genre d'opération, que connaissaient les hagiographes du Moyen Age, lesquels ne se gênaient pas pour transformer un Clovis, un Charlemagne ou un Barberousse en géant de légende. Eux savaient déformer, arranger, omettre, dorer les apparences. Le rôle de Maurice Simachko est bien plus fondamental et mystérieux: il n'invente rien et il ne s'arroge pas le droit de travestir une vérité en soi très embrouillée. Contrairement à ce qu'on croit, est-ce que Michelet lui-même n'avait pas de ces raccourcis qui, soudain, déraillaient pour conférer à ses rois ou à ses héros une dimension que, faute de mieux, il faut qualifier de littéraire? Maurice Simachko sait se comporter en visionnaire, et cela seul compte. On ne devient pas Catherine la Grande en un jour ni en un an, et entre la petite princesse allemande de l'adolescence et l'impératrice il y a autant de métamorphoses qu'entre Octave et Auguste, ou entre Bonaparte et

Napoléon. Dès les premières pages du livre, on découvre une sorte de volonté de la célébration couplée avec le sentiment du destin. L'enfant est vite habituée à suivre des préceptes qui doivent la sauvegarder: de quoi exactement, elle ne le saura sans doute jamais. On croit en Dieu autour d'elle, mais on s'arrache quelquefois à son empire, comme pour montrer qu'on est capable d'indépendance. Le carcan des bonnes manières fera le reste: cette fillette sera-t-elle jamais libre, sauf dans les moments de sursaut, aussi imprévisible que violents? A force de se préparer pour la vie, ne va-t-elle pas la rater? Le sens du devoir, dans les petites cours d'Allemagne, est aigu: Catherine reçoit les échos du siècle des Lumières et, à la fois, tremble de faire un faux pas; adulte, elle sera toujours sans pitié, pour les autres comme pour elle-même.

L'amour et le mariage viennent dans un état un peu somnambule: on étourdit la princesse et aux devoirs de sa charge s'ajoute le cérémonial le plus étrange, voir le plus sauvage. Parmi d'autres devoirs, on lui a inculqué celui du bonheur: elle y fait face avec courage, mais il lui en manque. Les souverains, dans cette Russie encore peu civilisée, sont des tyrans: s'ils ne l'étaient pas, ils resteraient peu de temps sur le trône. L'impérial époux n'est qu'un fêtard incapable. A-t-on assez prévenu Catherine? La Russie est la patrie des complots et des assassinats. La voici monarque absolu. Une autre Catherine, de Médicis celle-là, avait connu une situation semblable. Elle sait vite choisir ses amis et ses idoles: ces intellectuels français qui comprennent le monde mieux qu'elle. Quant à ses favoris, qu'elle porte au pouvoir, quitte à le leur enlever avec brusquerie, sont-ils ce qu'il convient à la Russie? A chaque libéralisation correspond une révolte, et à celle-ci une sanglante répression. Le malheur russe, elle le devine: une élite de premier ordre et un peuple de pourceaux.

La femme a ses amours, ses soupirs, ses solitudes. La tendresse passagère peut, un moment la consoler d'un pouvoir immense, qu'elle-même doit juger excessif. Elle tient tête, même s'il lui faut en couper quelques-unes. Ce livre de Maurice Simachko est en même temps un récit rigoureux, un portrait juste, une psychanalyse respectueuse et une mise en épopée. La Catherine qu'il nous présente n'est pas nécessairement neuve: il lui donne une vibration lyrique tout à fait particulière. Le personnage entre dans le mythe sans effort.

Le Figaro. 1992, 6 avril.

Oljas Souleïmenov TRANSFORMATION DU FEU

Après *Le livre de glaise*, Oljas Souleïmenov, "linguiste par nature, ingénieur géologue de formation, poète par la grâce de Dieu", apparaît au lecteur français, avec *Transformation de feu*, dans toute l'ampleur, la diversité et la vigueur de son verbe.

A quel poète du XXe siècle s'applique mieux la pensée de Tynianov: "Il y a un diamètre de la conscience. L'intérêt pour le passé est simultané à l'intérêt pour l'avenir"?

Né au coeur de l'Asie, ce poète kazakh fait de la langue russe, par la *transformation du feu* d'un savoir inspiré, un merveilleux instrument d'expression de notre modernité: *épopées inouïes*, au-delà de tout exotisme, depuis les temps d'avant toute histoire jusqu'à nos lendemains menacés, avec souffle épique, ironie virulente, sarcasme, tendresse, passion, humour et toutes les ressources du vers et de la prose rythmée, connues et inconnues.

Une grande voix de notre temps, étrangement *autre* et *nôtre*.

Oljas Souleïmenov est né le 18 mai 1936 à Alma-Ata, capitale du Kazakhstan. La grande vague de la répression l'entraîne vers le Nord. Il ira en classe dans une école russe. De retour à Alma-Ata, il y fait des études de géologie, achevées en 1959. Cette même année, Léonid Martynov présente dans la Literatournaïa Gazeta quelques poèmes de Souleïmenov, admis à l'Institut de littérature de Moscou (qui forme les jeunes écrivains); Souleïmenov en sort en 1961. Cette année voit la publication de son premier recueil, Argamaki ("Les pur-sang"), suivi de Terre incline-toi devant l'homme (1961 également). Paraissent successivement de nombreux livres de poèmes, ainsi que des essais de philologie et d'histoire. Oljas Souleïmenov est aussi l'auteur de nombreux scénarios de films.

Oljas Souleïmenov. *Transformation du feu*. Paris: Gallimard, 1981
(annotation à la fin du livre)

* * *

Sur Oljas Souleïmenov

Oljas Souleïmenov est né en 1935, au Kazakhstan. Après les études de géologie, il parcourut son pays avec un groupe de recherches. Nous ignorons si le géologue Souleïmenov a découvert quelque filon, mine ou gisement, mais le poète a trouvé sa veine. Merveilleux alliage de tradition poétique kazakhe et de la poésie russe moderne, son oeuvre est aussi passionnante qu'originale – une pensée "scythe" exprimée en russe. "Nous sommes des Scythes!" proclamait Blok. "Les Scythes, ce

n'est pas une ethnie, c'est une éthique", réplique Souleïmenov. Modernisme aigu des conceptions et vieille sagesse orientale, pudeur des sentiments et franchise sexuelle, le brillant des paradoxes voilant la profondeur de la pensée, l'humanisme sous couvert d'une féroce ironie... Deux fois prix de poésie du Komsomol. auteur de sept volumes de poèmes que l'on s'arrache, Souleïmenov, pour le moment, travaille à une thèse de doctorat: "Le Dit de l'armée d'Igor", première oeuvre poétique russe. Ceux qui ont pu en prendre connaissance, disent que ce sera un ouvrage capital et révolutionnaire, bouleversant toutes les notions admises. Mais on espère que le docteur ès-lettres Souleïmenov n'oubliera pas qu'il est d'abord et avant tout poète.

A. Voznesenbky, R. Rojdestrenski. O. Souleïmenov
Mais la poésie...
Paris; Age d'homme 1972 - p. 132

* * *

Anne Philipe

"Le pragmatisme gêne la poésie"

Au Kazakhstan. Quand, à notre retour de Turkménie, nous sommes revenus à Alma-Ata, les arbres étaient presque nus, des centaines de volontaires balayaient les feuilles mortes. Pendant notre voyage, nous avons souvent parlé d'Olgas Souleïmenov. Simachko et lui sont liés par une grande amitié.

Souleïmenov est poète, plus agressif, plus intéressé par le monde moderne que Nourpeïssov et Simachko; il est jeune, ambitieux, passionné. Il n'a pas encore été traduit en français mais le sera bientôt. Actuellement, il organise une rencontre afro-asiatique qui doit se tenir à l'automne 1973. Il espère ainsi attirer le maximum d'écrivains d'Asie et d'Afrique et provoquer une confrontation des idées et des problèmes. Quand je lui ai demandé si les Chinois y prendraient part, il m'a répondu: "Oui, ils seront là, ils en ont exprimé le désir, et leur délégation sera importante". Il espère la participation d'environ deux cent cinquante écrivains et la présence d'observateurs des Etats-Unis, d'Australie, d'Amérique Latine, d'Europe, et même d'Israël

"Je suis un poète kazakh, me dit-il, et cependant je m'exprime en langue russe. Nous vivons dans un bilinguisme, et c'est à travers le russe que nous recevons la littérature mondiale. Près de 90% de notre poésie est restée orale, et même folklorique, or le papier a ses exigences particulières, il faut que les vers soient audibles et visibles. Nous pensons aussi avec les yeux. Etre moderne ce n'est pas nier ou renier une tradition, mais la continuer.

- *Existe-t-il pour vous une différence entre forme et contenu ?*

- En principe elle ne devrait pas exister... Je pense cependant que la forme est la civilisation, et le contenu la culture. Et je dis: peu importe la civilisation pourvu que la culture soit grande! Le contenu se coule dans la forme, un verre peut contenir du sable, de l'eau, de l'or.

• *Dans le Moyen-Orient où je vis depuis dix-sept ans, intervient Lorand Gaspar, les peuples doivent à la fois rattraper le niveau technique (ou accepter une nouvelle forme de colonialisme) et retrouver leurs traditions. Certains écrivains se demande s'il ne faut pas mettre l'art "en veilleuse" et s'occuper uniquement de bâtir, éduquer, exercer un métier; il existe un courant qui voudrait rejeter la culture et se concentrer sur les problèmes économiques et politiques. Est-ce que ces questions se posent ici ?*

- Nous étions, nous, dans des conditions particulières. Le colonialisme a été directement remplacé par "la fraternité des peuples". Du point de vue économique, nous nous sommes développés en même temps que la Russie, et parfois plus vite, car nous possédions de grandes richesses naturelles. Quant à nos poètes, pendant longtemps ils n'ont fait que chanter les louanges du succès économique.

En réponse à cet excès, la meilleure couche de nos penseurs s'est aujourd'hui dissociée de la vie économique. On prétend que la poésie n'est pas un métier. Le poète à mon avis est précisément celui qui ne s'occupe pas de "cultiver son jardin". Par instinct, intuition, il sent l'injustice, l'erreur, la faille... Dans l'Oural, actuellement, un fleuve se transforme en marais. Qui l'a révélé ? Un écrivain. Aucun organisme en place n'en avait parlé... Le poète peut, doit, participer à la vie mais sa mission n'est pas d'appeler à la construction des usines. Elle est d'élever l'homme dans sa conscience, de l'affiner... Le pragmatisme gêne la poésie.

- *Croyez-vous à une coïncidence entre le développement économique et culturel?*

- On le souhaiterait, mais ce n'est pas toujours le cas. La barbarie, ce n'est pas le cheval lancé dans la steppe, on la trouve aussi bien sous un pyjama de nylon... J'ai rencontré dans des villages de l'Inde des gens véritablement cultivés, profond, sages, d'une telle sensibilité que, même sans l'aide des mots, leur rayonnement était perceptible.

Et pourtant j'attache une immense importance à la langue: elle est à la fois témoin et véhicule. Quant à notre propre histoire, je suis convaincu qu'elle doit être la source principale de notre étude. C'est grâce à elle que nous découvrirons une période oubliée ou négligée. Il est important pour notre génération, à un moment où l'on parle tant de fraternité et d'égalité, que les peuples d'Asie soviétique, pour participer à cet état d'esprit, se sentent égaux, c'est-à-dire retrouvent leur propre

culture. La nôtre a été totalement détruite par les Arabes, qui nous considéraient comme des païens...

• *Où voyez-vous l'articulation entre culture et politique?*

- Pour acquérir un sens politique, l'écrivain doit connaître sa propre histoire, sa propre géographie. Un peuple s'exprime à travers ses poètes. Pour nous, Abaï¹ a joué ce rôle-là, et personne autant que lui n'a marqué du sceau de l'infamie les ennemis de l'intérieur. Il les vitupérait. L'écrivain louangeur va à l'encontre de son devoir.

Vosnessenski est de ma génération. il est mon ami. Son sens politique est très compréhensible pour un Français ou un Américain, parce que lui et eux ont en commun la culture du dix-neuvième siècle.

• *Vous tenez, je crois, particulièrement à un de vos recueils de poèmes, le Livre d'argile ?*

- Je l'ai écrit en 1969. Il m'a été inspiré par l'incapacité de nos historiens. Le socialisme donne la possibilité de poursuivre des recherches, mais eux continuent à vivre dans les préjugés du passé féodal. Le poème se déroule en Syrie; c'était alors, au treizième siècle, un pays florissant. Les barbares y font irruption; ils ont alors à leur tête le khan Ich Paka, et celui-ci, peu à peu, commence à trahir sa loi, la loi scythe: les peuples qu'il a vaincus le vainquent à leur tour. Selon la loi nomade scythe, un roi a le droit de commettre huit crimes, mais au neuvième il doit payer plus cher qu'aucun autre... Ich Paka est tombé amoureux d'une étrangère, et ce seul crime en vaut huit. Il se présente devant les juges, qui le condamnent à mort. Il a cessé d'être scythe, non pas ethniquement, mais sur le plan moral. J'ai voulu dénoncer ce moment où la loi n'est plus qu'un préjugé.

• *Trouvez-vous que l'information, dans votre pays, soit satisfaisante ?*

- Bien des points de notre histoire du vingtième siècle demeurent obscurs. Nous commençons à peine à découvrir quelle fut la tragédie de la collectivisation. Mais il peut être dangereux que la vérité éclate soudainement. On ne passe pas d'un seul coup du féodalisme au socialisme.

Depuis les années 1961-1962, nous jouissons d'une grande liberté. Avant, il y a eu des moments très durs. Une conception fautive avait été implantée par nos propres écrivains; nous vivions dans un monde manichéen; les ténèbres et la lumière, avant et après la Révolution... Nous, Kazakhs, nous considérons que nos cinquante dernières années sont le dernier chaînon d'une grande et longue histoire. L'arbre sans racines devient un poteau, et sur n'importe quel poteau on peut accrocher un micro qui crie la musique des autres, mais nos racines

---

¹ Fondateur de la littérature Kazakh écrite au 19e siècle.

peuvent nourrir un arbre qui donnera des fruits, des feuilles, de l'ombre. Je parle en communiste, et il n'y a dans ce que je dis, aucune contradiction. Aujourd'hui, ceux qui mettent des bâtons dans les roues sont les fonctionnaires moyens, poussés par la routine et déformés par un esprit bureaucratique; ils craignent à la fois le sommet et la base et restent donc dans l'immobilisme.

- *Votre but dans la vie?*

- Tenter l'impossible. Ma devise, notre devise, est: "La vastitude du présent, la profondeur du passé, la hauteur du futur". Le jour où nous serons arrivés au point idéal de ces trois vecteurs, nous aurons atteint le point idéal de la culture.

Le Monde, 1973, 29 mars, p. 18.

* * *

Léon Robel.

UNE MINUTE DE SILENCE AU BOUT DU MONDE

Olgas Souléïmenov est –je n'hésite pas à l'affirmer– un des plus importants poètes d'aujourd'hui. Il est né en 1936 à Alma-Ata. Les années qui suivent, mouvementées comme on sait, expliquent que sa scolarité se soit faite en russe beaucoup plus au nord, et qu'il soit parfaitement bilingue (sa famille elle aussi a été victime de la répression et de la déportation). Vingt ans après, les choses ont profondément changé. Il fait à l'université de sa ville natale des études de géologie qui le marquent profondément. Puis, c'est l'Institut de Littérature à Moscou, les premiers vers publiés dans la *Literatounaïa Gazeta* en 1959, avec une présentation de Léonid Martynov, un premier livre de poèmes (Alma-Ata, 1961). En même temps, il se livre à des études approfondies de linguistique, slavistique, turcologie. Se succèdent poèmes, essais de philologie et d'histoire, scénarios, proses. Ce qui frappe dans l'oeuvre de Souléïmenov, c'est l'ampleur et la souveraine liberté, à la fois thématique et formelle. Son continent poétique, c'est le monde entier: il en parcourt passionnément les configurations actuelles et les plus profondes et anciennes sources. Il le fait avec une allégresse d'invention incomparable, jouant à la fois sur tous les registres prosodiques.

Europe. 1976, n°563, p. 145

UN CITOYEN A LA FRONTIERE DE DEUX UNIVERS

D'origine kazakh, Oljas Souleïmenov, qui n'a pas tout à fait quarante ans, est tenu pour l'un des plus grands poètes soviétiques vivants. Il est fort peu connu en France: quelques traductions dans "Change" (n°9, 14 et 19), "Les Lettres françaises", "Oeuvres et Opinions" (aujourd'hui "Lettres soviétiques") et dans "Action poétique"; c'est peu. On annonce pourtant la traduction prochaine, en français, d'une de ses oeuvres majeures: "Le Livre de glaise". Aussi avons-nous profité du passage à Paris, en décembre, d'Oljas Souleïmenov, pour le rencontrer. De l'entretien au magnétophone qu'il eut avec Lily Denis, Léon Robel et Francis Cohen, nous avons tiré ces propos qui dessinent l'itinéraire passionnant d'un "citoyen à la frontière de deux univers" comme ce poète se définit lui-même et qui, à partir justement de ce "pluriculturalisme" assumé jusqu'au bout, ouvre les perspectives d'avenir d'une littérature soviétique.

Je voudrais, pour commencer, m'expliquer sur le fait que moi, Kazakh, je m'exprime en russe. Ce n'est pas une question de gré ou de force. Je n'ai pas décidé tout à coup d'écrire en russe. Cela dépend d'abord de ma situation personnelle. Je suis né à Alma-Ata, mais j'ai passé mon enfance à partir d'un an dans d'autres régions et j'ai donc une deuxième langue maternelle, le russe. J'ai fait mes études secondaires dans une école russe. J'ai fait des études de géologie à Alma-Ata puis j'ai été admis à l'Institut de littérature à Moscou (dans la section de traduction du kazakh en russe). Ce bilinguisme m'aide beaucoup, pas seulement pour la poésie, mais cela m'a servi pour définir ma conception du monde car je me sentais un citoyen à la frontière de deux univers. Je suis à l'écoute des deux côtés. Je ne me limite pas à un type de culture ethnique. Je m'intéresse aux cultures orientales et occidentales. Ces deux mondes s'entrechoquent en moi.

A vrai dire, d'abord je ne pensais pas écrire des vers. Je suis géologue. Pour moi, la poésie, ce n'est pas une profession, c'est un hobby. Je n'arrive pas à me figurer le type qui, le matin, écrit un poème d'amour, "tac... tac... tac...", court le donner à la rédaction, reçoit son argent et s'en va. C'est impossible pour moi! Je crois que je suis resté géologue. Cela me convient tout à fait. C'est une science où un millier d'années ne signifie rien. On compte en millions, en milliards. L'échelle est immense. Et puis, quand je suis arrivé à la littérature par le canal de l'Institut, je voulais d'abord, seulement, traduire les poètes kazakhs. Ce n'est qu'un peu plus tard que j'ai essayé d'écrire moi-même.

Le poète dont je me sens le plus proche est Voznessenski. C'est un poète d'avant-garde, pas seulement pour la littérature russe, mais

aussi pour cette littérature soviétique qui se dessine. De plus, il m'est proche parce qu'il est ingénieur, pas seulement par sa formation d'architecte, mais par sa vision. Il voit le monde en structures, sans s'obstiner sur une partie quelconque, mais en prenant en compte les volumes. Une vue d'ingénieur. C'est important, cette influence de la formation. Cela me plaît. Il y a aussi Bella Akhmadoulina et ensuite les chansons. J'en écris moi-même. Il y a Vyssotski par exemple. Et puis bien sûr Khebnikov, Maïakovski, Mandelstam, Pasternak, Blok...

Je voudrais fixer quelques points d'histoire. De nombreux peuples de l'U.R.S.S. ne connaissent pas la prose. Elle est apparue sous l'influence de la littérature russe. Celle-ci a incorporé le roman venant d'Europe à la fin du XVIIIème siècle. En fait, la littérature mondiale nous est parvenue à travers la langue russe et nous pouvons lier étroitement la naissance de ce genre dans notre littérature au développement de la littérature russe. Ainsi pour la prose kazakh: c'est au début de ce siècle qu'apparaissent de bons prosateurs, des écrivains comme Aïmaoutov (à l'époque victime de la répression), Maïlin, Djansougourov dans les années trente. Dans les années cinquante émerge Aouezov, qui se dit élève d'Aïmaoutov. Parmi les contemporains, on peut citer Nourpeïssov. Il reprend la tradition épique tolstoïenne, mais ses romans dépassent cette forme, passant à un roman plus compact, plus poétique, métaphorique et non descriptif. Je peux nommer aussi Sanbaev. Bien sûr, il y a peu d'écrivains de premier plan dans chaque littérature nationale, mais on trouve partout des prosateurs qui reprennent la tradition de Tolstoï mais aussi la développent dans la direction de Tchekhov et au-delà.

Je parle là de romans uniquement, car la poésie est une très vieille tradition chez les Kazakhs et dans les autres littératures orientales, si bien que le problème s'y pose de façon différente.

Dans les républiques –et les littératures– voisines du Kazakhstan, la naissance et le développement ont suivi les mêmes chemins. Vous connaissez le Kirghiz Aïtmatov, et il en est de même chez les Ouzbeks. Aussi existe-t-il entre nous des liens étroits et, si les émergences culturelles semblent se répondre, les particularités propres au développement historique de chacune de ces républiques introduisent une grande diversification.

Si l'on tient compte par ailleurs du développement récent des littératures du Grand Nord sibérien avec Iouri Rytkhéou, Chestalov, de ce qui se passe en Biélorussie avec Bykov ou au Tadjikistan avec Moumin Akanatov, on peut dire que, grâce à ces écrivains, qui ont intégré ces différentes cultures, mais aussi grâce au niveau général d'éducation qui s'est répandu à travers tout le territoire, se pose une nouvelle question. Au conseil des critiques, à Moscou, un critique –de la république de Lituanie je crois– a créé des remous en lançant la thèse selon laquelle il y aurait maintenant dans la littérature soviétique une situation telle qu'on ne peut parler d'une littérature "dirigeante" et d'autres "dirigées". Le

niveau d'ensemble concorde. Il y a des écrivains "de pointe", quelle que soit leur origine culturelle nationale. Ils peuvent apparaître sur la presqu'île de la Tchoukotka, dans le Grand Nord sibérien, ou en Asie centrale, dans les pays baltes ou à Moscou. Nous avons mis cette thèse en discussion et ce débat va se poursuivre. Le milieu littéraire chez nous, en effet, est prêt à ce débat, à ces essais. Il peut naître d'utiles et constructives solutions à ce problème théorique, mais on trouve dans la pratique des faits pour l'étayer.

Ainsi, nous n'envisageons pas le développement de notre littérature par "régions" séparées, mais s'ébauche déjà sous nos yeux un processus unique pour l'ensemble du pays avec différents représentants, indépendamment de leur origine spatiale. Ils sont tous les représentants d'une littérature soviétique bien qu'ils conservent dans leurs oeuvres (poèmes, et romans) les traits individuels de leurs cultures nationales. Celles-ci connaissent un processus d'intégration qui, je pense, est globalement positif parce qu'il permet une compréhension mutuelle.

Si l'on a pu, un temps, légitimement parler des littératures soviétiques, ce qui permettait de lutter contre le tendance à réduire la richesse de la production soviétique à la littérature russe, il ne faut plus aujourd'hui étudier séparément ces littératures mais saisir le processus de formation d'une littérature soviétique. Nous parlerons donc à l'avenir d'une littérature soviétique si l'on prend cela non comme la disparition de cultures distinctes, mais comme la résultante d'une réalité multiforme. L'humanité va vers une certaine unification, mais dans la diversité. C'est un peu comme la formation d'un bouquet, ainsi que nous l'enseigne ce vieil art japonais. Un bouquet n'est pas fait uniquement de roses ou de marguerites. On cherche avec des éléments variés à obtenir un objet harmonieux. La littérature soviétique serait comme un bouquet.

Pour moi, l'important, ce sont les phénomènes profonds de l'histoire de l'humanité. J'ai étudié les sources historiques concernant mon pays en bibliothèque à Moscou. Je me suis éduqué et j'ai trouvé les aspects qui m'étaient les plus proches. J'ai lu les manuscrits russes, *Le Dit du prince Igor...* et mes vers reflètent cet intérêt pour l'histoire. Maintenant, je viens de publier un petit livre: *Azia*. J'ai essayé de généraliser ce que j'avais appris et, en même temps, je l'ai fait pour me débarrasser de ce thème sur lequel je travaille depuis longtemps.

Azia, c'est bien sûr l'Asie, mais décomposée en deux mondes. J'avais déjà utilisé ce "découpage" dans un poème dédié à Voznessenski où je dépeçais ce mot. Ce qui me plaît, c'est la corrélation entre l'ancien et le nouveau, la multiplicités des sens sémantiques: *az*, c'est "je" en vieux slave, et *ia*, c'est "je" en russe moderne.

Dans ce titre s'entrechoquent deux époques. De plus, s'y retrouve la proximité des anciens mondes turcs et slaves. Je voulais montrer qu'alors que les historiens essaient de séparer les peuples, de les donner en quelque sorte comme indépendants les uns des autres, l'histoire nous propose les matériaux qui permettent de penser que ces époques ne

en quelque sorte comme indépendants les uns des autres, l'histoire nous propose les matériaux qui permettent de penser que ces époques ne furent pas seulement déchirées par des conflits, mais que des liens s'y nouèrent. En effet, même cette histoire écrite d'après des sources religieuses s'étayant sur des faits particuliers pour tenter de montrer que les russes se sont toujours battus à l'Est, qu'il n'y avait pas de rapprochement, d'influence culturelle réciproque reste pour moi mensongère. Mon but était de montrer qu'en dépit de cela les peuples se battaient mais aussi se liaient, échangeaient leurs cultures, les mots, comme maintenant.

Aussi, le thème second de mon livre, c'est la lutte contre les altérations de l'histoire au nom d'une idéologie "dominatrice" qui s'est développée dès la naissance de l'historiographie russe au XVIIIème siècle. C'est une idéologie d'impérialiste qu'on trouve dans les premiers travaux de Tatichtchev, Soloviev, Karamzine, et ensuite notre histoire l'a machinalement reprise. Je voulais faire quelque chose contre cette inertie et dire que l'on peut développer cette historiographie dans d'autres directions, meilleures et plus scientifiques.

Quant à la deuxième partie du livre, elle est dédiée aux sources anciennes dans lesquelles se reflète d'une certaine façon le destin des nomades turcs. Les cultures de langues turques sont relativement récentes – disons le IIIème siècle de notre ère, l'époque des "Huns" . C'étaient des "barbares", des "pillards", des "meurtriers" selon les savants européens qui regardaient non dialectiquement l'histoire de ces peuples. Ils la regardaient à travers le prisme de la carte culturelle du XIXème siècle. De là pouvait naître une perspective historique permettant une idéologie fascinante, à savoir l'idéologie grand-russe encore au XIXème siècle. En fait, les peuples turcs, comme d'autres, ont connu des époques d'essor culturel, puis des régressions. L'histoire de tous les peuples présentent de tels zigzags. Je voulais en montrer dans ce livre des exemples précis; des éléments de biographies, des éléments de la culture et des langues turques en relation avec les autres cultures de l'ancien monde. Il y avait là un foyer vivant de civilisations qui avaient noué des liens avec la Chine, l'Egypte, avec l'Europe. Je voulais rassembler les faits, les traits communs; Je pense que c'est une idée utile dans notre conception actuelle du monde, pour les jeunes générations. Il faut se débarrasser de l'idée de cultures qui se développeraient dans des compartiments séparés, sans liens réciproques sinon les guerres. Bien sûr, il y avait des guerres, mais il y avait aussi des rencontres, des discussions...comme aujourd'hui. Si on se contente du premier élément (les guerres), alors ces échanges sont masqués. C'est cette histoire-là que je récuse. Il faut trouver les "pauses" de la vie qui ne sont pas prises en compte par les manuscrits "dramatisants". Il faut rechercher les manuscrits de paix. Les écrivains peuvent y contribuer.

Pleins feux: Sur un Poète Soviétique

Je m'appelle Olzhas Omar-uli Suleïmenov.

Je suis né en 1936 à Alma-Ata, capitale de la République Soviétique Kazakh.

Père: Omar Officier de cavalerie, mort quelques jours après ma naissance.

Mère: Fatima. Quelques années plus tard elle épousa un éminent journaliste Kazakhe Abdu Ali, qui m' a élevé.

Après mon diplôme de fin d'études secondaires, j'entre à la Section de Géologie de l'Université d'Etat Kazakhe. J'ai terminé mes études et suis devenu ingénieur –explorateur de dépôts de pétrole et de gaz. J'ai travaillé comme géologue plusieurs années. Alors que j'étais encore étudiant j'écrivais de temps à autre pour des journaux et des revues du crû. L'opportunité de me rendre à Moscou et d'étudier à l'Institut de Littérature me fut offerte. Ayant appris l'histoire géologique de la terre, au cours de mes études à Moscou, je tentai de découvrir ce qu'était l'histoire des êtres humains.

Les premiers poèmes que j'ai composés m'ont amené à essayer de pénétrer l'histoire des Kazakhs. Les Kazakhs sont les derniers nomades d'origine turque qui n'ont commencé à se fixer qu'au début du vingtième siècle. Ils étaient toujours pris entre l'Est et l'Ouest. Cet état intermédiaire peut être perçu à la fois dans notre culture traditionnelle et moderne et dans notre vie quotidienne.

Notre culture a absorbé le conservatisme des Turcs d'antan, les tendances à la méditation du Bouddhiste, le manque d'individualité du Musulman et le besoin de s'affirmer de l'Européen.

Je suis amoureux de l'Histoire. Dans l'histoire des anciens, je recherche les origines positives qui n'ont pas été conservées dans la chronique officielle, mais sans lesquelles il serait impossible d'expliquer la nature des relations contemporaines et futures des hommes au sein d'une même humanité.

Je suis ému à l'idée des chroniques non-écrites, par des chroniques et les poèmes détruits, des discours qui n'ont jamais été prononcés. Je les cherche dans le passé afin d'entendre leur voix et de les transcrire aujourd'hui.

A l'heure actuelle, un poète Kazakh se doit d'être un chercheur aussi, parce que le dernier chameau porte le plus pesant fardeau –il est chargé de tous les biens, abandonnés par la caravane qui s'en est allée.

J'ai la conviction que chaque génération devrait vivre d'une manière extrêmement active et dynamique comme si elle devait être la dernière. Nous prenons en toute conscience la responsabilité de ces vérités que nos ancêtres insouciantes n'ont pas eu le temps, ou ne pouvaient pas, comprendre et accepter. C'est pourquoi nous passons

notre temps à des choses qui pourraient paraître absolument inutiles – nous déchiffrons les runes scandinaves, étudions l'histoire étrusque, creusons profondément l'archéologie sumérienne, essayons de lire les inscriptions Mohenjo-Daro.

L'oeuvre d'un poète ne peut s'évaluer au nombre des vers qu'il a composés, mais plutôt de par la somme de bonheur que son labeur lui donne. Et il devrait entreprendre n'importe quelle chose qui lui semblera intéressante.

Car la culture, c'est tout ce qui est intéressant. Et nous verrons quels résultats nous obtiendrons. On ne saurait forcer la volonté d'un poète devant un Thème, une Intrigue ou une Idée. Il doit trouver sa propre voie à travers des milliers de thèmes mineurs, d'intrigues ou d'idées.

Pendant plus de dix ans j'ai étudié l'histoire et la linguistique et publié plusieurs ouvrages sur la vieille épopée russe "Le Poème d'Igor" et sur les origines des caractères turcs anciens. Je recueille le matériel nécessaire pour un dictionnaire étymologique des apports turcs dans les langues slaves

En 1961, mes deux premiers recueils de poésie ont été publiés: "Arghamaks" et "Terre Incline-toi devant l'Homme".

"La Nuit est une Parisienne" a paru en 1962 après ma visite aux Etats-Unis d'Amérique et à Paris. Ont suivi: "La Bonne Heure du Soleil Levant", "L'année du Singe", "Livre d'Argile" et autres...

Je suis fou de cinéma. J'ai été rédacteur en chef à "Etudes sur le film Kazakh" et j'ai réalisé plusieurs films –longs métrages et documentaires.

Actuellement je suis Secrétaire de l'Union des Ecrivains Kazakhs et Président du Comité de Liaison avec les Ecrivains Afro-Asiatiques.

Lauréat de plusieurs prix littéraires –Komsomol du Kazakhstan, Komsomol de l'U.R.S.S. et Prix d'Etat de la République Soviétique Socialiste du Kazakhstan.

Lotus, (Caire). 1978, n°31-1,
janvier-mars, p. 42-43.

* * *

François Salvaigne

Poésie

Terre du feu, par Oljas Souleïmenov, traduit du russe par Léon Robel. Quarante-cinq ans, géologue de formation, originaire du Kazakhstan, Souleïmenov prévient d'emblée. "Que d'autres se ventent de leurs racines colorées et variées, nos racines à nous sont grossières et noueuses". Poésie âcre, de peu de mots, ramassée comme un buisson

dans la plaine désertique, "la steppe sans cimes et sans gorges/ni tonnerre ni éclair/ni debout ni assis./La paisible horreur du soleil/et les aigles". Poésie à la fois limpide et mystérieuse, qui brûle d'un lent chalumeau la densité physique de la nature. L'un des textes est dédié à Nazim Hkmet, auquel le lecteur pense souvent.

Humanité dimanche, 1981, n°63, 3 avril, p. 19

* * *

Alain Bosquet

Souleïmenov, l'asiate

Oljas Souleïmenov, natif d'Alma-Ata, capitale du Kazakhstan, est, à quarante-cinq ans, le poète le plus remuant de l'Union Soviétique. Il faut entendre par-là qu'il se comporte en homme qui s'arroge le droit de tout remettre en cause, aussi bien les rapports du communisme avec le Coran que la structure sociale ou la constitution même du langage poétique. Il y a en lui, de son propre aveu, trois hommes, ce qui explique ses revirements, ses croisades, ses explosions.

Il est linguiste, donc critique à l'égard de sa langue; il écrit en russe, pour traduire son universalité, et ne peut que constater à quel point l'outil de son art est ou trop sage ou parcouru de lieux communs.

Par ailleurs, Oljas Souleïmenov est géologue de métier: il a des réflexions de spécialiste, qui compte par strates et par millions d'années: la vie lui apparaît comme un phénomène que le réalisme ne suffit pas à contenir. Il prend la planète à témoin de ses émois, se comporte tour à tour en grand sceptique et en être capable de s'interroger sur la plupart des problèmes, quelle que soit leur nature. Il nous est proche par une sorte d'hébétude naïve et corrosive en même temps.

La grande originalité d'Oljas Souleïmenov est dans l'alliance qu'il veut réaliser entre l'Asie mythique et l'Europe d'aujourd'hui. Il peut parler des troupeaux de yaks, de la toundra, de Gengis Khan, mais également presque dans le même souffle, citer Marx, Lénine, Sartre ou vanter les vertus explosives du jazz. Asiate convaincu, géologue qui pense en termes d'éternité, poète qui n'oublie pas l'au-delà, Oljas Souleïmenov traverse le lyrisme contemporain à bride abattue.

Le Monde. 21 août 1981, p. 11

Oljas Souleïmenov

TRANSFORMATION DU FEU

On n'entre pas si aisément dans l'oeuvre d'un poète de langue russe, si renommée soit-elle, au travers d'une traduction, même scrupuleuse. Pour Oljas Souleïmenov, poète kazakh né à Alma-Ata en 1936, "une grande voix de notre temps, étrangement autre et nôtre" affirme Léon Robel, la difficulté subsiste – ce qui se passe d'une langue à l'autre se limite surtout à la signification littérale, mais l'on perçoit de loin en loin ce qui probablement déborde de partout cette signification, c'est-à-dire la poésie.

"Le travail du poète ne consiste pas seulement à faire rimer les terminaisons, mais aussi les racines. Sens-tu bien le lien entre les mots *flamme* et *plaine*?", cette proposition qui se lit dans la préface nous place justement au coeur de l'exigence poétique. Souleïmenov dit encore: "Notre thème c'est le feu, la cendre et l'herbe... nos racines à nous sont grossières et noueuses". Cela produit cette poésie de plaine brûlée, cendreuse, reconquise et fécondée, formidablement humaine, inventive, charriant toutes les angoisses et tous les éblouissements, empruntant au conte comme au fait divers, à la légende et à l'histoire, mêlant la gravité à l'humour, le sarcasme à la tendresse. Nous sommes loin de la délicatesse classique ou des évanescences du symbolisme, plutôt du côté de Hugo ou de Claudel, et dans une sorte de brassage dionysiaque de tous les courants et de toutes les voix.

En même temps que poète, Souleïmenov fut géologue: ce n'est pas sans incidence sur son oeuvre. Attentif aux techniques et aux surprises du forage, il sait que la ligne droite et verticale n'est pas le plus sûr chemin jusqu'au gisement convoité, "cette maudite couche qu'on cherche à atteindre toute sa vie". De la passion du creusement, de l'enfouissement, de la mise à jour, il fait une poésie passionnée, véhémente et foisonnante. On pourrait lui appliquer cette épithète par laquelle il caractérise Colomb: "vaste comme l'épopée". Et ses poèmes sont autant d'épopées inouïes, celle des baleines, celle des yaks chenus du Pamir migrant par les montagnes vers le lichen de la Tchoukotka, celle du chaudron le plus ancien du monde retrouvé plein de terre et d'os pilés, près du village tchéchène de Bamout ("on y cuisait jadis de la viande d'auroch"), celle des aigles gras et des aigles légers (on ne voit qu'eux et "la paisible horreur du soleil"), celle des monts et des steppes où l'on apprend l'amour, le rire et les larmes. Beaucoup d'éclat dans tout cela, de coups de lumière et de vins violents, une exploration ardente de la vie collective et de l'histoire personnelle, avec un forte charge de fureur, de tendresse et de pitié.

* * *

Christian Mouze

Oļjas Souleïmenov

TRANSFORMATION DU FEU

Le lecteur français pouvait déjà connaître Souleïmenov avec *Le Livre de glaise*, également traduit par Léon Robel (Publications orientalistes de France) et les traductions de Luda Schnitzer dans *Mais la poésie...* (Ed. l'Age d'homme).

“Je suis géologue” sont les premiers mots de *Transformation du feu*. et la terre natale Kazakhstan, son relief, son histoire, ses moeurs, ses mythes, sont à la source de la poésie de Souleïmenov, géologue, philologue, historien en même que poète. Souleïmenov n'est pas un poète de la vie intérieure mais de la vie de son peuple, de la vie de sa terre. Il s'agit, dans l'U.R.S.S. moderne, de métamorphoser le feu de cette terre, de capter la fureur venue des racines et des ancêtres, et la couler dans la langue russe. Souleïmenov, poète kazakh, est un poète de langue russe et parce qu'il est dans la langue russe le poète de son peuple, il se veut le poète de tous les peuples: c'est le contraire d'un poète régionaliste. Souleïmenov est le don du Kazakhstan à la Russie et à la langue russe.

Sa pensée est critique: il ne recueille pas pieusement l'héritage du passé: un minaret ne le porte pas à méditer sur une foi dont il n'a cure mais évoque pour lui “la silhouette d'une fusée balistique”. La beauté matérielle de ce monde biffe la foi en un autre monde. Souleïmenov scelle l'héritage religieux au monde athée pour lequel il lutte. Cette poésie est celle d'un combat mené dans l'histoire et au coeur du verbe. le poète interroge, provoque, lutte avec sa terre. Pensée critique encore, en dépit des consécrationes officielles (il a été deux fois prix du Komsomol). à coeur joie il se livre à l'ironie, à la raillerie, à la satire. En dehors du goût “géologique” de l'histoire (le peuple kazakh c'est indissociablement “la plaine sauvage du Kazakhstan”, l'humour et la fantaisie sont les nerfs de cette poésie qui refuse toute contemplation passive de la culture natale, et, dans ses métamorphoses, se joue de toute analyse matérialiste obtuse.

Esprit. 1982, n°3, mars, p. 203

Lisons Abaïl...

Pour des lecteurs francophones plongés dans la culture française, les auteurs de talent ne manquent pas. Aussi seront-ils peut-être surpris d'apprendre que venant d'Asie Centrale une voix chaleureuse puisse s'adresser à eux avec pertinence grâce à la traduction qui leur est proposée ici.

Écoutons Abaï Kounanbaïouly: sa voix résonne depuis la steppe kazakhe et son message est écrit au XIXe siècle prend aujourd'hui une force étonnante en ces heures nouvelles pour la République du Kazakhstan.

La pensée de l'"alkyne" étonne par sa profondeur et complexité au soir d'une vie au cours de laquelle le penseur, après s'être longuement penché sur la réalité de la vie quotidienne de ses concitoyens, s'interroge sur leurs attitudes, leurs sentiments et leur croyance.

Très vite, l'intérêt du lecteur sera captivé par le souffle qui anime Abaï dans son combat contre l'injustice et la corruption. Et même si l'on peut discerner entre les lignes un certain pessimisme, celui-ci est vite dissipé derrière la foi qui anime l'auteur tout entier entraîné de voir son peuple aimer la solidarité, l'effort, le goût pour l'étude qui seule peut libérer l'homme de ses mauvais penchants: "Si tu as vraiment le désir que ton fils soit un homme qui mérite le respect, envoie-le à l'école..." (Réflexion n°25).

Certes, l'auteur vit et pense comme au siècle précédent et cela transparaît constamment dans ses analyses de la réalité sociale, économique et religieuse. Mais ses réflexions rejoignent souvent l'actualité la plus brûlante, en particulier lorsqu'il évoque les rapports fructueux entre les cultures diverses: "Celui qui possède la langue et les trésors spirituels d'une autre nation devient son égal et ne l'implore pas indignement" (Réflexion n°25). Ainsi pour Abaï, le contact entre les peuples ne signifie pas soumission, mais connaissance et respect des diversités et enrichissement mutuel.

De plus Abaï a parfaitement conscience des difficultés que rencontrera tout peuple qui doit assurer en premier lieu la satisfaction de ses besoins les plus élémentaires, mais il associe constamment et immédiatement cette recherche au développement des besoins spirituels car il s'écrie avec audace "Même si tu es pauvre, tu n'as pas à en avoir honte" (Arly bolsan, jarly bolsan). (Proverbe commenté, réflexion n°29). Finalement, ce poète, ce philosophe, ce moraliste déterminé nous livre ici une oeuvre complexe; il nous faut féliciter le traducteur Galymjan Moukanov qui a su mettre en relief la profondeur d'une pensée inconnue jusque là pour nous. Oui, Abaï nous interpelle, Abaï nous empêche de nous complaire dans une satisfaction béate, derrière le philosophe, la parole du moraliste résonne constamment avec force: "Si tu as de vrais

mérites, tout le monde le saura et il est insensé de te glorifier toi-même".
(Extrait du poème Iskander.)

Oui, lisons Abaï....

Préambule

Abaï Kounanbaïouly. *Réflexions en prose*
Poèmes "Iskander" et "Masgoud".

Almaty; Raouan, 1994

* * *

Christian Vicenty

Abaï
ou la parabole
"Qu'as-tu fait de ton talent?"

Ma mission au Kazakhstan m'offre l'occasion de mieux connaître et apprécier la richesse de pensée des auteurs de ce pays. Même si mon expérience est encore récente, j'ai pu percevoir dans Abaï une confirmation, celle de préoccupations universelles liées à l'homme et son devenir, dans le temps et dans l'espace.

Cela est à la fois réconfortant et angoissant pour nous tous. C'est réconfortant parce que cela prouve que les êtres humains, même très différents à tous points de vue, peuvent avoir des valeurs communes minimales qui suffisent à maintenir une planète en survie. Mais c'est aussi angoissant lorsqu'on se rend compte qu'aucun progrès matériel ou scientifique ne parvient de façon décisive à changer l'esprit humain, à lui faire pénétrer des valeurs morales en conformité avec les biens acquis.

Au fil des espaces et des siècles, les mêmes maux reviennent inexorablement: la tentation d'abuser du pouvoir, le chauvinisme, la corruption des fonctionnaires, les vices de la vie privée, l'ennui, l'indifférence, l'ignorance, la paresse, la vantardise, le colonialisme... Et j'en dirais, et j'en dirais en relisant Abaï, qui lui-même affirme si justement:

- "Et si l'on s'était occupé d'autres choses (qu'à augmenter le nombre de troupeaux), telles que le labourage, le commerce, les arts et les sciences, on aurait eu d'autres résultats"

(2-ième réflexion)¹

Voilà une autre façon de dire, me semble-t-il:

- "Qu'as-tu fait de ton talent?", ou encore: "L'homme ne se nourrit pas seulement que de pain".

---

¹ Les citations sont faites d'après l'édition "*Abaï. Réflexions en prose. Poèmes „Iskander”, „Masgoud”*" (Trad. du kazakh par Calymjan Moukanov) - Almaty, Raouan, 1994.

Sa formation lui importe, lui revient également, de la qualité de laquelle dépend non seulement toute sa droiture personnelle, mais aussi celle de la société qu'il construit et conduit.

Ce qui me paraît le plus fort et le plus visionnaire dans les réflexions d'Abai, c'est cet esprit d'éducation par exemple. C'est l'exemple de soi offert aux autres, c'est l'exemple du chef et de ses collaborateurs offert à la société:

- "Il faut avoir pour chefs des personnes sages sans avoir vérifié leur origine de naissance"

(39-ième réflexion);

- "Qui dédaigne ses proches sera maltraité par les étrangers"

(39-ième réflexion);

De telles réflexions paraissent bien naïves lorsqu'on a le sentiment de vivre dans des sociétés où le bonheur et la réussite semblent dépendre davantage en permanence du vice que de la vertu (proverbes kazakhs rapportés par Abai):

- "Celui qui a réussi à se faire une fortune n'est coupable de rien"

(44-ième réflexion)

- "Celui qui possède des troupeaux a un visage clair"

(44-ième réflexion)

Il y a pourtant un message de foi véritable en la volonté et les capacités humaines.

- "Le pire des hommes est celui qui n'a aucun désir de faire quelque chose"

(44-ième réflexion)

- "Si j'avais un pouvoir législatif, je couperais la langue à celui qui affirme qu'il n'est pas possible de refaire le caractère d'un homme"

(10-ième point, 36-ième réflexion).

Toute la difficulté réside dans le fait d'obtenir des résultats dans l'intérêt des hommes et de leur société à long terme, sans pour autant brusquer leurs tendances naturelles dans l'immédiat, sinon le désir de vertu ne fait qu'engendrer du malheur pour soi et pour les autres, à supposer encore qu'on puisse s'en rendre compte:

- "La honte est la pression intérieure qui fait prendre conscience à un homme de sa propre malhonnêteté. c'est sa moralité régulatrice (. .). Cependant, les gens que je vois quotidiennement n'ont aucune honte ni même ne rougissent pas..."

(36-ième réflexion)

Puissent ces quelques constats et lignes directrices nous concerner dans notre action quotidienne de formateurs dans le cadre de l'Ecole Nationale d'Administration. Il s'agit là d'une "philosophie de la pratique" qui, espérons-le, fera que nos futures promotions seront celles de fonctionnaires intègres et répondant avec talent aux besoins urgents du peuple qui les paie pour cela:

“Ne croie jamais aux biens de ton existence perfide
Qui un jour te quittera
Et te fera perdre ton titre et tes amusements
Tous les trésors innombrables ne valent point ton honneur,
Et celui qui n'a pas honte n'a pas sa dignité d'homme”.
(extrait du poème d'Abai “*Iskander*”)

Bien sûr, on peut disserter à perte de vue sur les modalités d'organisation intègre et efficace de la fonction publique, sur le fait de savoir si les fonctionnaires doivent être nommés ou élus (contenu de la 3ième réflexion), mais nous pensons que le pragmatisme nous permettra d'éviter à long terme les écueils traditionnels de l'administration publique:

– “Une bête ne sait rien, mais elle n'affirme pas le contraire.

Quant à nous, nous non plus ne savons rien, mais nous crions, nous nous battons en affirmant que nous savons tout. Et il nous semble que notre ignorance est bien meilleure que les connaissances d'une autre personne”

(7-ième réflexion)

– “Nous ne pouvons créer les sciences nous-mêmes, mais à l'aide de notre raison, nous connaissons les choses faites d'avance selon la loi divine, lesquelles sont vues, ouïes et perçues par nous grâce à nos organes des sens”

(45-ième réflexion)

*

Mais pragmatisme ne signifie pas perte de vue progressive des objectifs initiaux. Le balancement permanent entre ces deux bornes est de rigueur et j'en veux pour preuve que l'exigence d'Abai rencontre celle du juriste-régent japonais SHOTOKU TAISHI, exprimée près de mille trois cents ans plus tôt!

Ce juriste rédigea en l'an 604 de notre ère une Constitution dite “des 17 articles”, d'inspiration confucianiste, à une époque où le Japon se voulait uni et doté d'institutions politiques solides, pouvant limiter la puissance des familles et des clans (dynastie YAMATO) et rééquilibrer en même temps l'influence montante du Bouddhisme. Il a introduit le principe de vertu (ou “rei” en japonais), non seulement dans la société, mais plus particulièrement dans l'organisation de l'administration du pays et celle proche de l'Empereur.

Les articles 4 à 8 qui traitent spécifiquement de ce principe relatent précisément des préoccupations précoces liées à l'ordre et au talent en société, renforçant d'autant plus, heureusement ou malheureusement, leur actualité brûlante:

“Tous les fonctionnaires doivent oeuvrer avec vertu,

Tous sans exception, non pas les plus gradés seulement,
Comme Confucius avait cru bon devoir l'indiquer;
Si la vertu s'étend jusqu'aux classes les moins aisées,
Alors s'établit un esprit d'autoconsentement
Duquel l'ordre et la démocratie sont mieux entrevus.
Le Japon est-il plus démocratique qu'en apparence?
Oui, qui sait, par l'apport de TAISHI, de sa transcendance.

Bien gouverner suppose renoncer à tout désir
De satisfactions personnelles ou bien matérielles;
Cela garantit l'indépendance des jugements
Et la pratique de la vertu par les gouvernants.
Mieux réduire à néant tous ses désirs est essentiel
Car vouloir être saint ou sage est aussi un désir.
Procès d'un riche: plus jamais de pierre à l'eau jeter;
Procès d'un pauvre: sur la pierre, que trop d'eau jeter.

Eviter qu'un esprit de cour ne s'installe au pouvoir,
Car les courtisans sont trop enclins aux compromissions;
Les méfaits venus de ceux d'en haut dénoncer au peuple,
Dénoncer à ceux d'en haut les méfaits venus du peuple:
Tel est l'impératif pour l'intégrité d'une nation.
S'il n'infléchit l'incurie des courtisans, le pouvoir
De lui-même se dissout et génère le désordre;
Le fait est intangible: c'est de très haut que vient l'ordre.

Savoir faire que chacun se sente vraiment à sa place
Et que ce soit les sages qui règnent, de préférence,
Autrefois, de grands rois, comprendre le peuple, savaient
Sans pour autant s'obliger au peuple à en référer.
Sagesse et compétence sont les meilleures assurances
Contre l'autocratie, la démagogie en place;
Il s'en déduit du mérite la vraie reconnaissance
Comme moyen de mesurer de l'âme humaine l'essence.

S'assurer de l'autodiscipline des fonctionnaires:
Moyen le plus sûr de lutte contre la corruption;
Alors du matin au soir, le travail s'impose à eux;
Leur efficacité conduit à l'ordre vertueux
Sans esprit de flatterie ou d'auto-satisfaction.
TAISHI est père de l'administration japonaise:
Son esprit conduit toujours sa puissance et son ascèse..."¹

---

¹ Traduction et commentaires du japonais en anglais établis par Mme Kuniko SUGIUSHI, Ambassade du Japon à Moscou (1985-1988), transcrits en français par votre serviteur

Les autres articles de la Constitution première du Japon n'en sont pas moins intéressants, puisqu'ils assoient les principes d'harmonie ("Wa" en japonais), de proximité dans les relations humaines et professionnelles ("Shin" et "Gi") et de sagesse ("Chi").

Naturellement, le Japon possède une longue tradition politique et culturelle, faite de discipline autoconsentie, voire d'esprit de sacrifice; cela peut être objecté comme argument de non-adaptation de son exemple au contexte du Kazakhstan de ce siècle et de demain.

Mais il faut bien commencer par quelque chose comme l'a fait le Japon à ses débuts, quelles que soient les difficultés rencontrées; et de plus, il n'est jamais trop tard pour bien faire, (surtout que le Japon a montré qu'au fil du temps pouvoir fort et esprit de consensus ne sont pas nécessairement incompatibles):

- "On connaît la dignité d'un homme par la façon dont il commence un affaire, non par l'achèvement de celle-ci" (1er point, 36-ième réflexion d'Abai).

Il faut peut-être simplement être conscient de ses atouts et des pièges tendus pour mieux agir:

"Une haute carrière, c'est un haut rocher,
qu'atteint un serpent sans se dépêcher,
qu'atteint aussi un aigle en volant précipitamment..."
(16-ième point, 36-ième réflexion)

Et puis avoir un peu le sens de la relativité du temps et de l'espace, comme le dit si poétiquement Abai dans le 17-ième point de la 36-ième réflexion:

"Ce monde est une large mer,
Le temps est un grand vent.
Les ondes qui se précipitent les premières
Ce sont les frères aînés,
Les ondes qui les suivent sont les frères cadets,
Ils naissent et meurent
Suivant un ordre, les uns après les autres.
Et le monde semble demeurer sans changement".

Cette envolée lyrique d'Abai me fournit justement la transition souhaitée pour goûter encore un peu au monde intérieur du poète à travers deux récits inédits en France.

Parmi tous les poèmes qui restent encore à portée de connaissance des lecteurs français, j'en ai retenu deux, "L'été" et "Chasse à l'aigle en prime neige" qui m'ont particulièrement ému pour leur fraîcheur naturelle si représentative du pays d'où ils viennent.

L'été, l'hiver, la chasse à l'aigle me semblent les éléments qui symbolisent le mieux l'unité du Kazakhstan dans sa diversité et je n'aurais pas voulu achever cet article sans vous en faire partager sa substance pendant quelques instants encore.

(Almaty, le 7 février 1995)

CHASSE A L'AIGLE EN PRIME NEIGE

Quand la steppe, de neige fraîche, s'accompagne,
Le chasseur et son aigle partent en campagne.
S'il est habile, il peut facilement trouver
Un renard dissimulé derrière un rocher.

Un coursier rapide et assistant capable,
Des habits de chasseur tout à fait confortables,
Voilà les secrets d'une chasse profitable!

L'aide en bas, chasseur et aigle sur un piton
Cherchent d'un oeil perçant traces de venaison,
Parviennent à en trouver dans un des vallons.

Ayant aperçu un renard au loin fuyant,
Le chasseur pousse son aigle à prendre son élan;
Libéré, ce dernier rapidement s'élève;
Plus qu'un point noir presque invisible, on en relève.

Son oeil cruel perçoit tout ce qui vient là-bas;
Le renard, sachant que s'échapper ne pourra,
Demeure debout et se prépare au combat.

Il ouvre son grand bec et ses doigts doit montrer
Pour essayer de préserver au mieux sa vie;
Et les chasseurs survoltés accourent vers lui
Sans avoir peur de rien ni accident de risquer.

Le renard, toute sa vigueur, mobilisant
Ne s'avère pas adversaire si chancelant
Par ses quarante dents comme autant de tranchants.

L'aigle, avec ses huit serres comme autant de piques,
Descend du ciel, semblable à l'ouragan épique,
Ses ailes et sa queue, l'atmosphère fendant
Selon un sifflement des plus assourdissant.

Le voici déjà qui attrape le renard;
Et commence entre eux un combat sans rémission;
Les deux produits de ce monde sans concession,
L'hostilité l'un envers l'autre, se déclarent.

C'est un concert fort amusant pour les humains:
La neige est blanche, l'aigle noir, le renard carmin,
Pareils à une belle jeune fille au bain.

Les deux ailes déployées de l'oiseau de proie
Sont ses cheveux noirs qu'elle tient à démêler;
Sa face empourprée, sa peau blanche dénudée
Que cachent ses cheveux comme une nuit d'effroi
Sont pareils à un jeune homme et sa fiancée
Qui, l'heure des ébats, ayant tant espéré,
Sur un lit d'époux se sont enfin retrouvés.

Attongeant sa proie, sa poitrine enfourchant,
L'aigle fait bouger ses deux épaules ensemble;
Ce dernier et le chasseur sont si fiers ensemble,
Sur le rusé renard, de leur fait triomphant.

Le plus vieux des aides, par geste habituel,
Prend la peau du renard et l'attache à la selle.
Il sourit de bon coeur et annonce en quelque sorte:
"Saisissez-en une dizaine de la sorte!"

Joyeux et tranquilles sont les participants;
On arrange son chapeau plus commodément;
Une pincée de Nasbaï parfumé, on prend.

Si l'aigle, comme cerise, sa proie saisit,
Tu te sens alors comme un homme sans soucis.

A la chasse, point de mauvaise intentions:
Oiseaux, gibiers sont seuls sujets de discussion.
A ce jour, dans mon esprit, jamais n'a pris place
Occupation plus attrayante que la chasse.

Et ce que je viens de conter n'est-il pas clair
Pour un être à l'imagination qui s'envole?
S'il t'arrive d'être inattentif ou frivole,
Tu ne connaîtras point ces moments de lumière.

Mais si tu médites un peu sur chaque mot,
Tu possèderas en ton âme un beau tableau.

Je voudrais que les chasseurs lisent ce récit;
De tous ceux pour qui ces plaisirs n'ont aucun prix,
Je doute qu'ils y voient quelconque analogie.

traduction littérale du kazakh en français de G. MOUKANOV,
transcription en alexandrin de Ch. VICENTY

L'ETE

Lorsque vient le mois de juillet,
Le mois merveilleux de l'été,
L'herbe épaisse et fraîche mûrit
Et par sa hauteur s'enhardit.
Des villages entiers transhument
Vers une rivière d'écume.
Le cuir si lisse des montures
Brille dans la verte pâture
Chevaux, étalons et juments
Se déplacent fort lentement
Sur un pacage savoureux;
Tous sont essoufflés, adipeux,
Avec de l'eau fraîche, ils se douchent,
Et de leur queue, chassent les mouches
De petits poulains pleins de vie
Tout autour du troupeau sautillent,
Des canards et des oies sauvages
Vont viennent, de terre à rivages

D'habiles jeunes femmes viennent assembler
Des parties de yourtes déjà préfabriquées,
Leurs bras nus et blancs reluisent au grand soleil,
Elles disent des plaisanteries et s'en égayent
Le riche chef de la tribu apparaît dans l'aoul
Il a parcouru ses troupeaux de Karakoul,
Satisfait de l'état dans lequel ils se trouvent
Son cheval rapide, un rêve de repos, s'entrouve,
Les villageois font cercle autour d'un grand saba,
Aux habitants de l'aoul qui se trouvent là.
Une jolie femme offre du lait fermenté
S'entretiennent à part des personnes âgées
Et leurs conversations de joyeux rires, scandent

Un valet de ferme en quête d'un bout de viande
Envoie un enfant qui, sa maman fort alarme
De le voir aussi réclamer sa part en larmes.
Des gens riches appréciant les solennités
Font poser sur la terre un tapis décoré,
Au-dessus de leur tête, se font un abri.
Bien peu éloignés d'eux et de tous leurs amis,
Des bouillons de chaleur sortent des samovars.
Preennent mot des gens éloquentes à tous égards,
Se singularisent comme des étalons;
D'autres les approuvent dans leurs affirmations.
A l'autre bout de l'aoul, un vieillard se tient,
Tout de blanc habillé, un bâton à la main;
Furieux, il ordonne aux pasteurs que les chevaux
Soient chassés plus loin pour moins troubler son repos.
Quant aux gardiens de chevaux, vers l'aoul se ruent,
Rêvant tous d'un geste de leur chef de tribu:
"Oh, mes pasteurs courageux, venez donc ici!
Mes pauvres, vous avez soif, buvez du koumis!"
Ils attendent avec grande impatience ces mots,
Se tenant ferme sur d'indomptables chevaux
De jeunes chasseurs s'en vont au lac près d'ici,
Tenant à leurs bras leurs aigles et leurs fusils.
Un nuage d'oiseaux qui recouvre les cieux
Se dissipe à la faveur de longs coups de feu,
Tandis qu'un vieillard, lentement, sa vue étale
Sur le magnifique paysage estival.
Il oublie pendant quelques instants son grand âge
Et se retrouvant alors au centre du village,
Rit de bon coeur et complimente à l'envie
La splendeur de la nature et puis de la vie.

Traduction littérale du Kazakh en Français de G. MOUKANOV,
transcription en vers de Christian VICENTY.

TABLE DES MATIERES

Margarita MADANOVA. Introduction	87
Georges BOUILLON. Abaï et Aouézov.	95
Louis ARAGON. Pour le 60-ème anniversaire de Moukhtar Aouézov.	100
Louis ARAGON. Préface	101
Moukhtar AOUEZOV. "Abaï" (annotation)	109
Youri POUKHOV. Message de Moukhtar Aouézov.	110
Jean SPANGARO. Jeunesse d'Abaï.	113
Régis BERGERON. Moukhtar Aouézov, écrivain kazakh.	116
Mireille BORIS. Abaï (un livre pour rêver).	119
Iouri KAZAKOV. Préface (au roman de Nourpéïssov)	121
Abdédjamil NOURPEISSOV. La Saison des épreuves. (annotation)	123
Christian AUDEJEAN. Sur le roman de Nourpéïssov.	124
Tristan RENAUD. Nourpéïssov. Saison des épreuves.	125
Nelly STEPHAN. Les cendres de l'été.	128
André STIL. Soleil des pauvres.	128
Anne PHILIFE. Au pays des barymtschi.	131
Anne PHILIFE. Légendes et histoires turkmènes.	134
Lily DENIS. A l'infini du temps et de l'espoir.	138
André STIL. Du passé à l'avenir.	141
Guy LE CLEC'H. Premier drapeau rouge.	143
Alain BOSQUET. La tentation de l'épopée.	145
Oljas SOULEÏMINOV. Transformation du feu. (annotation).	147
Sur Oljas Souléïmenov. (du recueil: Mais la poésie...)	147
Anne PHILIFE. Le pragmatisme gêne la poésie.	148
Léon ROBEL. Une minute de silence au bout du monde.	151
Oljas SOULEIMINOV. Citoyen à la frontière de deux mondes.	152

Pleins feux	156
François SALVAIGNE Poésie.	157
Alain BOSQUET. Souléïmenov, asiate.	158
Lionel RAY Transformation du feu.	159
Christian MOULÉ Transformation du feu.	160
Albert et Madeleine FICHLER. Allons lire Abai	161
Christian VICENTY. Abai ou la parabole "qu'as-tu fait de ton talent?"	162

ABAI ET SES SUCESSEURS LITTERAIRES EN FRANCE

Editeur, auteur de l'introduction et directeur du groupe des traducteurs – docteur es sciences philologiques, lauréat du prix d'Etat "Daryn" pour les jeunes savants: MARGARITA KH. MADANOVA

Responsable de la publication – savant distingué du Kazakhstan, *membre-correspondant de l'Académie des sciences, docteur d'Etat* ès sciences philologiques, professeur: CHAMCHIA K. SATPAEVA

Edition "SANATE"

Almaty, 1995

От имени составителя, ответственного редактора и группы переводчиков мы выражаем искреннюю благодарность следующим лицам и организациям, без участия которых эта книга не могла бы увидеть свет:

- г-ну **Патрику ФРЕШЮ**, главе представительства кампании "ТОТАЛЬ Эксплорасьон Продюксьон Казакстан" в Алматы;
- г-же **Мари-Пьер ФРЕШЮ**;
- мадмуазель **Анн ФРЕШЮ**, техническому редактору;
- г-ну **Нурлану Ж. ДАНЕНОВУ**, директору Национальной Высшей Школы Государственного Управления;
- г-ну **Кристиану ВИСАНТИ**, содиректору Национальной Высшей Школы Государственного Управления;
- г-же **Камиле ФАИЗОВОЙ**, ассистенту содиректора Национальной Высшей Школы Государственного Управления;
- г-ну **Доминику ИНДЖЮДЖЯН**, советнику по вопросам культуры и сотрудничества посольства Франции в Казахстане;
- г-же **Ларисе ИНДЖЮДЖЯН**, помощнику советника по вопросам культуры и сотрудничества посольства Франции в Казахстане;
- г-же **Ирине ТКАЧЕВОЙ**, техническому редактору;
- г-же **Фатиме С. КАУАШЕВОЙ**, зав. отделом иностранной литературы Национальной Библиотеки Республики Казахстан.
- г-же **Зареме ШАЙМАРДАНОВОЙ**, главному специалисту отдела иностранной литературы Национальной Библиотеки Республики Казахстан;
- г-же **Николь СИМОН**, зав. отделом иностранных поступлений Национальной Библиотеки Франции;
- г-же **Саре ЙОНТАН-МУСНИК**, сотруднице отдела тюркологии Национальной Библиотеки Франции;
- г-же **Лили ДЕНИ**, переводчице;
- г-ну **Турсыну К. ЖУРТБАЕВУ**, директору Литературно-мемориального Дома-музея Мухтара Ауэзова;
- г-же **Руде Д. ДОСЫМБЕКОВОЙ**, сотруднице Литературно-мемориального Дома-музея Мухтара Ауэзова;
- г-ну **Андабеку К. КУАНЫШБАЕВУ**, сотруднику Литературно-мемориального Дома-музея Мухтара Ауэзова;
- г-же **Катрин ПУЖОЛЬ**, доценту Института Восточных Языков и Цивилизаций в Париже;
- г-ну **Галимжану МУКАНОВУ**, переводчику, публицисту;
- г-ну **Болату О. ЖУСУПБЕКОВУ**, помощнику депутата;
- г-же **Раисе Г. СУГУРБЕКОВОЙ**, зав. кафедрой теории и практики перевода Казахского Государственного Университета Мирowych Языков;
- г-ну **Галиму МАДАНОВУ**, художнику;
- г-же **Алие РАХИМОВОЙ**, референту.

REMERCIEMENTS

L'éditeur, le rédacteur en chef et les traducteurs expriment leurs plus sincères remerciements aux personnalités et aux institutions suivantes sans lesquelles cet ouvrage n'aurait vu le jour:

- Monsieur Patrick **Fréchu**, directeur du Bureau de Représentation TOTAL Exploration Production Kazakhstan à Almaty,
- Madame Marie-Pierre **Fréchu**,
- Mademoiselle Anne **Fréchu**, rédacteur technique,
- Monsieur Nourlan G. **Danenov**, directeur de l'Ecole Nationale d'Administration Publique à Almaty,
- Monsieur Christian **Vicenty**, co-directeur de l'Ecole Nationale d'Administration Publique à Almaty,
- Madame Camilla **Phaïsova**, assistante du co-directeur de l'Ecole Nationale d'Administration Publique à Almaty,
- Monsieur Dominique **Indjoudjian**, conseiller culturel et de coopération, Ambassade de France au Kazakhstan,
- Madame Larissa **Indjoudjian**, assistante du conseiller culturel et de coopération, Ambassade de France au Kazakhstan,
- Mademoiselle Iréna **Tkachiova**, rédacteur technique,
- Madame Fatima C. **Kaouacheva**, directrice du département de la littérature étrangère de la bibliothèque nationale de la République du Kazakhstan,
- Madame Zarema **Chaimardanova**, spécialiste en chef du département de la littérature étrangère de la bibliothèque nationale de la République du Kazakhstan,
- Madame Nicole **Simon**, directeur du département des entrées étrangères de la Bibliothèque Nationale de France,
- Madame Sarah **Yontan-MüsNIK**, collaboratrice au service turc de la Bibliothèque Nationale de France,
- Madame Lily **Denis**, traductrice,
- Monsieur Tourcin K. **Jourbaïev**, directeur du musée littéraire de Moukhtar Aouèzov,
- Madame Rouda D. **Doçsimbekova**, collaboratrice du musée littéraire de Moukhtar Aouèzov,
- Monsieur Andabek K. **Kouanichbaïev**, collaborateur du musée littéraire de Moukhtar Aouèzov,
- Madame Catherine **Pujol**, maître de conférences à l'Institut National des langues et civilisations orientales à Paris,
- Monsieur Galimjan **Moukanov**, traducteur essayiste,
- Monsieur Bolat O. **Joucoubekov**, assistant du Député Souleïmenov,
- Madame Raïssa G. **Sougourbekova**, maître de la Chaire de théorie et pratique de la traduction, Université des langues du Monde à Almaty,
- Monsieur Galim **Madanov**, peintre,
- Madame Alia **Rakhimova**, secrétaire.

**АБАЙ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНЫЕ НАСЛЕДНИКИ
ВО ФРАНЦИИ**

(На русском и французском языках)

Редактор Д. Шуканова

Художественный редактор К. Отебаев

Технический редактор Ф. Овчинникова

Набор, верстка И. Ткачева, А. Фрешю

ИБ N 249

Сдано в набор 18.02.95. Подписано в печать 20.03.95.

Печать офсетная. Формат 60 x 84 $\frac{1}{16}$. Типографская бумага N 1.

Усл. печ. л. 11,0. Уч. изд. л. 11,0. Тираж 1000 экз. Заказ N 224.

Цена договорная.

Государственное издательство "Санат" Министерства Образования
Республики Казахстан, 480012 г. Алматы, ул. А. Байтурсынулы, 65"А".
Типография Верховного Совета Республики Казахстан
480016, г. Алматы, ул. Д. Кунаева, 15/1.